

Эльза Баркер

Э. Баркер

ПИСЬМА
ЖИВОГО УСОПШЕГО

Эльза Баркер

ПИСЬМА ЖИВОГО УМЕРШЕГО

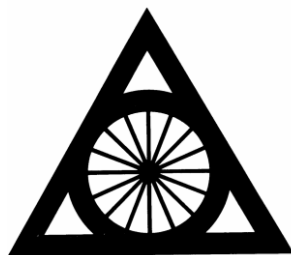
в трёх частях

под общей редакцией Йога

Раманантаты с приложением

«Книги посмертных афоризмов»

Д.П. Хэтча

Настоящая публикация подготовлена к печати Йогом Раманантатой.

*В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

Баркер, Эльза

Письма живого умершего.

**Перевод с английского Е.Ф. Писаревой, Ю.А. Хатунцева, П.А. Гелевы под
общей редакцией Йога Раманантаты.**

Популярная книга, впервые вышедшая в Лондоне в 1914 году, рассказывает о посмертном состоянии сознания. Книга представляет собой собрание *спиритических* писем от духа Дэвида П.Хэтча, известного в своё время юриста и философа, жившего в Лос-Анджелесе. Текст писем был психографически записан рукой медиума – известной писательницы г-жи Э.Баркер. Идеи, изложенные в книге, естественным образом перекликаются с религиозно-философскими учениями Востока и западного оккультизма. На русский язык первая часть книги была переведена известной деятельницей теософского движения Е.Ф. Писаревой.

Во второй части представлена вторая книга Эльзы Баркер, являющаяся непосредственным продолжением первой: «Письма Живого Умершего о войне» (1915 г.), в которой ранее изложенные идеи получают дальнейшее развитие в их взаимосвязи с Первой Мировой войной. В третьей части представлены «Последние письма Живого Умершего» (1917-18 гг.).

Текст перевода даётся в новой редакции. Издание адресовано широкому кругу читателей.

© Перевод: Ю.А. Хатунцев, 1997; 1997, 2003 гг.

© Перевод: Е.Ф. Писаревой, П.А. Гелева, 2020 г.

© Общая редакция текста: Йог Раманантата, 1997, 2020 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИЦЫ

Самое мучительное из всех страданий европейского мира – это страх смерти. Он происходит от полного неведения – что ждёт человека по ту сторону могилы? Этого мучительного страха нет на Востоке; там смерть рассматривается как временное состояние, за которым последует новая земная жизнь, и поэтому там и не возникает того бездонного провала в неведомое, который проносится в сознании европейца при мысли об ожидающей его смерти.

Из этого следует, что страх смерти не есть неизбежность, а лишь следствие определённого мировоззрения. Это подтверждается и предсмертными переживаниями глубоко религиозных людей, которые верят в Бога, в Его благость и поэтому не боятся. Но таких людей немного. Большинство чувствует потребность не только верить, но и знать.

Но возможно ли узнать, что испытывает человек после смерти? Указания на то, что это возможно, не уменьшаются, а растут, и это даёт надежду, что страх смерти будет так же побеждён, как и всякое иное неведение.

До сих пор мы знали два источника, откуда люди черпали свои знания о посмертных переживаниях: религиозные представления и сообщения спиритов. Но есть ещё и третий источник – это учение теософии; оно даёт подробно разработанные сведения о жизни человека в невидимых мирах, и эти сведения можно с полным основанием назвать противоядием, убивающим страх смерти. *

* Никак не можем согласиться с этими высказываниями и утверждениями уважаемой и заслуженной русской теософистки. Третьего здесь не дано, ибо сама теософия – всего лишь ветвь на древе спиритизма, выросшая позднее и возмнившая себя стволем. Вообще очень трогательно, что обе теософистки – одна написавшая эту книгу как медиум, а другая переведшая её на русский – не понимают, что оне словом и делом служат пропаганде спиритизма. При этом обе нисколько не стыдятся своего невежества в данной области и даже бравируют им. Все дальнейшие рассуждения г-жи Писаревой лишь указывают на то, что она не имеет о спиритизме толком никакого понятия и поэтому все его заслуги приписывает своей воинствующей секте, возникшей много позже того, как все обсуждаемые здесь проблемы были объяснены Алланом Кардеком и его Высшими Духами. (И.Р.)

Сообщения спиритов мало убедительны потому, что все они субъективны. Они рисуют состояние одного какого-либо человека и весьма мало влияют на людей иного типа и иного настроения. В учениях теософии заключаются объективные знания, касающиеся всех людей, но они, к сожалению, ещё очень мало распространены в широкой публике и требуют серьёзного изучения.

Книга г-жи Баркер, которую мы предлагаем русским читателям, отличается от других потусторонних сообщений тем, что перед нами попытка передать не субъективные ощущения умершего человека, а его объективные наблюдения. Книга эта вызвала большой интерес в Англии и в Америке, и как бы ни относиться к ней – как к подлинному сообщению из потустороннего мира, или как к литературному произведению, – она полна интересных мыслей и глубоких психологических указаний.

Главное возражение, которое нам приходилось слышать против «Писем Живого Умершего», это – их реализм, отражение в той жизни, которую мы считали непостижимой, слишком знакомых для нас явлений. Библиотеки, дома, аллеи, даже *попытки есть* – всё это возмущает мысль людей, которые привыкли считать, что потусторонний мир не может и не должен иметь ничего общего с нашим земным миром. Но почему он не может иметь ничего общего – этого никто объяснить не сумеет. Как всякое предвзятое мнение, и эта уверенность покоится более всего на привычке думать по определённым линиям, которая в данном случае вызвана исконным возвеличением загробного мира и таким же принижением мира земного.

А между тем и наука, и все наблюдения говорят нам о том, что в природе нет неожиданных скачков. Закон эволюции, т.е. постепенный переход от простого к сложному, от несовершенного к совершенному, наблюдается во всех областях природы; почему же только в этом одном случае, при переходе человека из физического состояния в сверхфизическое должен произойти какой-то противоестественный скачок? Почему человек неразвитой и невежественный, бывший в рабстве у своей чувственности, должен сразу забыть всё, чем он жил до тех пор и стать идеальным и одухотворённым? Почему не допустить гораздо более естественное и разумное предположение, что он сохранит и все свои свойства, и свой узкий кругозор, который мешает ему воспользоваться великими возможностями новой жизни, не скованной физическими ограничениями? Если это допустить, то в потустороннем мире окажется такое же разнообразие ступеней сознаний и такая же пестрота переживаний, как и в доступном для нас земном мире. Возьмите из земных переживаний только одно: большую картинную галерею – и представьте себе проходящую мимо ряда картин толпу людей всех сословий и всех степеней развития и образования, от художника-мыслителя до еле грамотного чернорабочего. Что вынесет каждый из них, уходя из галереи? Кто станет оспаривать, что каждый вынесет нечто своё, совсем непохожее на то, что испытает рядом с ним идущий? То же самое всегда и везде, где познаваемые явления проходят через наш внутренний мир. То же самое должно повториться, по всем законам разума, и в новых условиях нашего посмертного существования. Человек, для которого высшим наслаждением было вкусно поесть и роскошно пожить, будет стремиться снова повторять те же переживания, и так как, по всем оккультным указаниям, сверхфизическая материя невидимого мира весьма пластична и легко поддается творческой силе воображения, то нет ничего удивительного, если умерший человек будет окружать себя созданными его же воображением вещами, чтобы испытывать те же удовольствия, какие привлекали его на земле. *

* Напоминаем, что под «землёй», со строчной буквы, в оккультной литературе понимается не только наша планета Земля, но в смысле более широком – вся физическая вселенная, весь материальный мир; «Земля» же, с прописной буквы, – всегда название планеты. (И.Р.).

В 1914 году, когда «Письма Живого Умершего» появились в Лондоне, г-жа Э.Баркер не называла имени их автора. В январском номере текущего года нового американского журнала «The Chale» Э.Баркер даёт его имя, это – юрист, судья Дэвид П.Хэтч из Лос-Анджелеса, автор нескольких книг философского содержания, подписанных псевдонимом, весьма известный в этой части Америки и имеющий многих живых друзей, у которых можно справиться о нём. Его старший сын, Брюс Хэтч, выразил г-же Э.Баркер, которая до издания «Писем Живого Умершего» никогда не встречалась с ним, свою полную уверенность в том, что письма эти несомненно принадлежат его отцу, особенности мышления и манеру выражаться которого он узнаёт в них с полной очевидностью. Кроме этого заявления, г-жа Баркер упоминает о множестве писем, которые она получила с выражением глубокого интереса к изданным ею «Письмам Живого Умершего» и благодарности за то, что она издала их для всеобщего сведения. Это – неудивительно, потому что книга Э.Баркер полна такой бодрящей уверенности в неисчерпаемых силах человека, она даёт так много новых вдохновений и раскрывает столько широких возможностей для пробуждения духовного сознания, что её нельзя не приветствовать и не отметить, как явление чрезвычайно интересное, проторяющее новые пути общения с невидимыми мирами.

К книге, появившейся в текущем году под этим заглавием в Англии и принадлежащей перу довольно известной на Западе писательницы, приложено предисловие, в котором рассказаны все обстоятельства, вызвавшие обнаружение данных писем. Автор книги сообщает прежде всего, что ни она, ни диктовавший эти письма «***» никогда не принадлежали к спиритам, сама Э.Баркер со спиритической литературой была совсем незнакома и к вопросу о потусторонних переживаниях относилась с полным равнодушием, никогда в мыслях, не останавливаясь на них. Во время своего детства она участвовала несколько раз в механическом писании с помощью планшетки, причём получались такие банальности, которые не вызывали в ней никакого интереса.

Позднее, в присутствии одной медиумичной личности, она пробовала несколько раз автоматическое письмо, но не заинтересовалась им и не придала этим записям никакого значения.

Была много лет тому назад по настоянию друзей на спиритических сеансах, но осталась совершенно равнодушной к этой области психических исследований. За несколько месяцев до появления посмертных писем «***» её попросили участвовать в механическом письме с помощью планшетки.

Содержанием письма было предсказание пожара в доме, где она жила, которое с точностью и исполнилось. В этих мимолётных впечатлениях – если не считать ряда видений пророческого характера, которые автор называет *hynagogic visions* – такие бывали, наверное, у большинства образованных людей нашего времени, – заключался весь спиритуалистический опыт автора книги. Это обстоятельство придаёт ей особое значение и интерес.

В первый раз повелительное побуждение взять карандаш и писать появилось у г-жи Баркер за год до издания этой книги, в Париже. Повинуясь импульсу, она начала писать механически; получилось известие совершенно личного характера, очень интересное для неё, подписанное буквой «Х». Показав на другой день интересное сообщение своей приятельнице, она была очень удивлена, узнав от неё, что так называли друзья г-на **, которого г-жа Баркер знала хорошо. Но г-н *** был в это время в Америке, в числе живых, а сообщение шло из потустороннего мира. Вскоре затем пришло известие, что г-н *** умер в одном из западных штатов Северной Америки, за несколько дней до появления сообщения, подписанного «Х». Далее буду продолжать подлинными словами г-жи Э. Баркер.

«Вскоре после получения известия из Америки о смерти г-на ***, я сидела вечером с подругой, которая сообщила мне, кого при жизни называли условным знаком «***»; она стала просить меня попробовать – не придёт ли новое сообщение от него, и я согласилась, больше для того, чтобы сделать ей удовольствие, чем из личного интереса. Тогда-то явилось первое сообщение, начинающееся словами: «Я здесь. Не бойтесь ошибки...» Оно писалось с паузами и промежутками между отдельными фразами, большими и неправильными буквами, но совершенно автоматически, как и в первый раз. Писала я с таким напряжением, что моя правая рука была почти парализована на другой день.

Несколько писем с подписью «***» были мной автоматически записаны в течение следующих недель; но вместо того, чтобы увлечься этими сообщениями, я почувствовала скорее предубеждение против такого занятия, и только настояние моей подруги, которая видела в них желание «***» вступить в сношение с земным миром, заставило меня преодолеть себя.

«***» не был обыкновенным человеком. Он был очень известным юристом, глубоко изучившим философию, автором многих книг, человеком, высокие идеалы и чистый энтузиазм которого являлись вдохновением для всех, знавших его. Ему было 70 лет. Жил он очень далеко от меня, и я виделась с ним лишь через долгие промежутки. Насколько я вспоминаю, мы с ним никогда не говорили о посмертном сознании.

Постепенно, по мере того, как преодолевалось моё предубеждение против автоматического писания, я начала чувствовать интерес к тому, что «***» сообщал относительно потусторонней жизни. Я ничего не читала по этому поводу, не читала даже и всем известные «Письма Джулии», и поэтому у меня не было предвзятых идей.

С течением времени болезненное ощущение в руке прекратилось, и самый почерк улучшился, хотя очень ясным он не был никогда.

В первое время письма писались в присутствии моей подруги; но позднее «***» появлялся только, когда я была одна. Это было то в Париже, то в Лондоне, так как я постоянно переезжала из одного города в другой. Иногда он появлялся несколько раз в неделю; иногда же проходил целый месяц, и я не чувствовала его присутствия. Я никогда не звала его и очень мало думала о нём в промежутках между его появлениями, так, как и моё время, и мысли, и перо были заняты совсем другими задачами.

Записывая эти сообщения, я была по большей части в полубессознательном состоянии, так что перед прочтением написанного у меня было лишь смутное представление о его содержании. А несколько раз я была так близка к полной потере сознания, что, кладя карандаш, не имела ни малейшего представления о том, что писала.

Когда речь зашла впервые об издании этих писем, мысль эта была для меня неприятна. Написав несколько книг, более или менее известных, я не была чужда некоторого тщеславия в смысле литературной репутации, и мне вовсе не хотелось прослыть за фантазёрку.

По настоянию подруги я согласилась написать предисловие к книге, в котором было бы сказано, что письма были написаны в моём присутствии.

Это обещание удовлетворило мою подругу, но не меня.

Внутри меня шла такая работа. Если я издам эти письма, думала я, совсем без предисловия, они будут приняты за фикцию, и всё важное, заключающееся в них, потеряет всю свою ценность в смысле указания на посмертное состояние человека. Если же я напишу, что они сообщались посредством автоматического письма в моём присутствии, непременно возникает вопрос, чьей же рукой делались эти сообщения, и я буду принуждена уклоняться от правды. Если же я откровенно признаюсь, что сообщения записывались моей рукой и сообщу факты, как они происходили, тогда возможны будут только две гипотезы: или, что письма эти – подлинные сообщения развоплощённого человека; или же, что они – измышления моего собственного подсознания. Но последняя гипотеза не объясняет первого письма «***», появившегося раньше, чем я узнала о его смерти, если только не допустить, что подсознанию каждого человека известно всё. Но в таком случае, почему моё подсознание выбрало этот путь длительной мистификации моего бодрствующего сознания и притом без всякого предварительного внушения с моей или с чьей бы то ни было стороны? Ведь ни я и никто из окружающих меня не знали о смерти «Х».

Чтобы кто-нибудь мог обвинить меня в преднамеренном обмане и сочинительстве в таком серьёзном деле, этого я не допускала и теперь считаю невероятным ввиду полной возможности для меня иметь иной, законный исход для моего воображения в произведениях поэзии и романа.

Около трёх четвертей всех писем было уже написано, когда я окончательно решила этот вопрос. Я решила или совсем не издавать их, или же обнародовать с предисловием, в котором будут откровенно изложены все обстоятельства возникновения этих писем.

Когда же издание было решено, возник вопрос: печатать ли их целиком или делать сокращения? Я решила не выпускать ничего, кроме указаний на личные дела самого «***», на мои и на моих друзей. Я ничего не прибавляла и только изредка, когда построение фразы было слишком неудачным, или попадались повторения, я позволяла себе внешнюю поправку.

Среди утверждений, касающихся будущей жизни, встречаются такие, которые составляют совершенную противоположность моим собственным представлениям о том же вопросе. Я их сохранила, как они были написаны. Некоторые из его философских положений были совершенно новы для меня; иногда я улавливала всю их глубину только после прошествия нескольких месяцев.

Если у кого-нибудь возникнет вопрос, что думаю я сама об этих письмах, считаю ли я их подлинными сообщениями из невидимого мира, я отвечу утвердительно. В выпущенных местах, касающихся моей личной жизни, было много намёков и указаний на обстоятельства, которые мне лично были неизвестны и которые все, когда мне удалось их проверить, оказались безошибочны. Если предположить излюбленную телепатическую теорию современных психологов, то чья же телепатия проявилась в этих письмах? Подруга, о которой я упоминала, не могла этого сделать, так как содержание писем было и для неё такой же неожиданностью, как для меня.

Но я всё же считаю необходимым упомянуть, что не имею никаких претензий на научное значение этой книги, так как для этого требовались бы научно обставленные доказательства. Исключая первого письма, подписанного «***» и сообщённого мне прежде, чем я узнала, что г-н *** умер, все остальные были написаны вне «научно-испытательных условий», как их понимает учёный-психолог нашего времени. Как доказательство существования души после телесной смерти, содержание этих писем должно быть или принято, или отвергнуто каждым, сообразно его личным особенностям, внутреннему опыту и собственной интуиции.

Должна прибавить, что, если б не моё полное доверие к источнику этих писем и не такое же доверие моих друзей ко мне, книга эта совсем не могла бы возникнуть. Ибо сомнение в невидимом авторе или в видимом посреднике парализовало бы обоих в такой мере, что их работа не могла бы осуществиться.

Что касается лично меня, то эти письма содействовали окончательному уничтожению во мне всякого страха смерти, они укрепили мою веру в бессмертие, и они же превратили для моего сознания потустороннее существование в такое же жизненное и реальное, как и наша жизнь на земле. Если они дадут хотя бы одному читателю такое же радостное чувство бессмертия, какое дали мне, то я буду вполне вознаграждена за свой труд.

Тем же, которые склонны порицать меня за обнародование этой книги, я могу сказать только одно: я всегда стремилась отдать миру всё самое лучшее во мне, а эти письма, – думаю мне, – может быть, самое лучшее из всего, что я могу отдать».

Е. Писарева

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ИЗДАНИЮ 1919 ГОДА

Однажды вечером в Париже (это было в прошлом году) я вдруг почувствовала, как-что-то настойчиво побуждает меня взять в руки карандаш и писать, хотя я не имела абсолютно никакого представления, о чём именно. Подчиняясь этому, поступающему как будто извне, импульсу, моя рука скользила по бумаге, и вскоре передо мной появилось замечательное послание личного характера за подписью «***».

Смысл послания был очевиден, но меня удивила подпись.

На следующий день я показала его приятельнице и спросила, не знает ли она, кто такой «***». «Ну как же, – ответила она, – ты разве не знаешь, что за этой подписью обычно скрывается наш знакомый, м-р ***».

Об этом я не знала.

В это время м-р *** находился за шесть тысяч миль от Парижа, и, как мы обе считали, – в мире живых. Но через день или два из Америки пришло письмо, в котором сообщалось, что м-р ***, находившийся на западе Соединённых Штатов, умер за несколько дней до того, как я получила в Париже, записанное автоматическим способом письмо-послание за подписью «***» Насколько мне известно, в Европе я была первым человеком, узнавшим эту печальную новость, и я немедленно сообщила своей приятельнице о смерти «***» Её это не удивило; более того, она сказала мне, что подобное предчувствие появилось у неё уже несколько дней назад, когда я показала ей письмо «***», но тогда она решила промолчать.

Нет нужды говорить, что этот необычный инцидент произвёл на меня сильное впечатление...

Но при этом к вопросу возможности общения между двумя мирами я продолжала относиться на удивление равнодушно. Спиритуализм никогда не вызывал у меня особого интереса, и я не читала даже самых общеизвестных работ на эту тему... В течение нескольких последующих недель таким же автоматическим письмом были записаны ещё несколько писем за подписью «***»; но вместо того, чтобы ощущать положенный в таких случаях энтузиазм, я со всё большей неохотой подчинялась необходимости записывать письма, и только моя приятельница смогла убедить меня в том, что я должна продолжать этим заниматься, и что если «***» действительно хочет что-то поведать миру, то я должна рассматривать записи как редкую привилегию, как предоставляющийся мне шанс помочь ему...

Постепенно, по мере того как я преодолевала своё предубеждённое отношение к автоматическому письму, я находила всё больший интерес в том, что «***» сообщал мне о жизни вне земли ...

Когда мне впервые предложили опубликовать эти письма с моим собственным предисловием, я отнеслась к этой идее без особого энтузиазма. К тому времени я уже написала несколько книг, более или менее известных, и прочность моей литературной репутации уже была для меня предметом некоторого тщеславия. И мне вовсе не хотелось прослыть эксцентричной, или что называется женщиной «со странностями». Я согласилась указать в Предисловии, что письма были записаны мной методом автоматического письма, что, в общем-то, было правдой, хотя и не всей правдой. Такая формулировка удовлетворила мою приятельницу; но, с течением времени, она перестала удовлетворять меня. Мне она показалась не до конца искренней.

Я долго ломала голову над этой проблемой... Окончательно этот вопрос разрешился, когда уже примерно две трети писем было записано; я решила, что если я вообще опубликую когда-нибудь эти письма, то опубликую их с предельно откровенным вступлением, в котором изложу все обстоятельства их получения.

Надо сказать, что интерес, который вызвали «Письма Живого Умершего», изданные одновременно в Лондоне и в Нью-Йорке, меня поразил. Начали поступать просьбы о предоставлении права на перевод, я оказалась буквально завалена письмами, поступающими со всех концов земного шара. Я написала множество ответов, но ответить на все письма было просто невозможно.

В первой книге я не сообщала о том, кто автор этих писем, так как чувствовала, что не в праве этого делать без согласия его семьи; но летом 1914 года, когда я ещё жила в Европе, в «New York Sunday Word» появилось довольно пространное интервью с м-ром Брюсом Хэтчем, в котором он выразил уверенность в том, что «Письма» являются подлинными посланиями его отца – покойного судьи Дэвида П.Хэтча из Лос-Анджелеса (Калифорния)...

После того, как письма прекратили поступать в 1913 году, в течение почти двух последующих лет я чувствовала присутствие «***» только два или три раза, когда он передал мне несколько кратких советов, касающихся моих личных дел.

4-го февраля 1915 года в Нью-Йорке я неожиданно почувствовала, что «***» стоит в комнате и ощутила желание писать; но, как это бывало и раньше (за исключением разве что одного-двух случаев), я не имела ни малейшего представления о том, что он собирается сказать. Моей рукой он написал следующее:

«Когда я вернусь и поведаю Вам историю этой войны так, как видна она с этой стороны, Вы будете знать о ней больше, чем все правительства воюющих стран, вместе взятые».

Это письмо я показала двум своим друзьям, проявившим большой интерес к предыдущей книге, – м-ру и м-с Вэнс Томпсон. И с любезного разрешения «***» мы договорились, что супруги Томпсон один раз в неделю будут присутствовать на сеансах автоматического письма для достижения лучшей «концентрации». Их искренняя вера очень помогла мне в моей нелёгкой работе над первой половиной этой книги.

Запись сообщений «***», конечно же, не ограничивается теми сеансами, что мы провели вместе, но примерно треть от первой половины книги была написана в присутствии м-ра и м-с Томпсон, и к тому же – в их доме. После этого они уехали в Калифорнию, и я продолжила работу одна.

Читателю, возможно, будет небезынтересно узнать побольше о самом процессе автоматического письма. Процесс этот постепенно изменялся от жёсткого и чисто механического воздействия на мою руку извне (в начале работы над первой книгой) до деликатного обращения непосредственно к моему разуму.

Если читатель потрудится представить себе присутствие своего друга, образ которого ярко запечатлён в его памяти, затем – вычтет из него то, что он видит своим физическим зрением, оставив лишь тончайшие мыслительные вибрации, позволяющие ощущать его присутствие, а после – добавит недоступное описанию «внутреннее зрение», то, возможно, сможет понять, каким образом мне удавалось чувствовать присутствие «***» в моей комнате.

Очевидно, точно так же Хелен Келлер догадывается о приближении своих друзей, отличая одного от другого, хотя ничего не видит и не слышит.

Когда я начинала ощущать присутствие «***», сразу же бралась за карандаш и записную книжку, как и подобает личному секретарю, а затем усилием воли замедляла деятельность своего объективного разума до тех пор, пока в нём не оставалось ни единой мысли или даже намёка на мысль. И тогда непосредственно в моём мозгу начинали звучать слова, всё так же без помощи сознания приводя в движение мою руку. Всё было в точности так, как будто я слушала диктанта, только не ушами, а каким-то небольшим, но сверхчувствительным участком своего мозга. В первое время, начиная писать предложение, я не могла даже приблизительно предположить, как оно закончится. Я не знала, будет ли оно последним, или же за ним последует ещё пара тысяч слов. Я просто писала и писала, находясь в состоянии добровольного самоотрицания, до тех пор, пока вышеописанное ощущение присутствия вдруг само собой не пропадало. И всё, больше не поступало ни единого слова, процесс автоматического письма заканчивался.

Вполне естественно, что у скептически настроенного читателя (как было, впрочем, сначала и у меня самой) возникнет вопрос: а не моё ли собственное подсознание продиктовало мне все эти «Письма Живого Умершего о войне», дабы хоть как-то объяснить причины этой всемирной трагедии, ещё пару лет назад казавшейся невозможной.

Однако, опираясь на свой большой опыт автоматического письма под диктовку «***», и на тот факт, что в течение двух лет я получила от него всего лишь два или три не очень важных сообщения, хотя и довольно часто думала о нём, а также на свою привычку подвергать самому скрупулёзному анализу все феномены, носящие паранормальный характер, я могу теперь со всей уверенностью заявить, что мне вполне по силам отличить подлинное присутствие «***» от моих собственных мыслей и воспоминаний о нём, и даже от воспоминаний, внушённых мне кем-то другим.

Более того, по моему мнению, вряд ли найдётся человек, пусть даже не обладающий и сотой долей моего оккультного опыта, который был бы более скептически настроен в отношении к моим письмам, нежели я сама. Я готова с радостью принять любые логические аргументы в пользу того, что эти письма вовсе не являются тем, чем я их провозгласила. Но, сравнивая все «за» и «против», я прихожу к выводу, что доказательств подлинности этих писем гораздо больше, нежели доказательств обратного, и потому поневоле соглашаюсь с оккультным характером их происхождения.

К сожалению, эти свидетельства по большей части слишком сложны и носят слишком личный характер, чтобы я могла даже просто упомянуть о них в этом Предисловии, хотя я могла бы привести целую дюжину примеров, подобных тому, что описан в Письме XXXVI, продиктованном мне через час после того, как затонула «Лузитания», и за девять часов до того, как я сама об этом узнала. Возможно, это только любопытное совпадение, но, когда я ещё только начала работу над второй книгой, сразу три ученика-окультиста из разных стран написали мне, что ощутили возвращение «***», который продолжит писать свои письма с моей помощью. После этого ещё несколько человек устно или письменно сообщали мне то же самое.

Многие события этой войны я сама смогла наблюдать воочию в момент их происхождения, находясь в это время в астральном теле. Таким образом мне удалось стать свидетельницей высадки Британских войск на Континенте, о чём я сообщила одному Британскому офицеру в Англии ещё до того, как поступило официальное сообщение об этом. Впоследствии этот мой рассказ подтвердил один мой французский друг, который привёз мне из Парижа газету с соответствующим сообщением.

Будучи в Нью-Йорке, я наблюдала обстрел Скарборо, как раз в то время, когда это происходило, и рассказала затем об этом своему другу, хотя тогда я ещё не знала, какой именно портовый английский город подвергся нападению. Лишь впоследствии я узнала об этом из газет.

Однако, сама я никогда не могла читать мысли «***», даже когда явственно ощущала его присутствие в комнате. Я знала только то, что он мне диктовал, не имея ни малейшего представления о том, что ему на самом деле известно. В одном из писем он сообщал мне, что будет время от времени диктовать мне то, что сам сочтёт нужным.

Только в одном случае я позволяла себе не соглашаться с мнением «***». Иногда, когда он говорит, что немцы сделали то-то и то-то, будь я сама автором этих писем, я бы писала вместо «немцев» – «пруссаки». У меня много друзей немцев, и я никого из них персонально не могу винить в том, что их правительство ввергло весь мир в столь бедственное положение.

И потому, считаю нужным подчеркнуть, что и я сама не могу нести никакой ответственности за то, что пишет «***», но лишь в точности передаю его собственные слова.

Лишь спустя несколько дней после того, как 28 июля он продиктовал мне своё последнее письмо, я заметила, что он закончил эту книгу о войне как раз в день годовщины объявления Австрией войны Сербии, а также оглашения Римским Папой его великого призыва к миру.

В своих прошлых письмах, которые я начала получать ещё три с лишним года назад, «***» просил меня никогда не пытаться его вызывать, а впоследствии советовал не задавать ему никаких вопросов. Идя навстречу его пожеланиям, я никогда не делала ни того, ни другого, хотя порою испытывала сильнейшее искушение спросить его о том, чем же всё-таки закончится эта война, оставившая глубокий след в моей душе. Но я понимала, что подобное любопытство, хотя и может дать дополнительную пищу для моего объективного разума, в то же время может притупить мою собственную интуицию. Недавно я полностью отказалась от поиска ответов подобным способом, даже через свои гипногические видения, дабы не увидеть в них ничего такого, что впоследствии могло бы помешать мне полностью избавляться от своих собственных мыслей во время сеансов телепатического письма.

Полагаю, этот опыт раз и навсегда излечил меня от любопытства. Я научилась чувствовать себя независимой и бесстрастной, как комета. А ещё, почти столь же одинокой и способной отстоять и впредь своё одиночество, и независимость.

Но вот, что странно: по мере того, как моя ненависть ко всем жестокостям этой войны становилась всё сильнее и сильнее, я проникалась всё большей и большей любовью ко всем этим борющимся человеческим душам, находящимся по обе стороны линии фронта, пока, наконец, не стала воспринимать их всех, проливающих кровь на полях сражений, как своих собственных друзей и братьев. Поистине, любовь есть чудо, которое, соприкасаясь с жестокой прозой жизни, возвышает её до уровня Божественного.

В третьем письме данной книги от 10 марта, «***» говорит, что силы добра уже одержали верх над силами зла, и что на Земле скоро вновь воцарится мир, хотя он и не уточнял – когда именно. Ещё до того, как было объявлено о гибели «Лузитании», но уже через час после того, как это действительно произошло, он написал мне, что демоны, которых светлые силы иного мира благополучно разогнали, вновь собрались с силами и вернулись, чтобы отомстить, и что ему самому следовало бы догадаться, что, повинаясь Закону ритма, они неизбежно должны были восстановить свои силы и напасть снова.

В свете упомянутого Закона это письмо представляется мне наиболее интересной частью всей книги. Оно поясняет часто повторяемые в письмах слова о том, что даже Живые Усопшие не могут знать всего, зная в то же время несравнимо больше живых, поскольку обладают более совершенным видением и гораздо более полной информацией.

По поводу этого повторного нападения Сил Тьмы интересно заметить, что как раз перед тем письмом, в котором говорилось о гибели «Лузитании», «***» описывал свою встречу с Мрачным Существом.

Можно заметить, что все рассказы «***» в данной книге пронизывают две основные идеи: тайна Добра и Зла (Любви и Ненависти) и братства людей.

Заглядывая в свою собственную душу, и выявляя в ней извечный конфликт между добром и злом, человек может научиться защищать себя как от внешнего зла, так и от зла, таящегося в нём самом.

Для того, чтобы нагляднее пояснить мне это, «***» поделился со мной некоторыми тайнами, ещё не привлёкшими к себе в достаточной мере внимание обычного, среднего человека.

О существовании астрального мира, пронизывающего мир плотной материи и выходящего далеко за пределы последнего, уже не раз говорилось в теософической и иной литературе, и «***» тоже обращает внимание читателя на этот факт. Астральный мир называют миром чувств и желаний, и человек может действовать в этом мире, находясь в своём астральном теле (оно же – чувственное тело, или тело желания), состоящем из особого рода тонкой материи, неразличимой обычным зрением.

Астральный мир, в свою очередь, пронизан Миром мысли, опять-таки выходящим далеко за пределы первого. И человек, как утверждают, имеет, помимо астрального тела, ещё и тело мысли – ментальное тело, с помощью которого он может поддерживать контакт с Миром мысли и действовать в нём. И так далее – уровень за уровнем – человек приближается к бесформенному универсальному состоянию, или, как ещё говорят, – к чистой божественности.

Описываемые «***» злобные астральные существа являются постоянными обитателями астрального мира. Некоторые из них вообще не имеют физических тел, необходимых для деятельности в материальном мире. Прочие же представляют собой более или менее независимые астральные сущности людей, которые во время сна бродят по невидимому для наших глаз миру. Они принимали самое активное участие в этой войне.

Говорят, также об элементарных сущностях, относящихся к земле, воздуху, огню или воде. * Оне развиваются в направлении отличном от того, в котором развивается человек. Некоторые из них – добрые, некоторые полны злобы. Об этих элементах много сказано в сочинениях Парацельса. Они тоже активно вмешивались в ход войны.

* Элементали – развоплощённые души развращённых людей. (Э.Б.)

Прочие, вышестоящие Существа, могут действовать на всех трёх уровнях: физическом, астральном и ментальном, а также в ещё более высоких Мирах, недоступных нашему пониманию. Если бы не благотворная деятельность некоторых из Них, человечество давно бы уничтожило себя само, или было бы уничтожено. «***» говорит, что ненависть и страдания, порождённые великой войной, превратили астральный мир в место мало приятное для проживания. Описанное им место посмертных испытаний в точности напоминает римско-католическое Чистилище. Видимо, Церковь и в самом деле обладает большим знанием.

Добро и зло можно назвать противоположными и в то же время взаимно дополняющими друг друга силами: первое действует в гармонии с Законом Вселенной (иначе именуемым Волей Бога), а второе – противодействует Закону.

Некоторых читателей, возможно, шокирует то, что «***» говорит о Чёрной магии. Однако, он отнюдь не стремился вызвать шок своими заявлениями, но лишь предостеречь и просветить человечество на этот счёт. Суеверие названо тёмной стороной религии, но от суеверия нельзя просто отмахнуться, с презрительным видом знатока. Его необходимо понять. Все вещи требуют от нас понимания. Даже великие психологи и учёные теперь не считают, что подобные вещи не заслуживают их интереса. Взять хотя бы профессора Вильяма Джеймса, сэра Оливера Лоджа, или д-ра Барадюка. А если попытаться вспомнить всех известных учёных, ныне занимающихся исследованием оккультных феноменов, то полученное число исследователей будет достойно целого справочника. Так что, когда я признаюсь, что веду поиск невидимого мира, я всего лишь присоединяю свою скромную персону к довольно неплохой компании.

«***» говорит также о Мрачном Существо, вдохновлявшем Ф.Ницше на то, чтобы сбивать с толку молодую Германию. Вероятно, за каждым могущественным человеком, чьи деяния оставили след в этом мире, также стоял некто невидимый, – светлый или тёмный. Этот вопрос имеет как теоретический, так и практический интерес. Вдохновение, так же, как и магия, может быть либо чёрным, либо белым. Те голоса, которые слышала Жанна д'Арк, в наши дни назвали бы феноменами яснослышания. История свидетельствует, что они призвали её стать не более, не менее как спасительницей Франции. Мартин Лютер однажды запустил чернильницей в «дьявола», но Реформация, тем не менее, совсем не пострадала от того, что его иногда посещали видения. Саул из Тарса (Саул Тарсянин), если верить хронистам, тоже имел видения.

«***» упоминает своего собственного Учителя. Когда я сравниваю того калифорнийского судью, которого я знала, с большинством известных мне мужчин и женщин, с которыми мне приходилось вести пустопорожние разговоры, мне начинает представляться совершенно естественным, что кто-либо из людей может продвинуться в своём развитии ещё дальше, чем «***», если проявит достаточно решимости. Если «***» смог стать тем, кем он стал за неполные семьдесят лет своей жизни, значит есть надежда и для нас – тех, кто смотрит в вечность.

Другой основной идеей, заложенной в этих «Письмах о войне», является, на мой взгляд братство всех людей.

До сих пор развитие мира протекало в форме чередования отчётливо выраженных периодов, определяемых сменяющими друг друга господствующими расами, которые придают своим эпохам собственный, неповторимый облик. «***» говорит о новой, так называемой – Шестой Расе, которая вскоре появится в Соединённых Штатах Америки. Если Америка воспримет эту идею как рабочую гипотезу, а не как повторение лозунга «Deutschland über alles», но, скажем, как «Америка для всех» (а не превыше всего), то сможет создать свою «машину мира», в противовес «военной машине», созданной Германией. Если Америка отнесётся к пропаганде идеи БРАТСТВА так же серьёзно, как Германия – к пропаганде идеи мирового господства, то уже в следующем поколении станут заметны признаки этой новой человеческой Расы. Процесс смешения рас на территории Америки открыл пред нею необозримые просторы для экспериментирования в духовной сфере. И Европа, и Азия с интересом смотрят на неё. Англия, Германия, Франция и даже Япония, которая лишь внешне кажется погрязшей в материализме, но внутри – глубоко духовна, но более всего, пожалуй, Россия отнеслись бы с уважением к этой благородной цели. Возможно, мир достаточно пострадает за эту войну, чтобы с готовностью воспринять идею Вселенского братства.

В Америке уже существуют движения, объективно направленные на реализацию этой идеи. «***» упоминает движение «Друзей леса» (Woodcraft) общественную организацию, насчитывающую, вероятно, до сотни тысяч мужчин и подростков (женщин в ней – всего лишь несколько человек), которые всё свободное время отдают «возвращению обратно в Природу», походному костру, чтобы испытать то братское чувство, которое не в силах дать городская жизнь.

«***» говорит также, что в будущем ему предстоит сделать ещё одно дело. Я не знаю, что это за дело, поскольку сама не имею к нему никакого отношения, но я совсем не удивлюсь, если в один прекрасный день он объявит мне, что оно связано с теми целями, которые ставит перед собой движение «Друзей леса».

Третья книга – последняя из серии книг о Живом Умершем – была написана между февралем 1917г. и февралем 1918г. После этого я утратила свою способность, или если хотите – склонность к автоматическому письму.

Эта третья рукопись оказалась короче двух предыдущих, и потому я предполагала, что она так и останется незаконченной, и вряд ли будет когда-либо дописана до конца; и только после того, как мой издатель убедил меня опубликовать эту рукопись в её нынешнем (незавершённом) виде, я, наконец, впервые прочла её всю – от начала до конца, и пришла к выводу, что она действительно представляет собой законченное сочинение, органическое целое.

«Возможно, – говорила я себе, всё ещё не совсем доверяя своим чувствам, – и в самом деле существует какая-то божественность, направляющая наши действия». Поскольку, будь эта книга опубликована сразу же после её написания, она показалась бы преждевременной; а теперь большая часть её содержания выглядит так же злободневно, как передовицы сегодняшних газет.

Я рада тому, что эти «Последние письма Живого Умершего» призывают к мужеству, выдержке, к вере в великое и упорядоченное будущее Америки и всей планеты в целом, призывают обратиться ко всем тем положительным качествам, которые Вам сейчас так нужны для восстановления Мира.

Я не верю в то, что большевизм, или какая-либо другая форма психоза сможет пустить глубокие корни в Соединённых Штатах.

У страны со всеобщим избирательным правом – и для мужчин, и для женщин – нет причин бросаться в бездну бездумного разрушения. Во время последней предвыборной кампании я с интересом наблюдала за отношением женщин к этой своей обязанности и в то же время – привилегии. Я наблюдала за действиями только одной партии – демократов, но уверена, что примерно та же картина имела место повсюду. С каким необычайным достоинством оне держались, чувствуя на себе эту новую ответственность; и в отношениях между мужчинами и женщинами царили подчёркнутая вежливость и уважение. А происходившие в то же время кампания Четвёртого добровольного займа и публикация списков потерь придали этому событию ещё большую важность. Нет, эти уравновешенные, чувствующие свою гражданскую ответственность женщины никогда не будут втянуты в пучину коллективного безумия; и поскольку возвращающиеся с фронта мужчины возвращаются именно к этим женщинам – своим матерям, жёнам и сёстрам, я не думаю, что во время мира мы потеряем то, что приобрели во время войны.

А теперь, мне остаётся лишь предложить Вам прочесть эти «Последние письма Живого Умершего», не забывая о том, что написаны они были между февралём 1917 и февралём 1918 года.

Эльза Баркер

Написано в день Пасхи, 1919 год, Нью-Йорк

ПИСЬМА
ЖИВОГО УМЕРШЕГО

перевод с английского

Е. Ф. Писаревой и П.А. Гелевы

Письмо I

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я здесь! Не бойтесь ошибки!

Это я говорил с Вами, и теперь говорю снова я.

У меня были удивительные переживания. Много из забытого я начинаю вспоминать. Всё случившееся вело ко благу; оно было неизбежно.

Я уже могу различать Вас, хотя не очень ясно.

Я не видел здесь тьмы. Здешний свет удивительный, гораздо удивительнее, чем солнечный свет юга.

Нет, я ещё не очень ясно разбираю дорогу в окрестностях Парижа; всё мне кажется иным. И если я вижу Вас, то это, по всей вероятности, благодаря Вашей собственной жизненной силе.

Письмо II

НЕ ГОВОРИТЕ НИКОМУ

Я нахожусь как раз против Вас в пространстве, то есть я прямо перед Вами, опираюсь на что-то, вероятно кушетку или диван.

Мне легче приходить к Вам после сумерек.

Уходя отсюда, я подумал, что возможно будет говорить с людьми с помощью Вашей руки.

Я чувствую себя сильнее. Бояться нечего – это только перемена состояния.

Я не могу ещё сказать Вам, как долго я был в безмолвии. Кажется, не очень долго.

Это я подписался как «Х». Учитель помог мне установить связь.

Лучше до времени не говорите никому, исключая ***, что я приходил, так как я не желал бы помехи для моих появлений во всякое время, когда и куда захочу.

Дайте мне от времени до времени пользоваться Вашей рукой: я не злоупотреблю ею.

Я хочу остаться здесь, пока не буду в состоянии вернуться более сильным. Ждите меня, но не теперь.

Всё делается для меня теперь легче, чем в первое время. Мой вес уменьшился. Я мог бы ещё остаться в теле, но не стоило делать усилий.

Я видел Учителя. Он близко. Его отношение ко мне приносит много утешения.

Но теперь мне лучше уйти. Доброй ночи!

Письмо III

БЕРЕГИТЕ ДВЕРЬ

Вы должны принять некоторые предосторожности, чтобы оградить себя от тех, что теснятся вокруг меня.

Вы должны ограждать себя днём и ночью зарокотом. Ничто не может проникнуть через эту стену – ничто, что Вы запретите своей душе принимать к себе.

Не позволяйте этим ларвам астрального мира высасывать из себя силы. Нет, меня они не беспокоят, ибо я уже привык к мысли о них. Вам совершенно не следует бояться, если Вы защитите себя.

Письмо IV

ОБЛАКО НА ЗЕРКАЛЕ*

* После того, как фраза была наполовину написана, писание внезапно прервалось и

возобновилось только через некоторое время. (Э.Б.)

Когда Вы отвечаете на мой призыв, вытрите дочиста Ваш ум, как вытирает ребёнок свою аспидную доску, готовясь записать новую задачу учителя. Малейшая Ваша личная мысль или фантазия будет как бы облаком на зеркале, затуманившим отражение.

Вы можете получать таким путём письма, если Ваш ум не будет при этом работать независимо, не будет ставить вопросов во время писания.

На этот раз я был прерван не собравшимися вокруг существами, но Вашим собственным любопытством – как кончится начатая фраза. Вы стали внезапно активной, вместо того, чтобы оставаться пассивной; вроде того, как если бы воспринимающий телеграфный аппарат начал посылать своё собственное сообщение.

Я узнал здесь причину многих психических явлений, которые прежде поражали меня, и я намереваюсь защитить Вас, насколько возможно, от перекрещивающихся токов, вредных для нашей работы.

Один раз вечером, когда я явился к Вам, Вы не впустили меня. Хорошо ли это было?

Но я не упрекаю Вас. Я буду приходить снова и снова, пока моё дело не будет сделано.

Вскоре я приду к вам во сне, и покажу вам много интересного.

Письмо V

ОБЕЩАНИЕ НЕВЫСКАЗАННЫХ ВЕЩЕЙ

Через некоторое время я передам Вам знание, которое приобрёл с тех пор, как я здесь. Я вижу теперь прошлое как бы через открытое окно. Я вижу дорогу, по которой я пришёл, и могу начертить дорогу, по которой намереваюсь идти в будущем.

Всё кажется мне теперь лёгким. Я мог бы делать вдвое больше, чем делаю – до того сильным я себя чувствую.

До сих пор я ещё не основался нигде и передвигаюсь с места на место, куда меня влечёт; я мечтал об этом всегда, когда был в теле, но никогда не мог осуществить этой мечты.

Не бойтесь смерти; но живите на земле как можно дольше. Несмотря на всё, что я здесь приобрёл, я жалею иногда, что кончилась моя причастность к миру. Но сожаления теряют свой вес в потустороннем мире так же, как и тела наши.

И я расскажу Вам о вещах, которые не были ещё высказаны никогда.

Письмо VI

МАГИЯ ВОЛИ

Вы ещё не вполне постигли тайну воли. Она может сделать из Вас всё, что Вы захотите, в пределах Вашего размера энергии; ибо в той единице силы, которая называется человеком, всё находится или в состоянии активном, или в состоянии потенциальном.

Различие между живописцем и музыкантом, между поэтом и романистом не есть различие качественное; ибо каждый человек заключает в себе всё, исключая количества, и, таким образом, каждый имеет возможность развивать себя по любой линии, избранной его волей. Выбор мог совершиться очень давно. Нужно много времени, часто много жизней, чтобы достигнуть определённого искусства или способности к особому роду творчества, преобладающей над всеми другими способностями. Сосредоточенье есть ключ к силе, здесь, как и везде.

Что касается силы воли в ваших повседневных задачах, то есть два пути для проявления воли. Можно сосредоточиться на определённом плане и привести его в исполнение или не привести, в зависимости от запаса той силы, которой вы располагаете. Или же можно направить волю на то, чтобы самый лучший, самый высокий и самый мудрый из всех возможных планов был выявлен подсознательными силами в вас самих и в других «я». Последний путь ведёт к господству над всей окружающей средой, вместо господства или попытки к господству над одной её частицей.

В этом обращении между видимым и внутренним миром вы, принадлежащие к первому, склонны думать, что мы можем знать всё. Вы требуете, чтобы мы играли роль предсказателей будущего, или сообщали вам, что происходит на противоположной стороне земного шара. Иногда это возможно, но по большей части – нет.

Со временем я буду в состоянии проникнуть в Ваше сознание, как это делает Учитель, и буду знать все мысли и планы, которые возникают и возникали в нём; но теперь мне это не всегда удаётся.

Например, однажды я всюду искал *** и не мог найти его. Возможно, что вы должны очень сильно думать о нас, для того, чтобы облегчить наш путь к вам.

Я всё время учусь. Учитель деятельно помогает мне. Когда я вполне овладею Вашей рукой, тогда я расскажу Вам о жизни, которую ведут здесь.

Письмо VII

СВЕТ ПОЗАДИ ПОКРЫВАЛА

Делайте для меня по временам отверстие в том покрове из плотной материи, который закрывает Вас от моего взора. Я вижу Вас часто ярким световым пятном, и это бывает, вероятно, тогда, когда Ваша душа сильно чувствует или, когда Ваш ум полон сильными мыслями.

Я могу читать Ваши мысли иногда, но не всегда. Иногда я хочу приблизиться к Вам и не могу Вас найти. Вероятно, и Вы не всегда могли бы найти меня, если бы Вы были здесь.

Иногда я совсем один; иногда я окружён другими.

Странно, но сейчас мне кажется, что моё тело вполне вещественно, а вначале мне казалось, что мои руки и ноги вытягивались по всем направлениям.

Обыкновенно я не хожу как прежде, но и не летаю в точном смысле этого слова, так как у меня никогда не было крыльев, и всё же проношусь в пространстве с невероятной быстротой. Но иногда всё же хожу.

А теперь я обращаюсь к Вам с просьбой. Вы знаете, как мне иногда трудно давалась решимость войти с Вами в сношение, но я продолжал добиваться. И Вы не унывайте и действуйте так, как если бы все средства общения были у Вас в руках. Не допускайте сомнений, ибо когда Вы сомневаетесь, Вы притягиваете меня к земле, вызывая во мне желание помочь Вам. А это так же нехорошо, как горевать об умерших.

Письмо VIII

ЖЕЛЕЗНЫЕ ТИСКИ МАТЕРИИ

У человека, перешедшего в «невидимый» мир, появляется внезапное воспоминание о земле.

– О, – говорит он, – мир продолжает идти без меня! Чего мне не хватает?

Ему кажется почти дерзостью со стороны мира, что он продолжает существовать без него. Он начинает волноваться. Он уверен, что выкинут из круга времени, что он забыт, выброшен вон.

Он осматривается кругом и не видит ничего, кроме спокойных пространств четвёртого измерения. О, чего бы он ни дал, чтобы снова почувствовать железные тиски материи! Подержать что-нибудь существенное в плотной руке!

Со временем настроение это проходит, но приходит время, когда оно возвращается с удвоенной силой. Он должен выйти из этой тонкой разрежённой среды в энергично сопротивляющуюся среду плотной материи. Но как это сделать?

А, он вспомнил! Всякое действие исходит из памяти. Было бы безрассудно делать этот опыт, если бы он уже не проделал его.

Он закрывает глаза и ввергает себя в невидимое. И он привлекается к человеческой жизни, к человеческим существам, в интенсивные вибрации единения с ними. Здесь он испытывает сочувствие – может быть, сочувствие прежних переживаний с душами, с которыми он снова вступает в соприкосновение, но возможно, что это лишь сочувствие настроения или воображения. Как бы то ни было, он выпускает из рук своё право на свободу и, торжествуя, теряется в жизни человеческих существ.

Через некоторое время он пробуждается и с удивлением смотрит на твёрдую почву и видит круглые, плотные лица людей. Иногда он плачет и стремится назад. Если у него отбилась охота, он может вернуться – чаще всего, чтобы снова начать утомительную погоню за теми же тисками материи.

Если же он упрям и с сильной волей, он может остаться и вырасти в человека. Он даже может уверить себя, что его прежняя жизнь в тонкой субстанции была лишь сном – и действительно, во сне он возвращается к ней – и этот сон преследует его и портит его пребывание в материи.

Но проходят года, и его начинает утомлять материальная борьба: его энергия исчерпана. Он возвращается в область невидимого, и люди снова заявляют, что он умер.

Но он не умер. Он только возвратился туда, откуда пришёл.

Письмо IX

ГДЕ ДУШИ ВОСХОДЯТ И НИСХОДЯТ

Друг мой, в смерти нет ничего страшного. Это не тяжелее, чем путешествие в чужую страну – первое путешествие для человека, который стал несколько старомодным и закристаллизовался в привычках своего более или менее тесного уголка в мировом пространстве.

Когда человек приходит сюда, чужие, встречаемые им здесь, не более чужды, чем иностранцы для того, кто впервые сталкивается с ними. Он не всегда понимает их; и здесь опять-таки его переживания сходны с пребыванием в чужой стране. Через некоторое время он начинает делать шаг вперёд и улыбаться глазами. Его вопрос: «Откуда ты?» вызывает такой же ответ, как и на земле. Один из Калифорнии, другой – из Бостона, третий – из Лондона. Это бывает тогда, когда мы встречаемся на больших дорогах; ибо и здесь существуют дороги, по которым души приходят и уходят, как и на земле. Такая дорога составляет, обыкновенно, кратчайшую линию между большими земными центрами; но она никогда не бывает над линией железной дороги. Было бы слишком шумно. Мы можем слышать земные звуки. Происходит известный толчок в эфире, который доносит звуковую вибрацию до нас.

Иногда некоторые из нас поселяются на долгое время на одном месте. Я посетил старый дом в штате Мэн, где человек, пребывающий по эту сторону жизни, задерживался в течение целого ряда лет; он рассказал мне, как выросли все его дети и как жеребёнок, которого он любил перед уходом сюда, вырос в большого коня и умер от старости.

Здесь также бывают лентяи и тупые люди, как и у вас. Бывают и блестящие, притягательные, одно присутствие которых действует оживляющим образом.

Может звучать почти нелепо, что мы носим платья, как и вы; только нам не нужно их в таком количестве. Я не видал здесь чемоданов, хотя я ведь ещё недавно здесь.

Тепло и холод не имеют уже значения для меня, хотя я помню, что в самом начале мне казалось холодно, но это уже прошло.

Письмо X

СВИДАНИЕ В ЧЕТВЁРТОМ ИЗМЕРЕНИИ

Вы можете принести такую пользу, уступая мне время от времени Вашу руку, и потому Ваша боязнь мне удивительна.

Философия, которую я хочу передать Вам, должна проникнуть в мир. Возможно, что только весьма немногие поймут её глубину в этой жизни; но семя, посеянное сегодня, может принести плод в далёком будущем. Как те зёрна пшеницы, которые были погребены вместе с мумиями в течение двух или трёх тысяч лет и всё же проросли, когда их в наши дни поместили в подходящую почву. То же и с семенами философии.

Кто-то сказал, что глупо работать для философии, вместо того, чтобы заставлять философию работать для себя; но человек не может дать даже малой крупички истинной философии без того, чтобы самому не пожать всемерно больше. Чтобы получать, нужно давать. В этом Закон.

Я могу сказать Вам много о здешней жизни, что поможет другим, когда для них придёт время великой перемены. Почти каждый приносит сюда воспоминание прошлого, более или менее живое воспоминание о своей земной жизни – по крайней мере, большинство из тех, с которыми я имел здесь дело.

Я встретил здесь одного человека, который не хотел говорить о земле и всё толковал о «движении вперёд». Я напомнил ему, что как бы далеко он ни ушёл, он всё же вернётся к месту, откуда пустился в путь.

Вас интересует, вероятно, нуждаемся ли мы в пище и питье. Мы, несомненно, питаемся и, по-видимому, поглощаем много воды. Вам тоже следовало бы пить побольше воды. Она питает астральное тело. Я не думаю, чтобы тело, лишённое влаги, могло обладать достаточной астральной энергией, чтобы уступить свою руку душе, которая находится на этом плане жизни, как Вы это делаете сейчас. В нашем здешнем теле много влаги. Может быть, соприкосновение с так называемым духом оттого и производит в некоторых горячих людях ощущение холода, и они вздрагивают.

Мне нужно сделать усилие, чтобы писать через Вас, но это усилие стоит сделать.

Я являюсь туда, где чувствую Ваше присутствие. Я могу Вас видеть лучше, чем других. И тогда я делаю обратное, то есть, вместо того, чтобы входить внутрь, как я это делал прежде, я выхожу наружу с большою силой по направлению к Вам. Я овладеваю Вами стремительным натиском.

Иногда наше писание останавливалось посреди начатой фразы. Это было тогда, когда я недостаточно сосредотачивался. Вы заметили, может быть, что, когда Вы переходите из одного мира в другой, внезапный шум, или, может быть, торгнувшаяся мысль может привести Вас назад. То же и здесь.

Теперь об элементе, в котором мы живём. Он, несомненно, существует в пространстве, ибо он облакает землю кругом. И всё, каждая видимая вещь, имеет здесь свой соответствующий двойник.

Когда Вы, перед засыпанием, вступаете в этот мир, * Вы видите вещи, которые существуют или существовали в материальном мире. Вы не увидите ничего в этом мире, что не имело бы физического соответствия на земле. Здесь существуют, несомненно, и воображаемые картины, мыслеобразы; но видеть воображением не значит владеть астральным зрением. То, что Вы видите, засыпая, имеет реальное существование, и меняя быстроту Ваших вибраций, Вы переходите в этот мир – или, вернее, Вы возвращаетесь в него, ибо необходимо в него вступить для того, чтобы из него выйти.

* Это, очевидно, относится к моим «гипнотическим» видениям. (Э.Б.)

Воображение обладает великой силой. Если Вы нарисуете картину в своём уме, вибрации Вашего тела могут приспособиться к ней, или иначе – настроиться на тот же лад, если только воля работает в том же направлении, как это бывает при мысли о здоровье или болезни.

Можно было бы сделать интересный опыт, когда Вы захотите перейти сюда; выберите определённый символ и держите его перед глазами. Я не уверен, но возможно, что это поможет Вам изменить Ваши вибрации.

Хотелось бы знать, смогли бы Вы видеть меня, если бы перед засыпанием перешли сюда с мыслью обо мне?

Сегодня я чувствую себя очень сильным, потому что долго был в присутствии того, кто гораздо сильнее меня; и потому сегодня я мог бы помочь Вам в подобном опыте лучше, чем в другое время.

Я продолжаю узнавать многое, что хотелось бы передать вам. Например, я мог бы показать Вам, как приходить сюда по своей воле, как-то делают Учителя.

Сперва я овладевал только Вашей рукой, чтобы писать посредством неё, а теперь я умею владеть всей Вашей психической организацией. Мне помог в этом Учитель. Благодаря этому новому приёму, Вы не будете испытывать такой усталости, и я также.

Теперь я уйду и постараюсь встретиться с Вами через некоторое время. Если опыт не удастся, не теряйте уверенности, но попробуйте снова в другой раз.

Письмо XI

МАЛЬЧИК ЛАЙОНЕЛ

Вам будет интересно узнать, что здесь, так же, как и на земле, существуют люди, посвятившие себя благу других. Здесь есть даже большая организация душ, которая называется Лигой. Их задача состоит в помощи тем, которые только что перешли сюда; они помогают им приспособиться к новым условиям. Эта Лига приносит большую пользу. Они работают наподобие Армии Спасения, только на более – не скажу высоком – а на более интеллектуальном плане. Они помогают и взрослым, и детям.

Дети представляют здесь интересные особенности. Мне самому не было времени наблюдать за всем этим; но один из работающих в Лиге сказал мне, что для детей легче приспособиться к здешней жизни, чем для взрослых. Очень старые люди имеют склонность много дремать, тогда как дети приходят сюда с большим запасом энергии и приносят с собой то же любопытство, какое им свойственно на земле. Резких перемен не существует. Дети вырастают здесь, говорят мне, так же незаметно, как и на земле. Общее правило в том, чтобы выполнить нормальный ритм, но бывают случаи, когда душа возвращается очень скоро. Возможно, что это душа с большим любопытством и сильными желаниями.

Здесь встречаются ужасы даже более страшные, чем на земле. Разложение от порока и неводержанности здесь гораздо сильнее и заметнее, чем там. Я видел здесь лица и формы, которые поистине ужасны, лица, которые казались полусгнившими и распадающимися на части. Но это – безнадёжные случаи, и таких работники Лиги представляют своей печальной судьбе. Я не уверен в будущей судьбе этих людей: могут ли они воплотиться в этом цикле, я не знаю.

Но дети здесь так очаровательны! Один молодой мальчик часто бывает со мной; он называет меня отцом и, по-видимому, радуется общению со мной. Ему, должно быть, около тринадцати лет, и он пробыл уже некоторое время здесь. Он не умел сказать мне, сколько времени; но я спрошу его, не вспомнит ли он земной год, когда перешёл сюда.

Это неверно, что здесь нельзя скрывать свои мысли. Здесь можно сохранять тайны, если знать, *как* это делать. Это делается внушением или наложением зарока. Хотя здесь всё же несравненно легче читать чужие мысли, чем на земле. Мы сообщаемся друг с другом приблизительно так же, как и вы. Но по мере того, как время идёт, я замечаю, что начинаю разговаривать всё чаще не губами, а посредством сильных проекций мысли. Вначале я открывал рот, когда хотел что-нибудь сказать; теперь я это делаю изредка, по силе привычки. Когда человек только что перешёл сюда, он не понимает другого, пока последний не заговорит: или, вернее, пока сам не научится говорить иначе.

Но я начал о мальчике. Он чрезвычайно интересуется некоторыми земными вещами, о которых я ему говорю, особенно аэропланами, которые были ещё не особенно усовершенствованы, когда он перешёл сюда. Ему хочется вернуться и полетать на аэроплане. Я говорю ему, что он может летать здесь без аэроплана, но для него это не одно и то же; ему хочется «вложить персты» в самую машину.

Я советую ему не торопиться с возвращением назад. Интереснее всего, что он может вспомнить свои предыдущие жизни на земле. Многие здесь не имеют никакого воспоминания о своих прежних жизнях, они помнят только то, что переживали перед уходом сюда. Вообще, это вовсе не место, где бы все знали обо всём – далеко нет. Большинство душ почти так же слепо, как оно было на земле.

Мальчик был изобретателем в предыдущем воплощении, и на этот раз он перешёл сюда вследствие несчастного случая, как рассказывает он сам. Ему бы следовало остаться здесь подольше, чтобы приобрести более сильный ритм для своего возвращения. Но это моя собственная идея. Меня так интересует этот мальчик, что мне хотелось бы удержать его, и это, вероятно, влияет на моё мнение.

Вы видите – человеческое нам вовсе не чуждо.

Вы, кажется, хотите спросить меня о чём-то? Попробуйте сказать громко. Я думаю, что услышу.

Да, я чувствую себя гораздо моложе, чем на земле, и гораздо крепче, и гораздо здоровее. В самом начале я чувствовал себя, как и во время моей болезни, по временам угнетённым, а по временам свободным от угнетения; теперь же – совсем другое! Моё тело почти не беспокоит меня.

Я думаю, что старые люди молодеют здесь до тех пор, пока не возвращаются к своим цветущим годам, и тогда они останавливаются на более или менее долгое время. Вы видите, что я приобрёл все знания. Я успел уже собрать много забытых сведений; но относительно подробностей здешней жизни мне остаётся многому научиться. Ваша любознательность поможет мне изучить здешние условия, чего бы иначе я ещё долго не сделал, а может быть и никогда. По-видимому, и здесь большинство людей не научается многому, и здесь на первом плане – желание преуспевать, как и во время земной жизни.

Да, здесь есть школы, где желающие могут обучаться, но и здесь немного великих учителей. Обыкновенные же здешние профессора не обладают высшей мудростью совершенно так же, как и на земле.

Письмо XII

МИР ПЕРВООБРАЗОВ

Мне нужно сделать добавление к тому, что я говорил, когда старался объяснить вам, что всё, встречающееся здесь, существует и на земле. С тех пор я узнал, что это не совсем верно. Здесь есть различные слои. Я это узнал только недавно. Я и до сих пор думаю, что в слое, ближайшем от земли, всё, или почти всё, существует и на земле в плотной материи. Но если удалиться подальше от земли (как далеко, я не могу определить земной меркой), можно достигнуть сферы образцов или – если можно так выразиться – первообразов вещей, которые возникнут на земле. Я видел формы вещей, которые, насколько я знаю, не существовали на вашей планете, например, будущие изобретения. Я видел крылья, которые человек может приспособить к себе. Я видел также новые формы летательных снарядов. Я видел модели городов и башен со странными, похожими на крылья, проекциями, употребление которых мне совершенно непонятно. Прогресс механических изобретений, очевидно, ещё только начался. В другой раз я продвинулся дальше в этом мире образцовых форм и посмотрю, нельзя ли проникнуть ещё дальше.

Но имейте в виду: я рассказываю Вам совершенно так же, как рассказал бы путешественник о вещах, которые он видит впервые. Иногда мои объяснения могут быть неверны.

Когда я был в области, которую мы будем называть миром первообразов, я не встретил там никого, кроме одного случайного путника, вроде меня. Я делаю из этого естественное заключение, что только немногие, покидающие землю, посещают эту область. Я вывожу из всего, что видел, и из общений с душами, перешедшими сюда, что большинство из них не удаляется очень далеко от земли.

Очень странно, а между тем я видел людей, которые воображают себя в обстановке настоящего ортодоксального рая, они поют в белых одеяниях с венцами на голове и с арфами в руках. Не принадлежащие к ним называют эту область «небесной страной».

Рассказывали мне, что существует также и огненный ад, чуть ли не с запахом серы, но до сих пор я не видел его. Когда я буду сильнее, я постараюсь добраться до него, и, если это не слишком мучительно, я проберусь и дальше – если меня туда пустят.

В настоящее время я перехожу с места на место, и до сих пор я ещё не изучил основательно ни одной области.

Я взял мальчика, которого, кстати сказать, зовут Лайонел, вчерашний день с собой. Может быть, следовало бы сказать «вчерашнюю ночь», так как ваш день – наша ночь, когда мы находимся на вашей стороне. Вы и твёрдая земля находитесь в центре нашей большой сферы.

Я взял мальчика с собой на «прогулку», как сказали бы вы.

Прежде всего, мы отправились в старый квартал Парижа, где я жил в прежней жизни; но Лайонел ровно ничего не видел, и когда я ему указывал на некоторые строения, он спросил меня совершенно искренне, не вижу ли я их во сне. Вероятно, у меня есть способность, которая развита не во всех жителях астральной страны. Так, когда Лайонел нашёл, что Париж – моё воображение (сам он жил в Бостоне), тогда я отправился с ним в «небесную страну». Её он сейчас же увидел и сказал:

– Это, должно быть, то самое место, про которое мне рассказывала бабушка. Но где же Бог?

Этого я не мог сказать; но тут мы увидели, что все смотрят в одном направлении. Мы тоже стали смотреть вместе с другими и увидели большой свет, подобный солнцу, только свет был мягче и не так ослепителен, как у материального солнца.

– Вот, – сказал я мальчику, – что видят те, кто видят Бога.

А теперь я должен сказать Вам нечто очень странное: пока мы смотрели на этот свет, между ним и нами начала медленно образовываться фигура, какую мы на земле привыкли называть Христом. Он смотрел с нежностью на людей и протянул к ним Свои руки.

Затем Его образ изменился, и на Его правой руке оказался ягнёнок; а затем – Он стоял как бы преображённый на горе; после этого Он заговорил и начал учить их, мы могли слышать Его голос. А затем Он исчез, и мы перестали видеть Его.

РЕАЛЬНЫЕ И НЕРЕАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Когда я впервые перешёл сюда, я был так заинтересован всем виденным, что не расспрашивал, как следует относиться к видимому; но позднее я начал замечать разницу между предметами, которые на поверхностный взгляд кажутся из одной и той же субстанции. Так, я начинаю видеть разницу между тем, что несомненно существовало на земле, как, например, форма мужчин, женщин и детей, и между другими вещами, которые, хотя и видимы и кажутся осязаемыми, но тем не менее должны быть, вероятнее всего, мыслеобразами.

Эта мысль пришла ко мне, когда я смотрел на драмы, разыгрываемые в «небесной стране», и она снова явилась ко мне ещё с большей силой, когда я делал недавно исследование в той области, которую я называл «миром первообразов».

Позднее я буду, вероятно, различать и тот и другой вид с первого взгляда. Например, если я встречу здесь существо, или что мне покажется существом, и мне скажут, что это – известный герой романа, вроде Жана Вальжана у Виктора Гюго, я буду иметь основание думать, что это – лишь мыслеобраз, но настолько жизненный, что он кажется настоящим существом в этом мире разрежённой материи. Но до сих пор я ещё не встречал таких героев.

Таким образом, пока я не удостоверюсь, что встреченное существо слышит меня и может отвечать мне или другим, которые обращаются к нему с беседой, – я не могу окончательно решить, что оно действительно существует. Отныне я буду исследовать всех встречающихся мне. Герой романа или иное создание мысли, как бы живо оно ни казалось, не может отвечать на вопросы, ибо не имеет души, не имеет реального центра сознания.

Когда я вижу странную форму дерева или животного и могу его осязать, ибо чувства действуют здесь совершенно так же, как и на земле, я знаю, что она существует в тонкой материи астрального плана.

Я думаю, что все существа, которые я видел здесь, реальны; но, если я встречу такое, которое не смогу осязать, и которое не сможет отвечать на вопросы, – тогда у меня будут данные для моей гипотезы, что частицы материи, из которых составляются мыслеобразы, имеют достаточную степень сцепления для того, чтобы казаться реальными.

Несомненно, что нет духа без субстанции, и нет субстанции без духа, скрытого или выраженного; но нарисованный человек может же казаться на далёком расстоянии самим человеком.

Могут ли здесь существовать сознательно преднамеренные мыслеобразы? Я думаю, да. Такая форма мысли должна быть очень интенсивна для того, чтобы сохраняться на продолжительное время.

Письмо XIV

ФОЛИАНТ ПАРАЦЕЛЬСА

Недавно я попросил моего Учителя показать мне архивы, где могли бы записываться наблюдения живших здесь, если такой архив существует. Он сказал:

– Ты был большим любителем книг на земле. Пойдём.

Мы вошли в большое здание, подобное библиотеке, и у меня захватило дух от удивления. Меня поразила не архитектура здания, а количество книг и рукописей. Их, должно быть, было много миллионов.

Я спросил Учителя, все ли книги здесь. Он улыбнулся и сказал:

– Неужели тебе всё ещё мало? Ты можешь выбрать всё, что хочешь.

Я спросил, как расположены книги – по предметам или иначе?

– Здесь есть определённый порядок, – ответил он. – Какую ты хочешь?

Я сказал, что хотел бы видеть книги, в которых записаны наблюдения над этой, всё ещё мало знакомой для меня страной.

Тогда он взял с полки объёмистый том. Он был напечатан крупным чёрным шрифтом.

– Кто написал эту книгу? – спросил я у него.

– Здесь есть подпись.

Я посмотрел в конце книги и увидел подпись, которую употреблял Парацельс.

– Когда он написал это?

– Вскоре после переселения сюда. Это было написано между жизнью Парацельса на Земле и его следующим воплощением.

Книга, которую я раскрыл, представляла собой трактат о духах человеческих, ангельских и элементарных. Она начиналась с определения человеческого духа, как духа, имевшего опыт жизни в человеческой форме; а элементарный дух определялся как более или менее развитое самосознание, не имевшее ещё такого опыта.

Затем автор определял ангела, как дух высокой ступени, который не имел, вероятно, и в будущем не будет иметь таких переживаний в материи. Затем он утверждал, что ангельские души разделяются на две резко отличающиеся группы – небесные и преисподние; первые принадлежат к тем ангелам, которые работали в гармонии с законами Бога, последние – к тем, которые работали против этой гармонии. Он говорит, что каждый из этих отделов необходим для существования другого; что если бы все были добрые, то Вселенная прекратила бы своё существование; что и само добро перестало бы быть за отсутствием своей противоположности – зла.

Парацельс утверждает, что в архивах царства ангелов есть указание, что добрый ангел сделался злым, а злой ангел сделался добрым, но что такие случаи редки.

Далее он предупреждает те души, которые будут пребывать в той области, где он это писал и в которой я нахожусь в настоящее время, чтобы они не вступали в сношение со злыми духами. Он заявляет, что в более тонких формах здешней жизни больше соблазнов, чем в жизни земной; что сам он был неоднократно осаждаем злыми ангелами, убеждавшими его соединиться с ними, и что их аргументы были иногда чрезвычайно благовидны.

Он продолжает, что во время своей неземной жизни имел частые общения с духами, и добрыми, и злыми; но что пока он был на земле, он никогда – насколько ему известно – не беседовал с ангелом из породы злых.

Парацельс указывает своему читателю, что есть только один способ для определения, принадлежит ли существо здешнего тонкого мира к ангелам, или же только к человеческим или элементарным духам; отличить ангела можно только по большой силе сияния, окружающего его. Он говорит, что и добрые, и злые ангелы окружены чрезвычайным сиянием; но что между ними есть разница, заметная при первом же взгляде на их лица; что глаза небесных ангелов пылают любовью и разумом, тогда как смотреть в глаза ангелов преисподней чрезвычайно тяжело.

Он говорит ещё, что для ангела тьмы возможно ввести в заблуждение смертного человека, явившись перед ним под видом ангела света; но что такой обман невозможен по отношению к душе, освободившейся от своего смертного тела.

Возможно, что я скажу ещё более об этом в другой раз, а теперь я должен отдохнуть.

Письмо XV

РИМСКАЯ ТОГА

Особенно интересным делает для меня эту страну отсутствие условностей. Здесь нет двух людей, одетых одинаково, – или нет, это не совсем точно, но очень многие одеваются так необыкновенно, что их наружный вид придаёт здешнему миру большое разнообразие.

Моя собственная одежда похожа на ту, что я носил на земле, хотя раз, в виде опыта, остановившись мысленно на одной из своих прежних жизней, я облёкся в одежду того времени.

Здесь ничего не стоит приобрести нужную одежду. Я не могу сказать, каким образом я приобретал то, что меня облекло при переходе сюда; но, когда я начал обращать на эти вещи внимание, я увидел себя одетым так же, как и прежде.

Здесь много таких, которые носят костюмы древних времён. Но я не вывожу из этого, что они были все эти истекшие века здесь. Может быть, они носят такую одежду потому, что она им нравится.

Как общее правило, большинство остаётся вблизи от тех мест, где они жили на земле; но я предпочёл скитаться с самого начала. Я быстро передвигаюсь из одной страны в другую. Одну ночь (у вас это – день) я могу отдыхать в Америке, другую ночь – в Париже. Я нередко отдыхал на диване в Вашей гостиной, а Вы не знали, что я был там.

Хотя думаю, что Вы, наверно, почувствовали бы моё присутствие, если бы я оставался так же долго около Вас в состоянии бодрствования.

Но не подумайте из этого, что нам необходимо прислоняться во время отдыха к твёрдой материи вашего мира. Совсем нет. Мы можем отдыхать на тонкой субстанции нашего собственного мира.

Однажды, после моего переселения сюда, я увидел женщину в греческом костюме и спросил, откуда она достала его. Она сказала, что сделала его сама. На мой вопрос – как? – она ответила:

- Я просто сделала образец в уме, и он превратился в мою одежду.
- Как Вы его скрепляли? Застёжками?
- Не совсем так, как это делается на земле.

Тогда я взглянул пристальнее на неё и увидел, что её одежда состояла из одного куска, подхваченного на плечах булавками с разноцветными камнями.

После этого я сам стал пробовать создавать вещи. Тогда-то мне и пришла идея облачиться в римскую тогу, но я никак не мог припомнить, какой у неё вид.

Когда вслед за тем я встретил своего Учителя и сказал ему о своём желании, он научил меня, как создавать одежду по своему вкусу: нужно представить себе ясно образец одежды, сделать его для себя видимым, а затем – силой желания облечь тонкой субстанцией ментального мира этот воображаемый образец. И тогда возникнет желаемая одежда.

– «В таком случае», – сказал я, – субстанция ментального плана, как Вы это называете, не та же самая, из какой состоит моё тело?

– В конечном анализе, – ответил он, – материя одна и та же в обоих мирах; но в быстроте вибраций и в разрежённости большая разница.

Субстанция, из которой сделана наша одежда, кажется очень тонкой, тогда как тела наши представляются довольно плотными. Мы совсем не чувствуем себя прозрачными ангелами, сидящими на влажных облаках. Если бы не быстрота, с которой я переносюсь через пространства, я готов иногда думать, что моё тело так же плотно, как и прежде.

Я нередко могу видеть Вас, и для меня Вы кажетесь прозрачной. Я думаю, что это опять тот же вопрос о приспособлении к окружающей среде.

Вначале мне было трудно приспособлять количество энергии, необходимой для каждого определённого действия. Так, например, когда я вначале хотел подвинуться на короткое расстояние, – скажем, на несколько ярдов, – я оказывался на целую милю, до того мало усилия требует здесь передвижение, но в настоящее время я уже приспособился.

Я решил запастись большим количеством энергии для очень деятельной жизни на земле, когда я снова вернусь туда. Здесь же самая трудная задача для меня, это – писать посредством Вашей руки; вначале это брало все мои силы, но теперь я чувствую всё меньше сопротивления с Вашей стороны и мне приходится употреблять всё меньшее усилие. И всё же я не мог бы писать без перерыва, не употребляя в дело Вашу жизненную силу, а этого я не хочу.

Вы, вероятно, заметили, что перестали утомляться после писания, как вначале.

Но я заговорил об отсутствии условностей в нашем мире. Мы приветствуем друг друга, но только когда хотим. Хотя я видел несколько старых женщин, которые боялись говорить с незнакомыми, но вероятно, они были очень недолго здесь и ещё не отделались от земных привычек.

Не подумайте только, будто здесь общаются свободно и просто. Это не так, но мужчины и женщины не настолько боятся друг друга, как на земле.

ТА ВЕЩЬ, КОТОРУЮ НУЖНО ЗАБЫТЬ

Мне хотелось бы сказать слово тем, кто приближается к смерти. Я хотел бы просить их забыть, как можно скорее, о своих физических телах после той перемены, которую они зовут смертью.

О, это ужасное любопытство, заставляющее смотреть на ту *вещь*, которую мы принимали когда-то за себя! Оно возвращается от времени до времени с такой силой, что заставляет нас действовать как бы против воли и притягивает нас к ней, к этой вещи. Некоторыми оно завладевает подобно страшной одержимости, и они не могут освободиться от неё, пока остаётся малейший остаток плоти на тех костях, которые служили для них когда-то поддержкой.

Скажите им, чтобы они отбросили от себя всякую мысль о своём теле и переходили бы в новую жизнь свободными. Смотреть назад на прошлое бывает иногда очень полезно, но только не на эти разлагающиеся остатки прошлого.

Видеть в гробу возможно потому, что тело, которое мы носим теперь, светится в тёмных местах и в состоянии проникать через плотную материю. Я сам это делал, но решил никогда не возвращаться и не смотреть на *это*.

Я не хочу потрясать или огорчать Вас – я просто хочу дать Вам предупреждение. Это зрелище очень печальное, и возможно, что от многих душ, только что перешедших сюда, оттого и веет такой печалью. Оне снова и снова возвращаются к тому месту, которого оне не должны бы посещать.

Нужно Вам знать, что, когда мы усиленно думаем о каком-нибудь месте, мы немедленно переносимся туда. Наше здешнее тело так легко, что оно способно следовать за мыслью почти без всякого усилия. Скажите им, чтобы они не делали этого.

Однажды, проходя по аллее, – ибо у нас тоже есть деревья – я встретил высокую женщину в длинной чёрной одежде. Она плакала – ибо у нас тоже есть слёзы. Я спросил её, о чём она плачет, и она посмотрела на меня с невыразимой печалью.

– «Я сейчас смотрела на это», – сказала она.

Моё сердце болело за неё – я знал, *что* она чувствует. Потрясение, которое испытываешь при первом посещении, повторяется снова и снова, ибо эта вещь становится всё менее похожа на то, чем мы представляли себя при жизни.

Мне часто хотелось, из чистого научного интереса, спросить Лионеля, не возвращался ли он к своему телу; но я не спросил, из боязни внушить ему эту идею. Он полон такой беспокойной любознательности. Очень возможно, что у тех, которые переходят сюда в детском возрасте, меньше этого вредного влечения, чем у нас.

Нам следовало бы помнить во время земной жизни, что эта наша внешняя форма вовсе не мы сами, и тогда мы не придавали бы ей такого преувеличенного значения.

Как общее правило, прожившие здесь очень долго совсем не кажутся старыми. Я узнал от моего Учителя, что после некоторого времени старый человек забывает, что он стар; в нас заложена склонность оставаться в мыслях молодыми, и это отражается на внешнем виде, так как здесь тела могут воспринимать именно ту форму, которая соответствует нашим мыслям. Закон ритма действует здесь, как и везде; дети вырастают и могут даже достигнуть старости, если их сознание ожидает такую перемену; по большей части здесь встречаются люди во цвете лет, ибо существует склонность или достигать расцвета, или возвращаться к нему, а затем удерживаться в этом состоянии пока непреодолимое влечение к земле не возникнет снова.

Большинство здешних жителей не знает, что они жили много раз во плоти. Они воспринимают свою последнюю жизнь более или менее ясно, но всё, что было раньше, кажется им подобным сну. Следует всегда сохранять память прошлого как можно яснее; это помогает строить будущее.

Люди, которые представляют себе ушедших своих друзей мудрыми и всезнающими, были бы очень разочарованы, если бы узнали, что в действительности потусторонняя жизнь есть лишь продолжение жизни на земле! Если земные мысли и желания направлялись к одним материальным радостям, они, по всей видимости, остаются такими же и здесь. С тех пор, как я здесь, мне встречались настоящие святые; но они и в земной своей жизни обладали высокими идеалами; здесь же они могут неограниченно жить этими идеалами. Жизнь за пределами смерти может быть так свободна! Здесь нет той механической жизни, которая делает людей такими рабами на земле. В нашем мире человека задерживают только мысли. Если оне свободны – свободен и он. Но здесь немного людей с моим философским складом. Здесь больше святых, чем мыслителей, так как высочайший идеал большинства людей склоняет их скорее к религиозной, чем к философской жизни.

Мне думается, что самый счастливый народ из всех людей, которых я здесь встречал, это – живописцы. Субстанция здешнего мира так легка и пластична, что она необыкновенно легко складывается в формы, творимые воображением. Здесь есть прекрасные картины. Некоторые из здешних художников стараются передать свои картины внутреннему зрению земных художников, и иногда им это удаётся; и тогда истинный творец радуется, что его товарищ на земле схватывает идею и осуществляет её на полотне.

Не каждый способен видеть ясно насколько вдохновлённый им художник выразил его идею, ибо требуется специальный дар или специальная подготовка, чтобы видеть явления из другого вида материи, но дух вдохновителя улавливает мысль в сознании вдохновлённого им художника и таким путём узнаёт, насколько его идея осуществилась на земле.

С поэтами то же самое. Здесь создаются прекрасные поэмы, и оне впечатлеваются в мыслях земных поэтов. Один из здешних поэтов сказал мне, что это легче достигается с короткими поэмами, чем с эпосом и драмами, для которых требуется продолжительное усилие. Приблизительно то же самое можно сказать и о музыкантах. Когда вы бываете на концертах, где исполняется прекрасная музыка, там вокруг вас, наверно, толпятся духи, любящие музыку и упивающиеся музыкальными гармониями. Земная музыка доставляет здесь много радости. Мы можем слышать её. Но ни один из здешних любителей музыки не появится в месте, где барабанят и фальшивят. Мы предпочитаем струнные инструменты. Из всех земных влияний звуки достигают легче всего в эту область жизни. Скажите это музыкантам.

Если бы они могли слышать *нашу* музыку! Я не понимал музыки на земле, но теперь мой слух приспособился. И мне кажется, что вы должны слышать нашу музыку так же, как мы вашу.

Вы, может быть, интересуетесь знать, где я бываю. Я очень люблю одно прелестное место в деревне, на склоне горы, недалеко от моего собственного города. Там вьётся тропинка вокруг холма, и над самой дорогой стоит хижина. Иногда я остаюсь там подолгу и слушаю журчанье ручья, сбегающего с горы; высокие стройные деревья стали как братья для меня. Вначале я неясно различаю физические деревья; тогда я вхожу в маленькую хижину и ложусь на деревянную скамью, прислонённую к стене. Я закрываю глаза и особым усилием, или вернее устремлением, делаюсь способным видеть моё любимое место. Но нужно прибавить, что это происходит в ночное время, когда моё тело излучает свет. При ярком солнечном освещении мы совсем не можем видеть, наш свет угашается резким солнечным светом.

Однажды я взял Лионеля с собой и оставил его в хижине, а сам удалился на некоторое расстояние. Взглянув на хижину, я увидел, что вся она светится необыкновенно красивым сиянием – сиянием самого Лионеля. Маленькое строение с остроконечной крышей имело вид жемчужины, освещённой внутри. Это было очень красиво.

После этого я пошёл к Лионелю и сказал ему, чтобы он в свою очередь отошёл в сторону, а я занял его место в хижине. Меня интересовало, увидит ли он то же самое. Когда он вернулся ко мне, я спросил его, что он видел, он воскликнул:

– Какой Вы удивительный человек, отец! Как это Вы сделали, что вся хижина светилась? Тогда я убедился, что и он видел то же самое, что видел я.

Но сейчас я устал и пожелаю Вам доброй ночи и приятных сновидений.

Письмо XVII

ВТОРАЯ ЖЕНА

Меня часто призывают, чтобы решать различные затруднения. Многие меня называют просто «судья», но обыкновенно каждый сохраняет то имя, которое он носил на земле.

Мужчины и женщины приходят ко мне, чтобы я решил для них некоторые недоумения, касающиеся этики и других вопросов, приходят даже по случаю ссор. Вы, вероятно, думали, что здесь не ссорятся? Не только ссорятся, но и бывает продолжительная вражда.

Придерживающиеся различных религиозных взглядов приходят нередко в горячие столкновения. Появляясь сюда с теми же верованиями, с какими они были на земле, и получив возможность лицезреть свои идеалы и реально переживать свои чаяния, люди различных верований становятся здесь ещё нетерпимей, чем на земле. Каждый убеждён, что именно он прав, а другой ошибается. Особенно часто это встречается у вновь пришедших сюда. Через некоторое время они становятся гораздо терпимее, сосредотачиваясь внутри своей собственной жизни и наслаждаясь теми доказательствами и осуществлениями, которые каждая душа строит для себя.

Мне хочется дать Вам пример, в каких вопросах приходится мне быть здесь «судьёй».

Здесь есть две женщины, которые при жизни на земле были замужем за одним и тем же человеком. Первая женщина умерла, а затем её муж женился на другой, и вскоре – через год или два – муж и вторая жена оба перешли сюда. Первая жена считает себя единственной женой своего мужа и следует за ним повсюду. Она утверждает, что он обещал встретиться с ней на небесах. Он же чувствует более склонности ко второй жене, хотя и к первой питает добрые чувства. Но ему надоедает то, что он назвал «безрассудным безрассудством». Он сказал мне однажды, что желал бы отделаться от обеих для того, чтобы отдаться спокойно интересующим его изысканиям. Он часто искал моего общества, и обе женщины, не хотевшие расстаться с ним, тоже приходили ко мне. Однажды, когда они подошли ко мне втроём, первая жена задала мне такой вопрос:

– Этот человек – мой муж. Не должна ли эта другая женщина удалиться подальше и оставить его безраздельно мне?

Я спросил вторую жену, что она имеет сказать. Она ответила, что без мужа она будет здесь очень одинокой, и так как она имела его позднее, поэтому он принадлежит более ей, чем другой жене.

Мгновенно вспыхнула в моей памяти сцена между саддукеями и Христом, когда они задали ему подобный же вопрос, и я повторил Его ответ, насколько мог его припомнить:

– Восставшие из мёртвых не женятся и не выходят замуж, а пребывают подобно ангелам на небесах.

Мой ответ, по-видимому, поразил их, и они отошли, чтобы подумать над ним.

Мои собственные наблюдения над этим вопросом приводят к тому, что различие полов здесь так же реально, как и на земле, хотя выражается оно иначе.

Через несколько времени все трое пришли ко мне опять и сказали, что они по-новому пересмотрели своё затруднение: возможно, что эта новая точка зрения была ангельская, так как первая жена решила «предоставить» своему мужу проводить часть времени с той, другой, женщиной, если это для него необходимо.

Но дело в том, что у мужа была другая нежная любовь к молодой девушке ещё до встречи с обеими жёнами. Эта девушка тоже умерла, и у мужа явилось сильное желание разыскать её здесь. Удастся ли ему это, я не могу сказать. Но положение его не из лёгких, и я думаю, что оно не составляет исключения. Хотя есть способ, посредством которого он мог бы отделаться от настоящего общества своих жён и обеспечить за собой уединение; но он этого ещё не знает. Знающий может уединиться здесь так же, как и на земле; он может построить вокруг себя стену, через которую его может видеть только посвящённый. Я не открыл этой тайны моему приятелю; но со временем я, может быть, и открою, если для его развития потребуется одиночество. Теперь же мне кажется для него полезнее приспособиться к этому двойному праву на него и найти, какая истина лежит в основе его затруднений.

Может быть, он узнает, что в действительности, по существу он не «принадлежит» ни одной из этих женщин. Пребывающие здесь души начинают через некоторое время в такой степени любить свободу, что готовы и сами отступить от своих прав и претензий на чужую свободу.

Здесь можно расти, если у человека есть эта потребность; хотя мало кто пользуется этой возможностью. Большинство довольствуется тем, что усваивает земной опыт и земные переживания; и здесь люди теряют благоприятные возможности так, как они делали это во время своей земной жизни. Здесь есть учителя, всегда готовые помочь тому, кто желает их помощи для проникновения в тайны жизни – здешней, потусторонней и теряющейся в далёком-далёком прошлом.

Если человек понял, что его недавнее пребывание на земле было лишь последним в длинном ряде его жизней, и, если он сосредоточит свои мысли на восстановлении в памяти далёкого прошлого, он может вспомнить эти жизни. Многие могут думать, что достаточно одного освобождения от материальной завесы, чтобы освободить душу от всякого помрачения; но как на земле, так и здесь, – всё происходит так или иначе не оттого, что оно должно бы быть таковым, а оттого, что оно есть таково.

Мы притягиваем к себе переживания, для которых мы созрели, и на которые у нас есть запрос; но большинство душ предъявляют здесь слишком малые запросы так же, как они это делали на земле. Скажите им, чтобы они требовали больше, и жажда их будет удовлетворена.

Письмо XVIII

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ВИДЫ АДА

Несколько времени тому назад я сообщил Вам о своём намерении посетить ад; но, когда я начал свои исследования в этом направлении, оказалось, что здесь существует множество разновидностей того, что мы называем «адам».

Каждый человек строит для себя свой собственный ад.

Да, я уверен, что люди помещают себя в ад сами, что не Бог их туда посылает. Я начал искать ада из огня и серы и не нашёл такого. По всей вероятности, Данте видел то же, что и я. Но существуют другие, индивидуальные виды ада. *

* Писание по непонятной для меня причине внезапно остановилось и более в этот вечер не возобновлялось. (Э.Б.)

Письмо XIX

ПРИЮТ ЛЮБВИ В НЕБЕСАХ

Я встретился с очень интересным человеком после того, как писал с Вами. Это – любящее сердце, которое ожидало здесь свою возлюбленную в течение 10 лет.

На земле её уверяли, что он умер, и убедили полюбить другого; но она не могла забыть его, так как каждую ночь он встречал её душу во время сна, каждую ночь она появлялась к нему сюда и иногда могла припомнить, пробуждаясь, всё, что он сказал ей во время свидания.

Она сказала ему, что недолго останется в солнцем освещаемом мире и придёт к нему сюда в самосветящийся мир.

Несколько времени тому назад она, наконец, явилась. Он давно поджидал её и построил из вещества этого мира маленький дом, какой мечтал устроить для неё на земле.

Он рассказал мне, как однажды ночью, явившись к нему во сне, она заявила, что соединится с ним завтра.

Он был поражён и почти готов остановить её, так как его смерть была внезапная и очень мучительная, а он боялся страданий для неё. Он всегда охранял её, стараясь предупредить о каждой опасности; но на этот раз он почувствовал, когда первое потрясение прошло, что она действительно перейдёт к нему. Он был очень счастлив.

Здесь он не искал новой любви, ибо когда покидаешь землю с одной большой любовью, и когда земная возлюбленная не забывает ушедшего, связь может сохраняться на долгое время, не ослабевая. Вы, оставшиеся на земле, забыли всё пережитое здесь и потому не знаете, какое счастье приносит нам ваше воспоминание, не понимаете, как нам тяжело ваше забвение.

Хотя часто бывает, что более всего развиваются в духовности как раз те, которых забывают на земле любимые люди; но тем не менее грустно быть забытым.

Вы вызываете в нас силу, предоставляя нас самим себе; но эта сила даётся тяжело, и далеко не все души готовы для того, чтобы воспользоваться вынужденным одиночеством с целью быстрее подниматься по лестнице духовного знания.

Но вернёмся к интересующей нас паре. Весь тот день он оставался около неё. Он не мог видеть её тела, ибо лучи солнца были слишком ярки для него, но после долгого ожидания он почувствовал её руку в своей руке и, хотя она была невидима для него, он знал, что она здесь. И он заговорил с нею, употребляя земные слова. Но она, казалось, не понимала его. Он заговорил с ней снова, но она всё не отвечала, хотя по пожатию его руки он знал, что она сознаёт его присутствие. И так стояли они рука в руку в темноте солнечного освещения: он – способный говорить, благодаря своему долгому опыту в мире тонких звуков, она – безмолвная и растерянная, но продолжающая держаться за его руку.

Когда лучи солнца погасли, он начал видеть её лицо и её глаза, широко раскрытые и испуганные. Они продолжали оставаться в комнате, в которой лежало её безжизненное тело. Стояло лето, и окна были раскрыты. Он старался увлечь её в простор душистой ночи, которая для них представляла день, но она удерживала его за руки и не хотела удаляться. Под конец ему удалось увлечь её на некоторое расстояние; теперь она услышала его и ответила.

«—Любимый мой», – сказала она, – которая же из двух я? *Я вижу себя – я чувствую себя – и там тоже я.* Я словно в двух местах. *Которая же из двух – настоящая я?*

Он утешал её словами любви. Он боялся приласкать её, ибо прикосновение душ чрезвычайно сильно, и он боялся, чтобы она не возвратилась к той покинутой форме, и не настала бы новая разлука.

Но хотя она часто приходила к нему во сне, теперь это было иначе, гораздо жизненное, и он почувствовал, что она действительно переступила через великую перемену.

Она продолжала держать его за руку и в то же время не хотела удаляться от «той вещи». Он оставался с ней всю ночь и весь следующий день, когда засияло солнце, и он снова перестал видеть её.

В течение этого дня друзья его возлюбленной нарушали покой её тела, проделывая над ним то, что нужно для живых и только тревожит мёртвых. Он оставался с ней вторую ночь и второй день.

Он слышал рыдания её огорчённых родителей, хотя они не могли видеть ни его, ни свою дочь; но во вторую ночь маленькая собачка его возлюбленной вбежала в комнату, где лежало её тело, увидела их и начала жалобно визжать. Они оба слышали этот визг. Теперь она яснее слышала, когда он заговаривал с ней.

– Куда увезут они «это»? – спросила она его.

Тогда он вспомнил минуты, когда сам стоял, как зачарованный, около своей безжизненной формы, над которой его возлюбленная проливала горькие слёзы. И он начал её уговаривать удалиться совсем; но ей казалось, что она не может. На третий день она взволновалась, когда они укладывали в гроб её тело. В то же время он почувствовал – видеть он не мог – целую толпу, собравшуюся в комнате, и слышал похоронную музыку. Музыку гораздо легче слышать, чем человеческие голоса; для того, чтобы расслышать последние, нужна хорошая подготовка.

В это время его возлюбленная была в тяжёлом волнении, которое передалось и ему; они начали подвигаться медленно – невыносимо медленно – и он сказал ей:

– Не огорчайся, они хотят похоронить «это»; но ты в безопасности со мной.

Небеспричинно над домом смерти чувствуется какая-то странная невыразимая тишина, которая не может быть объяснена одной печалью оставшихся. Они чувствуют присутствие души, ушедшей из мира, хотя и не могут видеть её. Их собственные души оберегают невольно эти первые минуты её смятения. Перемена не была бы так мучительна, если бы переходящий в иной мир помнил, что это случалось с ним и прежде; но мы так легко забываем. Иногда мы, здесь, называем землю «Долиной забвения».

В течение последующих дней и недель этот человек оставался около своей возлюбленной, всё время стараясь отвлечь от земли и от «этого», привлекавшего её так же, как и многих, мучительной тягой.

Я узнал здесь, что души, прожившие долгое время на земле, отрываются гораздо легче, но этой женщине было около 30 лет, и ей трудно было освободиться даже с помощью своего возлюбленного. Но в один прекрасный день, или ночь, по-вашему, он ввёл её в тот дом, который приготовил для неё на небесах, и они стали жить там. Иногда он покидает её на короткое время, а иногда она; ибо радость совместного пребывания усиливается здесь так же, как и на земле, благодаря временной разлуке. В течение первых дней она испытывала время от времени голод, и он старался утолить его, предлагая ей различные вещества здешнего мира. Постепенно она отвыкла от земли и от земных привычек и только изредка, во сне, возвращалась к своим родителям.

Не оставляйте никогда без внимания снов, касающихся умерших людей. Такие сны имеют всегда какой-нибудь смысл. Они передают не всегда верно, ибо дверь между обоими мирами чрезвычайно узка, и мысли часто искажаются, переходя из одного мира в другой. Но не забывайте, что мы всё же можем общаться с вами этим путём. Я являлся к Вам во сне, стоя за решёткой окружённого стеной сада, в котором Вы были заключены. Я улыбался и делал знак, чтобы Вы подошли ко мне; но я вовсе не хотел, чтобы Вы остались здесь со мной. Я хотел, чтобы Вы пришли сюда в духе; хотя для меня легче, чем для Вас, переходить в наш мир.

Доброй ночи.

Письмо XX

ЧЕЛОВЕК, НАШЕДШИЙ БОГА

Мне кажется, нет лучшего способа приобщить Вас к здешней жизни, такой необычной для Вас, как рассказать Вам мои впечатления от общения с мужчинами и женщинами, которых я здесь встречаю.

Я как-то говорил Вам, что встречаю здесь больше святых, чем философов, и мне хочется рассказать Вам о человеке, который производит на меня впечатление неподдельного святого. Да, здесь есть маленькие святые и большие святые, так же, как есть маленькие и большие грешники.

Однажды я шёл по вершине горы. Я говорю «шёл», хотя передвижение делается здесь без всяких усилий, но это почти то же самое.

На вершине горы я увидел человека, стоявшего в одиночестве. Он смотрел вдаль, но я не мог видеть того, на что он смотрел. Он был сосредоточен и был в общении с самим собою или с кем-то, кого я не мог видеть.

Я ждал некоторое время. Под конец, глубоко вздохнув, ибо мы дышим здесь, он повернулся ко мне и сказал с доброй улыбкой:

– Чем я могу служить вам, брат?

Я был смущён, чувствуя, что, может быть, помешал какому-то невидимому для меня общению.

– «Если это не слишком смело с моей стороны», – сказал я, – я бы попросил Вас сказать мне, о чём Вы думали, стоя здесь и глядя в пространство?

Я чувствовал, что этого не следовало делать; но моё серьёзное желание научиться всему, доступному для меня, заслуживало прощения, и меня прощали.

У этого человека было прекрасное лицо без бороды и юношеский огонь в глазах. Одежда его говорила, что он очень мало думает о своей наружности.

Он посмотрел на меня молча и затем сказал:

– Я стремился приблизиться к Богу.

– А что есть Бог? – спросил я. – И где Бог?

Он улыбнулся. Я никогда не видал такой улыбки.

– Бог всюду! – ответил он. – Бог **есть**.

– Что же Он такое? – настаивал я, и снова он повторил, но уже с другим ударением:

– **Бог** есть.

– Что же Вы хотите этим сказать? – спросил я.

– Бог **есть**, **Бог** есть, – повторил он.

Не знаю, каким путём передалось мне значение его слов, может быть, путём симпатии, но в моём сознании внезапно вспыхнуло, что, когда он говорил: «Бог **есть**», он хотел выразить полнейшее осуществление Бога, какое только возможно для духа; а когда он говорил: «**Бог** есть», он хотел этим выразить, что ничего и не существует, кроме Бога.

По всей вероятности, на моём лице, если судить, по следующим словам, святого, отразилось то, что я чувствовал:

– Разве Вы сами не знаете, что Он **есть**, и что всё, что существует, есть Он?

– Я начинаю чувствовать, *что* Вы подразумеваете, – ответил я, – хотя сам я могу чувствовать лишь очень слабо.

Он улыбнулся и ничего не ответил; но во мне роились вопросы.

– Когда Вы были на земле, много думали Вы о Боге? – спросил я.

– Всегда. Я очень мало думал о чём-нибудь другом. Я искал Его всюду, но только по временам во мне вспыхивало сознание Его истинной сути. Иногда, когда я молился, – а я молился много – во мне возникал внезапный вопрос: чему ты молишься? И тогда вырывался громкий ответ: Богу! Я молюсь Богу! Но хотя я молился Ему ежедневно в течение многих лет, только временами вспыхивало во мне истинное сознание Бога. Но настал час – я был тогда один в лесу – когда пришло великое откровение. Оно пришло не в виде определённых слов, но скорее, как безмолвное и безобразное чудо, слишком великое для ограниченной мысли.

– Я упал на землю и, вероятно, потерял сознание, так как через некоторое время – как долго, не ведаю – я пробудился и, поднявшись с земли, стал смотреть вокруг. И тогда я постепенно вспомнил пережитое; оно оказалось слишком велико, не по силам моим, когда я его испытывал.

Выразить в словах это великое, слишком великое для моей смертной природы, я сумел только в таких словах: «Всё, что есть, есть Бог». Это казалось так просто, а между тем эта простота должна включать и меня самого, и всех существ – людей и животных; и даже деревья, и птицы, и реки должны быть частью Бога, если *Бог есть всё*.

С этой минуты жизнь получила для меня новое значение. Я не мог видеть человеческого лица, чтобы не вспомнить откровения – не вспомнить, что это человеческое существо есть часть Бога. Когда моя собака смотрела на меня, я говорил ей: «Ты тоже часть Бога». Когда я стоял на берегу реки и слушал шум воды, я говорил себе: «Я слушаю голос Бога». Когда кто-ни будь из моих ближних сердился на меня я спрашивал себя: «Чем мог я оскорбить Бога?» Когда кто-нибудь обращался ко мне с любовью, я говорил: «Теперь Бог любит меня», и от этого сознания у меня захватывало дух. Жизнь становилась невообразимо прекрасной.

Прежде я был так погружён в Бога и так стремился найти Его, что мало думал о своих ближних и пренебрегал даже теми, которые были всего ближе ко мне; но с этого дня, я начал сближаться с моими братьями. И я убедился, что чем больше я искал Бога в них, тем чаще Бог отвечал мне через них. И жизнь становилась всё более чудесной и прекрасной.

Иногда я старался передать другим то, что я чувствую, но они не всегда понимали меня. И тогда я начал постигать, что Бог намеренно, по причине, известной Ему одному, скрывал Себя за покровами. Может быть, для того, чтобы радоваться, разрывая их? Если так, я решил помочь Ему, насколько у меня хватит сил, и я стремился помочь другим людям познать Бога, насколько я сам познал Его. В течение многих лет учил я людей. Вначале мне хотелось учить всех. Но вскоре я убедился, что это невозможно, и тогда я избрал немногих, которые называли себя моими учениками. Я просил их не говорить, что они мои ученики, но убеждал их передавать другим то знание, которое я давал им. И таким образом, не я один, а многие приобщались к тому чуду, которое было передо мной раскрыто в тот день, когда я стоял в одиночестве, в лесу, и пробудился к сознанию, что **Бог есть. Бог есть**».

Сказав это, святой повернулся и оставил меня со всеми моими неудовлетворёнными вопросами. Я хотел спросить его, когда и как он покинул землю, и какое дело он делает здесь, но он ушёл.

Может быть, я увижу его когда-нибудь снова. Но увижу я его или не увижу, он дал мне нечто, что я, в свою очередь, отдаю Вам, как он сам хотел отдавать своё знание миру.

Письмо XXI

ДОСУГИ ДУШИ

Одна из радостей здешнего бытия состоит в досуге, в возможности мечтать и знакомиться со своей собственной сутью.

Конечно, и здесь много дела; но хотя я и намереваюсь вернуться в земной мир через некоторое время, я чувствую, что здесь у меня будет время для знакомства с собой. Я стремился к этому и на земле, более или менее; но здесь меньше спроса на меня. Хотя бы облегчение в процессе одевания и раздевания и отсутствие нужды зарабатывать для себя или для других.

Ввиду здешнего досуга, я собираюсь в течение нескольких лет не только приобрести общие познания – познакомиться с условиями этого четырёхмерного мира, но и пройти в обратном порядке все мои прежние жизни и усвоить всё, чему я научился в них. Я хочу сделать полный синтез опытов моего Эго, вплоть до настоящего срока, чтобы вывести из этого синтеза, *что* я смогу делать в будущем по линиям наименьшего сопротивления. Я думаю, – хотя я ещё не вполне уверен – что я могу принести с собой многое из этих знаний, когда снова вернусь на землю.

Я постараюсь известить Вас в своё время, когда и, приблизительно, где найти меня. Чего же Вы испугались? Это будет ещё не скоро. Я мог бы, вероятно, ускорить своё возвращение, но это было бы неумудро, потому что я не мог бы вернуться с таким размером сил, какого я хочу. Так как действие и противодействие противоположны и равны, и Эго человека способно развивать только определённое количество энергии в данное время, поэтому лучше для меня оставаться в условиях этой лёгкой материи, пока я не соберу достаточно энергии для того, чтобы вернуться назад очень сильным. Но я не поступлю так, как делает большинство душ: они остаются здесь, пока не устанут от этого мира так же, как раньше они уставали от земной жизни, после чего они устремляются назад почти бессознательно непреодолимой силой ритмического прилива и отлива. Я же хочу руководить этим ритмом.

С тех пор, как я здесь, один из тех, кого я знаю, вернулся на землю. Он был уже совсем готов, когда я впервые нашёл его. Самое странное было то, что он сам не понимал своего состояния. Он жаловался на усталость и на потребность в частом отдыхе. Это был, по всей вероятности, естественный инстинкт, чтобы подготовиться к верховному усилию ещё раз раскрыть двери материи. Легче войти сюда, чем перейти из этого мира в ваш мир.

Я знаю, где теперь находится эта душа: мне сказал Учитель. Меня это удивило, так как человек, о котором идёт речь, не должен бы, по моему мнению, интересоваться Учителем. Но кто знает? Возможно, что в ближайшей своей жизни он соприкоснётся с их учением.

Но я хотел говорить о здешних досугах. Мне хотелось бы, чтобы и у Вас было больше досуга. Я не говорю о лени, но о пассивном состоянии ума, которое имеет такое же значение, как и активное состояние. Только когда вы пассивны, можем мы достигать вас. Если ваше тело и ум постоянно заняты, нам трудно повлиять на вас отсюда. Найдите немного времени, чтобы ежедневно совсем ничего не делать; в таком случае подсознательные части Вашего ума начнут работать. Они напомнят Вам, что существует внутренняя жизнь, ибо внутренняя жизнь, которая доступна вам на земле, есть настоящая точка соприкосновения с миром, в котором живём мы.

Я уже говорил Вам, что оба мира соприкасаются, и они соприкасаются через внутренний мир. Вы входите внутрь, чтобы выйти наружу. Это парадокс, но парадоксы заключают большие истины. Противоречия – не истины, но парадокс не есть противоречие.

Существует большая разница во времени, в течение которого люди остаются здесь. Вы говорите о тоске по родине. Здесь есть души, которые испытывают такую тоску по земле. Они иногда возвращаются почти немедленно, но это большая ошибка. За исключением очень молодых, не использовавших энергии, сохранившейся от последней жизни, слишком быстрое возвращение назад лишает душу силы сопротивления.

Как ни странно, а здесь можно встретить таких, которые тоскуют по земле вроде того, как некоторые земные поэты и мечтатели тоскуют по внутренней жизни.

Это употребление терминологии «внешний и внутренний» может показаться неясным; но следует помнить, что вам нужно войти внутрь себя, чтобы достигнуть нас, а нам нужно выступить из себя, чтобы достигнуть вас. В нормальном состоянии мы переживаем здесь то, что можно называть субъективной жизнью. Мы становимся всё более и более объективными по мере того, как приближаемся к вашему миру; вы же становитесь всё более субъективными по мере того, как приближаетесь к нашему миру. Если бы вы это ясно сознавали, вы могли бы почти во всякое время навещать нас на несколько мгновений – при условии достаточно глубокого проникновения в самого себя.

Спешить не следует, это нужно ясно запомнить. То, что Вам не удастся сделать в этом году, Вы можете сделать в следующем. Но если Вы будете торопиться и постоянно бросаться в разные стороны, Вы немногого достигнете в этой работе. Вечность достаточно продолжительна для полного развития человеческого *Эго*. Она как будто бы предназначена для этой цели. Изречение «цель жизни есть жизнь» кажется мне очень верным с тех пор, как я имел возможность исследовать вечность с новой точки зрения. Эта точка зрения даёт новый взгляд на время и вечность. Я теперь вижу то, чего раньше не видел: что я, в сущности, никогда не тратил времени даром. Даже все мои ошибки были ценной частью моего опыта. Мы теряем, чтобы приобретать снова. Мы вступаем и выступаем из жизни, чтобы научиться тому, что *в ней* и что *вне* её. И в этом, как и во всём остальном, целью жизни является сама жизнь.

Не спешите. Человек может вырасти постепенно в силу и знание, или же может взять их усилием. Воля свободна. Но постепенный рост не имеет такого могучего воздействия, как свободное усилие.

Письмо XXII

ЗМЕЙ ВЕЧНОСТИ

Я хочу говорить с Вами сегодня о вечности. Пока я не перешёл сюда, я никогда не мог уловить этой идеи. Я мыслил в границах месяцев, годов и столетий. Теперь же я вижу полное протяжение круга. Вхождения в материю и исхождения из неё не более, как сокращения и расширения сердца *Эго*; с точки зрения вечности, они, относительно, так же коротки. Для Вас земная жизнь кажется долгим периодом. Такой же казалась она и для меня, но теперь она мне не кажется такою.

Часто говорят: «Если бы я мог снова пережить свою жизнь, я поступал бы так-то и так-то». В действительности, нельзя вновь переживать ту же жизнь, как нельзя сердцу вернуться вспять и снова сделать прежний толчок, но можно приготовиться для ближайшей жизни. Предположим, что Вы испортили Ваше существование. Большинство людей повинно в этом, если смотреть с точки зрения их высшего идеала; но каждый человек, умеющий думать, должен усвоить некоторый опыт, который он и может унести с собой. Он может, вернувшись в солнечный свет другой земной жизни, не помнить подробностей своего прежнего опыта, хотя некоторые люди в состоянии помнить, благодаря достаточной подготовке и сосредоточенной воле; но наклонности каждой данной жизни, её побуждения и желания переносятся почти во всех случаях в следующую жизнь.

Вы должны отвыкнуть от привычки смотреть на настоящую жизнь, как на единственную; отвыкнуть от мысли, что жизнь за гробом будет бесконечным существованием в одном состоянии. Вы не смогли бы вынести бесконечного существования в тонкой материи внутреннего мира так же, как не могли бы вечно жить в той плотной материи, в которой вы заключены сейчас. Вы почувствовали бы утомление. Вы не выдержали бы этого.

Овладевайте вполне идеей ритма. Все существа подчинены закону ритма, даже боги, хотя в более грандиозной форме, чем мы, с более значительными периодами прилива и отлива.

Мне не хотелось оставлять Землю. Я боролся до конца, но теперь я вижу, что мой уход был неизбежен. Если бы я начал свою борьбу раньше, я подготовлял бы своё судно для более продолжительного плавания; но, когда весь уголь и вся вода вышли, необходимо было войти в гавань.

Возможно снабдить даже маленькую ладью для более продолжительного жизненного странствования, чем назначенные 60-70 лет; но в таком случае нужно быть экономным с углём и не расточать воды. Найдутся люди, которые поймут, что вода есть влага жизни?

Многим не нравится мысль, что жизнь после смерти не есть вечно длящееся движение вперёд в духовных мирах; хотя очень мало кто из протестующих имеет понятие, о чём они говорят, когда толкуют о духовных мирах.

Вечно длящаяся жизнь возможна для всех душ – это так; но невозможно двигаться в одном направлении. Эволюция идёт по кривой. Вечность есть круг, змей, поглощающий собственный хвост. Пока вы не согласны входить и выходить из плотной материи, вы никогда не научитесь преодолевать материю. Есть люди, которые могут оставаться в ней и выходить из неё по собственной воле и притом настолько, насколько они сами захотят, но это не те, которые убегают от жизни в форме.

Я в прежнее время боялся того, что называл смертью. Здесь есть такие, которые боятся того, что *они* называют смертью: новое рождение в земной мир. Здесь много таких, которые так же мало знают о ритме, как большинство на вашем берегу. Я встречал мужчин и женщин, которые даже не знали, что они снова вернутся на землю, которые рассуждают о «великой перемене», как люди земли рассуждают о смерти и обо всём, что находится по сю сторону, как о «недоказанном и даже не подлежащем доказательству». Как видите, это очень трагично, хотя и нелепо.

Когда я в своё время узнал, что скоро умру, я решил унести с собой и память, и философию, и разум. А теперь я хочу сказать Вам нечто, что, может быть, удивит Вас.

Есть некто, написавший книгу, озаглавленную «Закон Психических Феноменов», и в этой книге говорится о двух частях ума, которые он называл *субъективной* и *объективной*. Он говорит, что субъективный ум примет любую посылку, данную ему объективным умом и, исходя из этой посылки, может рассуждать с безукоризненной логикой; но что он не может проникнуть *за* посылку, что он не может рассуждать в обратном направлении.

Теперь я должен напомнить Вам, что в том состоянии материи, в котором нахожусь я, люди живут преимущественно объективной жизнью. И так как люди находятся здесь в субъективном состоянии, они и рассуждают, исходя из посылок, уже данных им в течение их объективного существования на земле. Вот почему большинство из проживающих в западных странах, где идея ритма или возрождения не популярна, переходят сюда с установившейся идеей, что они более не вернутся в земную жизнь. Они продолжают рассуждать, исходя из данной им посылки.

Конечно, ваше представление о невидимых мирах не изменит сути вещей. Те, которые не верят в новые рождения, не могут избежать ритма возрождения; но они держатся за своё верование, пока, отлив ритма не подхватит их и не заставит погрузиться снова в физическую материю, неподготовленными и не уносящими с собой почти никакого воспоминания о жизни в *этом* мире. Сюда они принесли воспоминания о земной жизни только потому, что ожидали подобного перенесения памяти.

Многие жители Востока, которые всегда верили в перевоплощение, вспоминают свои прежние жизни потому, что они были уверены в возможности помнить их.

Да, когда я понял, что вскоре должен буду покинуть землю, я наложил на себя зарок. Я порешил сохранить воспоминания одинаково и о моём вступлении сюда и о моём последующем выступлении отсюда. Конечно, я не могу поклясться, что буду всё помнить, когда вернусь снова в физическую материю; но я принял это решение, и уверен, что достигну некоторого успеха, если мне только удастся найти подходящую мать. Она будет подходящей, если и ей будет близка мысль о возрождении, и, в особенности, если она знала меня в моей последней земной жизни как ***, чтобы я мог заявить ей в детстве, что я и есть тот самый ***, которого она знала, и чтобы она не журила меня и не загоняла моих воспоминаний внутрь меня своими сомнениями.

Я уверен, что многие дети приносят воспоминания о своей здешней жизни, но что эти воспоминания теряются впоследствии благодаря постоянному внушению, что они впервые видят земной мир, что они вновь созданы и так далее.

Вечность на самом деле неизмерима, и миры, в которых мы живём, заключают в себе несравненно больше того, что может сниться обыкновенным учителям наших детей.

Если бы только вы могли схватить идею бессмертной жизни и крепко *держаться её!* Если бы вы мыслили себя, как существо без начала и конца, – вы могли бы начать много нового, стоящего усилия. Это удивительное сознание – уверенность в вечности. Малые трудности кажутся на самом деле малыми тому, кто мыслит о себе в размерах миллионов лет. Можно прибавлять биллионы, триллионы, – сколько хотите – идея останется та же. Цифры являются лишь символом большого количества, будь то это года или денежные знаки. Ни один миллионер не знает в точности, сколько у него денег в данное время; ибо следует причислить ещё и проценты, и потому величина его богатства всегда колеблется. То же самое и с бессмертием. Не думайте о себе, что вы прожили миллион или триллион лет, но думайте, что вы воистину бессмертны, без начала и без конца. Человек, сознающий себя богатым, богаче того, который определяет сумму своих денег, будет ли эта сумма велика или мала. Сохраняйте же сознание вечности и работайте в этом сознании.

На сегодня довольно.

Письмо XXIII

ОБРАЩЕНИЕ К ЗАЩИТНИКУ

Скажите Вашему другу, беспокоящемуся, что я могу причинить вред, употребляя Вашу руку для моих сообщений, что этот вопрос был основательно рассмотрен моим Учителем и мною, прежде чем я решился на этот шаг.

Обыкновенный медиумизм, когда организм более или менее нездоровой земной личности раскрывается безразлично для каждого духа, и дурного, и хорошего – не имеет ничего общего с Вашим положением. В данном случае, я, бывший Вашим другом на земле и перешедший сюда раньше Вас, возвращаюсь, чтобы передать Вам свои знания, приобретённые в поюсторонней области.

Я не делаю никаких отверстий* в Вашей нервной системе, через которые нежелательные и дурные силы могли бы проникнуть и овладеть Вами. Кроме того, если бы и была такая попытка, я бы не допустил её, ибо теперь мне известны средства, благодаря которым я мог бы сохранить Вас от того, что называется медиумичностью. Более того, я советую Вам никогда, несмотря ни на какие просьбы, не давать своих сил на спиритических сеансах. Странствующие духи так называемого невидимого мира не имеют никакого права проникать в Ваш организм потому только, что его внутреннее строение допускает такое вторжение; совершенно так же, как уличная толпа не имеет права врываться в Ваш дом только потому, что среди этой толпы есть любопытные, голодные и иззябшие. Не позволяйте этого. Сношение со мной – другое дело: оно исключительно и основано не на личном желании или любопытстве.

* Астральные органы чувств разобщены от физических предохранительной тканью, которая может быть повреждена благодаря искусственному раскрытию психических сил, и тогда влияния из астрального мира могут легко проникать в человека. См. об этом в статье Ч. Ледбитера: «Развитие оккультных сил», в NN5-6 «Вестника Теософии» за 1914г. (Е.П.)

Многое изменилось с тех пор, как я начал писать через Вас. Вначале я пользовался Вашей рукой извне – иногда, как Вы помните, с такой силой, что на другой день она у Вас болела. Затем, ознакомившись с доступными мне средствами, я попробовал другой метод, и Вы сразу заметили перемену в характере самих записей. Оне начались с неуклюжих больших букв и только постепенно становились яснее и отчётливее по мере того, как усовершенствовался мой контроль над Вашей рукой.

В самое же последнее время я попробовал новый метод. Я проникаю в Ваш ум, становлюсь в совершенную телепатическую связь с Вашим мышлением, запечатлевая в нём то, что хочу сказать Вам. Чтобы писать успешно таким образом, Вы должны добиться полной пассивности, погасить Ваши собственные мысли и отдаться моим мыслям; но ведь Вы делаете это ежедневно, когда читаете интересную книгу. Вы отдаёте Ваш ум автору, который ведёт Вас, захваченную и пассивную, по путям *своего* мышления.

Эти опыты усовершенствования способов нашего общения были очень интересны для меня.

Скажите Вашему другу, что я не принадлежу к легкомысленным исследователям. В течение своей жизни на земле я принадлежал к тем исследователям, для которых важнее всего истина, и я никогда не злоупотреблял никаким человеческим существом и, конечно, не начал бы с Вас, моего верного друга и ученицы.

Точно так же никогда не позволю я себе вмешиваться в Вашу жизнь, в Ваши занятия и в Вашу работу. Когда я странствовал по земле, я никогда не считался опасным человеком; мои свойства не изменились от того, что я переменял одежду.

Мне необходимо передать нечто миру. В настоящее время – Вы единственное лицо, способное служить для меня секретарём. Вопрос не в том, нуждаюсь ли я в Вашем писании, и даже не в том, хотите ли Вы писать, но в той пользе, которую мы можем принести миру. Я думаю, что польза есть. Вы думаете, что она возможна.

Такие-то и такие-то выражают свои сомнения и опасения.

Помочь этому я не могу, не можете и Вы.

Господь с ними! Почему им так хочется накрепко запереть за мною дверь? Я, конечно, не испорчу их потусторонних дел. Несомненно, что и Вы не получите иной награды за Ваш труд, кроме покачивания премудрых голов и улыбок превосходства, или же уверения научно настроенных людей, что я – Ваше собственное «подсознательное мышление».

Нужно только, чтобы Вы не огорчились, иначе я не смогу писать через Вас. Ваш ум должен быть так же спокоен и невозмутим, как озеро в тихую погоду, иначе не выйдет ничего.

Передайте им мой любящий привет.

Письмо XXIV

ЗАПРЕТНОЕ ЗНАНИЕ

Я прошёл за последние дни через многие переживания. Вы никогда не догадались бы, где я был вчера? Я был на похоронах японского императора. Вы не смогли бы переправиться из Парижа в Японию и вернуться так скоро – не правда ли?

Перед отправлением в путь я не знал, что микадо* умер. Меня взял с собой мой Учитель, предупредив, что произойдёт нечто, что мне следует увидеть.

* Микадо – древний титул императора Японии; буквально значит «величественные врата».

Его предвидение оправдалось. Я увидел большую душу, освободившую себя самоубийством. Это было грустное и страшное зрелище.

В то время, как я писал это, Учитель приблизился ко мне и посоветовал не говорить больше об этом.

Здесь можно увидеть ужасающие вещи, так же, как и прекрасные. Относительно самоубийств я могу сказать только одно: если бы люди знали, **что** ожидает самоубийц, они оставались бы до конца, несмотря на самые тяжёлые условия.

Появление Учителя и его совет лишили меня на время желания писать. Я приду позднее.

ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ:

Мне удалось сделать то, что Вы желали – найти мальчика, который недавно утонул.

В то время, как Вы смотрели на его портрет, я увидел его отражение в Ваших глазах и унёс с собой воспоминание о его наружности. Я нашёл его в состоянии большого смятения. Когда я заговорил с ним о Вас и о Вашем желании, чтобы я помог ему, он казался удивлённым. Мне удалось оказать ему некоторую помощь, хотя у него есть здесь друг, старый человек, который гораздо ближе к нему, чем я. Я бы на Вашем месте не пробовал входить с ним в сношения через меня; он идёт по другому пути, и у него здесь надёжные друзья. Его состояние требовало отвлечения, и я указал ему на времяпрепровождение, одинаково и приятное, и поучительное для него.

Вы удивляетесь выражению «времяпрепровождение»? Но время существует здесь. Пока есть последовательность, есть и время. Возможно, что придёт «время», когда все вещи будут существовать одновременно – прошлое, настоящее и будущее. Но пока прошлое, настоящее и будущее отличаются друг от друга, до тех пор есть и время. Это не более, как явление последовательности.

Внутренно, в своей собственной глубине, можно найти место безмолвия, где все вещи кажутся существующими одновременно в гармонии, но как только душа начинает рассматривать вещи в отдельности, немедленно возникает и последовательность.

Слияние со всем есть нечто иное. Для него времени не существует; но как только начинаешь соединять себя с отдельными вещами или сознавать их, немедленно проявляется и время.

Письмо XXV

ЛИШЁННЫЙ ТЕНИ МИР

Я не сразу заметил одну из самых ярких особенностей этого мира. Однажды вечером, подвигаясь медленно вперёд, я увидел группу людей, подходящих ко мне. Было очень светло там, где они находились, благодаря тому, что их было так много. Внезапно, глядя на этот свет, мне вспомнилось изречение одной герметической книги: «Где свет наиболее силён, там тени наиболее глубоки»; но взглянув на эту толпу людей, я увидел, что они не отбрасывают тени. Я окликнул ближайшего из них – это было вскоре после моего перехода сюда – и обратил его внимание на это странное явление. Он улыбнулся и сказал:

– Вы, вероятно, здесь недавно?

– Да, недавно.

– И Вы ещё не знаете, что мы освещаем то пространство, где находимся? Субстанция, из которой состоят наши тела, светящаяся. Как же они могут отбрасывать тень, если свет излучается из них самих по всем направлениям?

– А при солнечном свете? – спросил я.

– О, – ответил он, – при солнечном свете мы совсем не можем быть видимыми. Свет солнца слишком резок, и он погашает свет, исходящий от духов.

Может быть, Вас удивит, что я чувствую сейчас теплоту от горящих дров в Вашем камине? В горящем дереве есть магия. Сгорание каменного угля производит совсем другое влияние на психическую атмосферу. Если бы человек, не имевший никаких видений и обыкновенно не чувствительный к более тонким ощущениям и к отношениям с невидимым миром, попробовал медитировать в течение одного или двух часов ежедневно перед горящими дровами, его внутреннее зрение раскрылось бы для вещей, о которых он не имел ни малейшего представления.

Жители Востока, которые поклоняясь своему Богу, зажигают огни, делают мудро, и перед ними открывается многое, невидимое иначе. Огонь горящего воска имеет также магическое влияние, хотя не такое, как горящее дерево. Попробуйте посидеть вечером без другого освещения, кроме восковой свечи, и посмотрите, какие видения появятся из «пустоты».

Я давно Вам не говорил о Лайонеле. Его теперь интересует больше всего мысль о приискании семьи инженера, в которой он мог бы родиться вновь.

– Почему ты так спешишь покинуть меня? – спросил я его, когда он впервые заговорил об этом.

– Но я и не думаю покидать Вас совсем, – ответил он, – я буду приходить к Вам во сне.

– «Только не в начале», – сказал я ему, – ты будешь как бы в тюрьме, слепой и глухой, в течение долгого времени, и сможешь приходить ко мне сюда, может быть, уже после того, как я снова вернусь на землю.

– В таком случае, почему же Вам не вернуться вместе со мной? – спросил он. – Скажите, отец, почему бы нам не родиться близнецами?

Эта мысль показалась мне до того нелепой, что я от души рассмеялся, но Лайонел возразил с полной серьёзностью:

– Но ведь существуют же близнецы! Я сам знал двух братьев-близнецов, когда жил в Бостоне.

Но в мой план совсем не входит быть, по возвращении на землю, чьим-нибудь близнецом, и потому я сказал Лайонелу, что, если он желает пользоваться моим обществом, он должен оставаться спокойно там, где находится сейчас.

– Но отчего бы нам не вернуться вместе и быть двоюродными братьями или, по крайней мере, соседями? – настаивал он.

– Может быть, это и возможно, – сказал я ему, – если ты не испортишь всего излишней поспешностью.

Меня удивляет этот мальчик.

В нашем мире – безграничные возможности работать в тонкой материи, изобретать и делать опыты; но ему хочется во что бы то ни стало приложить руки к железу и стали. Странно!

Когда-нибудь я попробую привести мальчика к Вам перед тем, как Вы заснёте. Это самое лучшее время для истинных видений. Те, которые появляются во время сна, могут легко смешаться и прийти в беспорядок, благодаря вибрациям физической материи, через которые вы проходите, пробуждаясь. Не забудьте мальчика. Я говорил ему, как я пишу посредством Вашей руки, и он сильно заинтересовался.

– Почему бы мне не устроить телеграф в этом роде? – спросил он.

Но я посоветовал ему не делать этого, чтобы не подвергать себя риску перервать земную телеграмму, за которую было уплачено.

Иногда я беру его с собой в мир первообразов. У него там есть своя собственная маленькая модель, которой он забавляется, пока я исследую другие вещи. Это – модель колеса, которое он приводит в движение электричеством из своих пальцев. Нет, конечно, колесо не из стали, как вы понимаете сталь.

Нужно Вам понять, что оба мира состоят из материи, не только обладающей различной быстротой вибраций, но и заряженной различным магнетизмом. Вы знаете, что два твёрдых предмета не могут занимать одновременно одно и то же пространство; но этот закон не относится к двум предметам, из которых один принадлежит к нашему, а другой – к вашему миру. Как вода может быть горячей и влажной одновременно, так же и квадратный фут пространства может содержать квадратный фут земной материи и одновременно столько же нашей материи.

Нет, не придирайтесь к выражениям! У вас нет названия для той материи, которая существует здесь, потому что вы не знаете о ней ничего. Лайонел и его электрическое колесо остались бы невидимы для вас, если бы их поставить в эту минуту перед Вашим камином. Даже и магия горящего дерева не сделала бы их видимыми, по крайней мере, пока светит дневной свет.

А теперь я должен уйти.

Письмо XXVI

КРУГИ НА ПЕСКЕ

Только теперь я начинаю наслаждаться романтичностью здешней жизни. У меня, наверное, всегда был романтический темперамент. Только на земле было слишком много дела, слишком много обязанностей, чересчур много запросов, обращённых ко мне. Здесь же я совсем свободен.

Вы не можете иметь никакого представления об истинном значении свободы, если Вы только не помните последнего своего пребывания в этом мире, в чём я сомневаюсь.

Когда я говорю о «романтичности», я имею в виду очарование бытия, тот магический оттенок, который окрашивает серый лик жизни в розовый цвет.

Очаровательна эта возможность мечтать и осуществлять свою мечту, ибо здесь осуществление одновременно с возникновением мечты. Всё здесь так реально, воображение так могуче, и способность соединять явления так велика – почти безгранична!

Мечтатели здесь никогда не бывают праздно, ибо наши мечтания – своего рода строительство; а если бы этого даже не было, мы имеем право делать, что нам вздумается. Мы заслужили свои вакансии. Труд у нас впереди.

Поймите, на земле тратится больше энергии, чтобы поставить одну тяжёлую ногу впереди другой тяжёлой ноги и продвинуть весящее около двухсот фунтов тело на одну милю, чем здесь требуется для того, чтобы обойти весь свет! Это даст вам понятие о том избытке энергии, который мы имеем здесь для того, чтобы радоваться и строить грёзы.

Очень возможно, что вы на земле работаете слишком много – более, чем это действительно необходимо. Всё это множество ненужных вещей, которые вы нагромождаете вокруг себя, искусственные нужды, которые вы создаёте, головокружительный темп ваших жизней, чтобы добыть все эти вещи, кажутся здесь чем-то нелепым и даже жалким. Ваша политическая экономия не более как детская игра, ваши государственные учреждения – хитроумные машины для делания ненужных вещей, большая часть вашей работы бесполезна, и вся ваша жизнь была бы почти бесплодной, если бы вы не страдали настолько, чтобы ваши души познали, хотя и против воли, что большая часть их стремлений тщетна.

Как я сам потел и стонал в своё время, чтобы начертить мой маленький круг на песке! А теперь я понимаю, что, если бы я давал себе более времени для размышления, я, вероятно, восстановил бы часть прежнего знания, добытого в других жизнях; и, хотя я всё же был бы вынужден начертить этот мой круг на песке, я сделал бы это несравненно легче и вдвое быстрее.

Здесь, если мне вздумается, я могу проводить целые часы, следя, как изменяются цвета на облаке. Или ещё лучше, я могу лежать на спине и вспоминать. Это так интересно – посылать свои мысли назад, год за годом, жизнь за жизнью, столетие за столетием, назад и всё назад, пока не увидишь себя... черепахой! Но можно также смотреть вперёд, всё выше и выше, жизнь за жизнью, столетие за столетием, эон за эоном, пока не узнаешь себя – в архангеле. Глядение назад есть память, глядение вперёд есть творчество. Несомненно, мы творим своё собственное будущее. Кто бы, кроме нас, мог сделать это? На нас влияют, нас двигают и толкают, нам помогают и нас задерживают другие; но только мы сами куём цепи нашего существования. Мы завязываем узлы, которые впоследствии придётся развязывать, и часто с таким трудом и недоумением.

Пробегая назад мои прежние жизни, я мог понять все поводы и причины моей последней жизни. В некотором отношении она была самая неудовлетворительная из многих жизней – исключая одной; а теперь я понимаю её цель, понимаю, что я набрасывал планы для неё, когда был в последний раз здесь. Я даже влиял на то, чтобы жить там с друзьями, которых я встретил здесь.

Но теперь я подошёл к новому повороту дороги и начал снова восхождение вверх. И я снова набрасываю линии моего ближайшего существования, хотя я совсем не тороплюсь. Господь с Вами! Я совсем не хочу уходить, пока не исчерпаю всю чашу свободы и радости здешнего существования.

Также и научиться здесь можно многому. Я хочу восстановить то, чему я научился в тех позабытых, а теперь восстановленных жизнях.

Не вспоминается ли Вам, как во время школьных занятий Вам приходилось иногда повторять уроки предыдущих недель или месяцев? Этот обычай основан на верном принципе. У меня теперь как раз такое повторение уроков. Понемногу, прежде чем вернуться в ваш мир, я сделаю обзор всем этим повторениям, запечатлеваю силою воли те воспоминания, которые мне особенно бы хотелось унести с собой. Было бы совершенно невозможно перенести в неприкосновенном виде огромную панораму переживаний, которая развёртывается теперь перед взором моей памяти; но в ней есть несколько основных вещей, философских принципов и иллюстраций, которые я не должен забывать. Точно также мне хотелось бы унести с собой знания некоторых формул и привычку к некоторым упражнениям, которые Вы, может быть, назвали бы оккультными, посредством которых, когда я достигну зрелого возраста в моём новом теле, я мог бы вызывать в памяти те самые картины прошлого, которые теперь развёртываются передо мной каждый раз, когда я того хочу.

Нет, я не скажу Вам ничего про Ваше прошлое. Вы можете и должны восстановить его сами. Каждый может это, кто сознаёт разницу между памятью и воображением. Да, разница тонкая, но она так же реальна, как разница между «вчера» и «завтра».

Я вовсе не желаю, чтобы Вы спешили переходить сюда. Нет, оставайтесь, где Вы есть, как можно дольше. Много, что мы делаем по сю сторону, Вы могли бы делать так же хорошо, оставаясь в теле! Конечно, Вам придётся употребить больше энергии, но ведь энергия и существует для того, чтобы её употреблять. Даже когда мы накапливаем её, мы её накапливаем только для будущего употребления. Не забывайте этого.

Одна из причин, почему я так много отдыхаю, мечтаю и наслаждаюсь здесь – та, что я хочу накопить как можно больше энергии, чтобы вернуться с большими силами.

Это хорошо, что Вы приняли к сердцу мой совет оставаться по временам без дела и знакомиться со своей собственной душой. Много неожиданностей впереди у того, кто решается добровольно исследовать свою душу. Душа не есть блуждающий огонёк; она – маяк, помогающий избегать подводных скал материализма и забвения.

Я испытал много радости, пробегая назад свои греческие воплощения. Какое сосредоточение было у этих греков! Они знали очень много. Например, воды Леты – какая это глубокая концепция, принесённая с этого берега могучей памятью!

Если бы человек не переставал стремиться вспоминать, если бы он посвящал время на анализ того, что было, можно бы надеяться на более значительное будущее для него! Разве вы не знаете, что человек может стать богом, или тем, что по сравнению с обыкновенным человечеством обладает всеми признаками и величием Бога? «Вы – боги», – было сказано не только в иносказательном смысле.

Я видел здесь Учителя из Галилеи и имел общение с Ним. Вот кто был человеком и богом одновременно! Мир снова нуждается в Нём!

Письмо XXVII

МАГИЧЕСКОЕ КОЛЬЦО

Вам было бы очень трудно представить себе по одним моим словам разницу между вашей жизнью и нашей. Начиная с различия субстанции, и не только субстанции наших тел, но и субстанции окружающих нас естественных предметов.

Вас поражает выражение «естественные предметы» в применении к этому миру? Может быть, Вы воображаете, что мы превзошли Природу? Но нет существа и явления вне пределов её. Даже Бог не составляет исключения. *Природа есть.*

Представьте себе, что Вы провели шестьдесят или семьдесят лет в теле, которое упорно склонялось к ожирению, становилось неподвижным и ревматическим вплоть до потребности ложиться время от времени в постель для более или менее удачной починки. А затем представьте, что Вы внезапно переменили это тяжёлое тело на лёгкое и эластичное. Можете Вы себе представить такое? Должен сознаться, что для меня это было бы очень трудно ещё недавно.

Облечьшись в эту лёгкую форму, которая светится достаточно сильно, чтобы освещать пространство вокруг себя, когда её не погашает более резкий свет солнца, вообразите себя переносимой с места на место, от одного человека к другому, от одной идеи к другой. С течением времени даже привычка к питанию постепенно замирает. Нам более не надоедают голод и жажда; хотя я, например, и до сих пор подкрепляюсь время от времени лёгкой пищей, которую можно называть микроскопической в сравнении с мясными обедами, которые я истреблял на земле.

А затем, нас более не мучает тысяча и одна мелких земных обязанностей. И к тому же здесь более доверия к настроению другой души. Обязательства здесь не в обычай – я говорю о связующих обязательствах. Обыкновенно – хотя бывают и исключения – желания бывают взаимны. Когда мне хочется увидеть друга, в это же время, и он испытывает желание быть со мной, и нас, естественно, несёт друг к другу. Общения здесь необычайно прекрасны, но и одиночество бывает также полно очарованья.

По прошествии первых двух или трёх месяцев я более не чувствовал себя одиноким. Первое время напоминало мне рыбу, вынутую из воды. Почти все испытывают это, кроме разве духовных людей, которые не связаны земными цепями или земным честолюбием. Я так сильно боролся с идеей умирания, что моё новое состояние казалось мне вначале бедствием, и я носился кругом под впечатлением, что буду терять ценное время, которое могло бы быть с пользой употреблено в борьбе и напряжении земной жизни.

Ко мне на помощь явился Учитель; но он был слишком мудр, чтобы нянчиться со мной и даже и в самом начале. Он напомнил мне несколько основных принципов и предоставил применять их самому; постепенно, по мере того, как я овладевал этими применениями, я овладевал и собой. И только после этого начала заниматься передо мной вся красота и всё чудо моего нового состояния, и я понял, что вместо потери времени я приобретал огромный опыт, который послужит мне впоследствии.

Я входил здесь в общение со многими людьми, людьми всех ступеней умственного и нравственного развития, и должен сознаться, что человек с совершенно ясной идеей об истинном значении жизни и о возможностях эволюции – встречается здесь так же редко, как и на земле. Нет, мы не делаемся внезапно все мудрыми только потому, что меняем ткань своего тела.

Человек, бывший тщеславным на земле, окажется тщеславным и здесь, хотя в последующей своей жизни самый закон реакции и противодействия – если он перешёл меру тщеславия – может послать его назад скромным и даже застенчивым человеком, на время, по крайней мере, пока реакция не истощится.

Я часто жалел людей, которые проявлялись в жизни как рабы деловой рутины.

Многие из них не могут отделаться от этого и здесь, и вместо того, чтобы наслаждаться, они снова и снова возвращаются к своим старым «делам» и тратят время над различными задачами, тактическими или финансовыми, пока не приходят почти в такое же изнеможение, как до своей «смерти».

Как Вам известно, здесь есть учителя. Немногие достигают размера моего собственного Учителя; но многие берут на себя задачу помогать вновь появившимся душам. Помощь предлагается всем, хотя принимается эта помощь не всегда. В таком случае она предлагается снова и снова, ибо те, которые жертвуют собой ради других, делают это без надежды на признание или награду.

Если бы я вздумал писать учёный трактат о посюсторонней жизни, я бы начал совсем иначе. Прежде всего, я отложил бы свою работу лет на десяток, пока все мои факты не были бы распределены по местам и снабжены ярлыками; а затем я бы начал с самого начала и продиктовал бы Вам книгу такую скучную, что Вы заснули бы над ней, и мне пришлось бы подталкивать Вас от времени до времени, чтобы Вы подобрали выпавший из Вашей руки карандаш. Вместо того, я решил писать вскоре после прихода сюда, и мои письма действительно письма путешественника из чужой страны. Они передают его впечатления, иногда его ошибки, а иногда его провинциализмы и местные предрассудки. Но, во всяком случае, это не пересказ с чужих слов.

Мне приятно, что Вы держите мою фотографию на Вашем камине; это помогает мне приходить. В фотографии заключена большая сила.

Недавно я набрасывал для Вас картины на канве Ваших сновидений, чтобы показать Вам ничтожество и тщету некоторых вещей. Вам известно, что мы можем делать это? Возможность для так называемых мёртвых влиять на живых огромна, если только существует симпатическая связь. Я уже указывал Вам, как охранять себя от нежелательных влияний, и потому Вам бояться нечего. Я всегда буду своевременно предупреждать Вас, если будет малейшая опасность с этой стороны. Я уже провёл вокруг Вас магическое кольцо, через которое только самые могущественные духи могли бы переступить, то есть не сам, а с помощью Учителя провёл я этот круг. Вы выполняете наше дело, и поэтому имеет право на наше покровительство. Что «каждый работник достоин своей платы», эта аксиома верна в обоих мирах. Только Вы сами можете уничтожить поставленную преграду. Если бы Вы по неосторожности открыли доступ для нежелательных воздействий, мы поспешили бы её замкнуть снова. Из этого Вы усмотрите, что я уже достиг некоторой доли авторитета; да, я имею право сказать это уже и теперь. Вы удивлены?

ЕСЛИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ КАК МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ

Я слышал однажды, как один известный мне человек назвал этот наш мир «миром игр», ибо, сказал он, «мы все здесь дети, и мы создаём ту среду, которая для нас желательна». Как дитя во время игры превращает стул в башню или в скачущего и топчущего коня, точно так же можем и мы в этом мире осуществлять всё, что создаёт наше воображение.

Не заставляла ли Вас иногда поражаться эта абсолютная живость воображения у детей? Ребёнок говорит просто и с убеждением: «Этот вот коврик – сад, а та половица – в полу – река, тот стул – замок, а я в нём король».

Почему он говорит все эти вещи? Как может он говорить их? Потому что – и в этом всё дело – он подсознательно всё ещё вспоминает здешнюю жизнь, которую он сравнительно так недавно покинул. Он перенёс с собой в земную жизнь нечто из своей утраченной свободы и силу своего воображения.

Но это вовсе не означает, что все вещи в этом мире – одно воображение; вовсе нет. Здешние объекты из тонкой материи так же реальны и сравнительно так же вещественны, как и у вас; но, кроме того, здесь есть ещё возможность творить, и притом из материи ещё более тонкой – из той, которая составляет субстанцию мыслей.

Если вы создаёте что-либо на земле из плотной материи, вы прежде всего создаёте то же самое из субстанции мысли; но разница между вашим творчеством и нашим, та, что пока вы не окружили создание вашей мысли плотной материей, вы не верите, что это невидимое создание действительно существует вне вашего собственного воображения. Тогда как мы здесь можем видеть создания мыслей других, если мы и они того хотят.

Мы также можем – и я это говорю для Вашего утешения – видеть ваши создания мысли, и прибавляя силу нашей воли к вашей, мы можем помочь вам осуществить их в материальной форме.

Иногда мы строим здесь, в нашем четырёхмерном мире, постепенно и продолжительно, в особенности, если желаем сохранить своё создание для других, чтобы оно пребывало на долгое время. Но для всех высокоразвитых духов мыслеобразы видны всегда.

Конечно, Вы понимаете, что не все духи высоко развиты. На самом деле, только весьма немногие ушли очень далеко от вас; но наиболее тупой человек владеет здесь тем, что все вы потеряли – верой в создание своей собственной мысли.

Та сила, которая делает творчество возможным, не покидает душу, когда последняя вновь облекается в материю. Только сила эта вскоре угасает, и воображение теряет свою уверенность благодаря недоверию взрослых, которые постоянно твердят ребёнку: «Это только игра, этого в действительности нет; это одно воображение».

Если будете издавать эти письма, мне бы хотелось, чтобы Вы поместили здесь строки из паразитической поэмы Вордсворта «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства»:

Рожденье наше – только лишь
забвенье; Душа, что нам дана на срок
земной,

До своего на свете пробужденья
Живёт в обители иной;

Но не в кромешной
темноте, Не в
первозданной наготе, А в
ореоле славы мы идём

Из мест святых, где был наш дом!
Дитя озарено сияньем Божьим;

На Мальчике, растущем тень тюрьмы
Спускается с течением лет,

Но он умеет видеть среди
тьмы Свет радости, небесный
свет;

Для Юноши лишь отблеск остаётся –

Как путеводный луч Среди закатных туч

Или как свет звезды со дна
колодца; Для Взрослого уже
погас и он –

И мир в потёмки будней погружён. *

* Перевод Григория Кружкова.

Не существует почти никаких границ для возможностей воображения; но, чтобы воспользоваться всей его силой, нужно доверять своему воображению. Если Вы будете постоянно внушать себе, как мать внушает своему ребёнку: «Но ведь это только игра воображения, это нереально», Вы никогда не осуществите тех вещей, которые создаёт Ваша мысль.

Само воображение – подобно ребёнку, его нужно поощрять и верить в него, иначе оно не может развиваться и не может делать в совершенстве своего дела.

Человек, который называл этот мир ареной игры, пробовал всевозможные опыты с этой силой в себе. Ему удались вещи, которые сильно поразили бы Вас. Так, например, он помог своей жене, после своей так называемой смерти, выполнить их общий план, который им казался неосуществимым из-за недостатка настоящей веры. Но люди, делающие здесь опыты, – исключение. Большинство моих теперешних сограждан довольствуются тем местом, где они находятся и совсем не заботятся о земле. Несомненно, эти немногие – «мечтатели», подобные мне, которые не удовлетворяются одним миром и хотят соприкоснуться с обоими; но они встречаются редко, так же, как поэты на земле. Для огромного большинства достаточно того мира, в котором оно находится в данное время.

Что касается меня, то я – «ни за что на свете» – как выражаетесь Вы – не согласился бы тревожить кого бы то ни было мыслью, что я могу вмешиваться в чужие дела, которые совершенно меня не касаются. Но если бы, невидимо и неосяземо, я мог помочь Вам силою моего уверенного в себе воображения, – в этом не было бы ничего дурного, а для меня – это было бы нужным доказательством.

Письмо XXIX

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Я был бы очень огорчён, если бы чтение этих моих писем вызвало бы у неразумных людей погоню за духами, зазывания в свою человеческую сферу безответственных и часто лгущих элементарных духов. Скажите им, чтобы они этого не делали.

Мои сообщения через Вашу руку – совсем другое дело. Я бы не мог делать их, если бы не знал метода, сообщённого мне здесь, и я не мог бы делать их, если бы Вы прерывали меня своими собственными попутными мыслями и вопросами, всё равно – касались бы они данного явления или нет. Только потому, что Вы остаётесь пассивной и не проявляете любопытства, предоставляя мне пользоваться Вашей рукой так, как я пользовался бы на земле рукой моего стенографа, только потому я и могу писать длинные и связные фразы.

Большинство сообщений отсюда, даже если они подлинны, не имеют большой ценности потому, что они почти всегда окрашены мыслью той личности, через которую они проходят.

Вы правы, решив ничего не читать по этому поводу, пока продолжаются мои сообщения и даже не думать о той области жизни, где нахожусь я. Таким образом, Вы избегнете предвзятых мыслей, которые перебивали бы течение моих мыслей.

Вам, может быть, известно, что во время земной жизни я исследовал спиритизм, как я исследовал многое из области оккультного, стараясь всегда уловить ту долю истины, которая скрывалась за подобными явлениями; но я был и тогда убеждён и теперь, что, исключая один случай – когда желаешь дать научно обставленное наглядное доказательство, что такие вещи могут быть – во всех других случаях погоня за духами есть не только потеря времени, но и абсолютный вред для тех, которые участвуют в этой погоне.

Это может странно звучать со стороны так называемого «духа», да ещё вошедшего в общение с вашим миром. Если для кого-либо это прозвучит так, я тут ни при чём. Пусть я покажусь непоследовательным, но я всё же твёрдо стою за вред всякого рода безответственного медиумизма.

Если бы в действительности было так, что на каждом медиумическом сеансе появляется только такое потустороннее существо, которое имеет сказать нечто важное и искреннее, тогда – другое дело; но этот мир полон праздношатающимися так же, как и земной. Так как наш мир заселяется из вашего мира, – естественно, что наше население того же сорта, что и ваше. Оно не особенно изменилось, пройдя через врата смерти. Скажите, могли бы Вы посоветовать хорошо воспитанной и тонко чувствующей женщине сесть посреди Хайд-Парка и предложить всем, проходящим мимо толпами, подходить к ней и говорить, и смешивать свой магнетизм с её магнетизмом? Вы содрогнётесь, но это содрогание было бы куда сильнее, если бы Вы видели то, что вижу здесь я.

Кроме того, тут есть ещё другой разряд существ, которых теософы называют «элементариями». По поводу этих элементариев было написано много вздора; но Вы можете принять за факт, что в этом мире есть единицы энергии и сознания, которые соответствуют довольно точно тому, что теософы понимают под элементариями. Эти сущности, в общем, не особенно развиты; но так как земная жизнь представляет собой ступень, к которой они стремятся, и так как это – ближайшая неизбежная стадия их эволюции, то, естественно, что они испытывают к ней сильнейшую тягу. *

* Речь идёт о духах, не достигших ещё человеческой стадии развития, или, проще говоря, о духах животных. Естественно, никак необязательно, что все они непременно дурны. (И.Р.)

Поэтому не будьте слишком уверены, что стучащий в ваш письменный стол или в другую мебель есть непременно дух вашего умершего дедушки.

Это может быть не более, как слепая и очень жаждущая сущность, устремляющееся сознание, пробующее воспользоваться вами, чтобы ускорить свою собственную эволюцию, желающее проникнуть в вас, чтобы через вас испытать земные вибрации. Возможно, что эта слепая сущность не повредит вам, но может случиться, что вред от неё будет большой. Поэтому лучше не поощрять их попыток проникать через покров, который отделяет вас от них; ибо покров этот тоньше, чем вы думаете, и, хотя вы не можете сквозь него видеть, вы можете чувствовать через него.

Высказав это, я считаю свой долг исполненным, и возможно, что в следующий раз расскажу Вам что-нибудь более интересное; ибо я часто чувствую себя подобно астральной Шехерезаде, переживая её сказочные ночи! Но боюсь, что ранее, чем исполнится тысяча первая ночь, я уже не буду здесь. Нет, я не предполагаю снова «умереть» в другой мир; но когда я передам Вам то, что мне хотелось бы сообщить о здешней жизни, я намереваюсь исследовать другие планеты, если это мне будет разрешено.

Иногда я чувствую себя как молодой человек, получивший большое наследство, а с ним и неограниченную возможность путешествий. И хотя он может остаться дома на некоторое время, чтобы устроить свои дела и приспособиться, так сказать, к открывшейся перед ним новой свободе движений, – всё же, время придёт, когда он захочет попробовать свои крылья. Надеюсь, что моя метафора не звучит неуклюже? А коли так, Вы можете включить её в издание моих писем.

Письмо XXX

СИЛЬФИДА И ВОЛШЕБНИК

Если б только Вы были в состоянии видеть сквозь покров материи, Вы смогли бы наблюдать, что происходит сейчас в тонком мире вокруг Вас и под Вами в городе Париже, где Вы теперь находитесь. О, Вы бы сильно удивились. В последнюю пору я провёл много времени в Париже. Так вот, не рассказать ли мне Вам сейчас о некоторых удивительных вещах, которые мне довелось здесь видеть?

На левом берегу реки есть улица под названием *Рю Вожирар*, и там живёт сейчас человек средних лет, который ведёт замкнутый образ жизни, и он своего рода – волшебник. Ему всё время помогает и служит один элементарный дух из тех, что зовутся сильфидами. Этого духа он называет Мэрилин. Не знаю, из какого языка он позаимствовал это имя, ибо он знает несколько языков, включая и иврит. Я не раз видел, как эта Мэрилин приходит к нему в апартаменты и выходит оттуда. Нет, было бы неправильно, если б я дал Вам его точный адрес: власти могли бы заинтересоваться этим человеком, хотя сильфида и останется вне их юрисдикции.

Мэрилин не следит за порядком в доме и не готовит волшебнику еду – для такого рода помощи у него есть домработница. Сильфида же ходит по разным его поручениям и достаёт необходимое. Он, надо сказать, большой собиратель старинных книг и манускриптов, и многие из этих его сокровищ нашла ему Мэрилин – в книжных рядах, которые тянутся вдоль берегов Сены, равно как и в куда более значительных книжных лавках.

Этот человек никоим образом не является почитателем дьявола, он всего лишь безобидный энтузиаст, серьёзно интересующийся оккультными науками и стремящийся сквозь покровы материи узреть скрытый от его взора мир элементарей. Пей он чуть-чуть меньше коньяка и вина, так смог бы ясно увидеть желаемое, ибо он истинный адепт. Но, увы, он всё же привязан к плотским утехам, а это, как известно, сковывает силы духа.

Однажды я встретил Мэрилин, когда та вышла из дому по делам хозяина. Я заговорил с ней и назвал своё имя. Это привлекло внимание духа, и она приблизилась ко мне.

– Куда держите путь? – спросил я. Она кивнула в сторону противоположного берега реки.

И тут мне пришла в голову мысль, что я, быть может, не должен задавать вопросы служанке доброго волшебника, раз то касается его дел. Так что я остановился в нерешительности. Она, казалось, тоже колебалась, а потом сказала:

– Вообще-то ему весьма интересны человеческие духи.

Это сразу всё упростило, и я спросил:

– Так вы идёте по его поручению?

– Да, как и всегда.

– Почему вы у него служите?

– Потому что мне это нравится.

– И почему же вам нравится ему служить?

– Потому что я ему принадлежу.

– А я-то думал, что каждая душа принадлежит самой себе.

– Да, но я-то ведь не душа!

– Тогда кто же вы?

– Сильфида.

– И вы когда-нибудь станете душой?

– О, да! Он обещал мне, что я стану душой, если буду преданно ему служить.

– Но как он может сделать вас душой? – изумился я.

– Я не знаю, но он сможет.

– Откуда вам это известно?

– Потому что я ему верю.

– И что вас заставляет верить ему?

– То, что он верит мне.

– И вы всегда говорите ему правду?

- Всегда, как же иначе?
- Кто объяснил вам, что такое правда?
- Он и объяснил.
- Как?

Этот вопрос, похоже, затруднил мою собеседницу, и я, боясь, как бы она не рассердилась и не ушла, поспешил сказать ей:

– Я не стану докучать вам вопросами, на которые вам, быть может, трудно ответить. Я только спрошу: как вы поступили к нему на службу?

- Не знаю, можно ли мне отвечать на такой вопрос.
- Вы очень щепетильны, и у вас есть совесть.
- Да, он сказал, что мне необходимо её иметь.
- Но вы говорили, что его интересуют человеческие духи.
- Да, и я умею отличать хороших духов от дурных.
- Это он вас научил?
- Нет.
- Откуда же вы это узнали?
- Я всегда знала.
- Значит, вы живёте здесь очень давно?
- Ну, да!

- И когда, как вы думаете, у вас будет душа, вернее, когда вы станете душой?
- Когда он уйдёт из своего мира и попадёт в тот, где сейчас пребываете вы.

Столь нелепые мнения меня изумили. Получается, что добрый волшебник обманывал свою сильфиду, или он и сам верил в свои обещания?

- Что он об этом говорил? – спрашиваю я.
- Что если я буду служить ему сейчас, то он будет служить мне после.
- И как он собирается это сделать?
- Я не знаю.
- Полагаю, вы его спрашивали об этом?
- Я никогда не задаю вопросов. Я лишь отвечаю на них.
- И какие же, например, это вопросы?
- Я говорю ему, где находится тот или иной человек и чем он или она сейчас занимается.
- А вы можете ему сказать, о чём эти люди думают?
- Не часто, или не всегда. Но иногда могу.
- Как же вы это делаете?
- Через свои ощущения. Если мне тепло в их присутствии, я знаю, что они его друзья. А если мне холодно, это значит, что они ему враги. Если же я ничего не чувствую, это говорит о том, что они о нём не думают или что он им безразличен.

- И кого вы навестите сегодня?
- Одну даму.
- И вы не ревнуете?
- А что значит «ревновать»?
- Это значит, что вам неприятно, коли ваш хозяин интересуется другими женщинами.
- Почему это должно быть мне неприятно?

Я встал в тупик и не смог ответить на такой простой вопрос, не зная, какова в сущности природа сильфид. Она немало меня удивила, так как я всегда считал, что все женщины непременно ревнуют к другим женщинам. И снова, боясь, что она меня покинет, я поспешил задать ей новый вопрос:

- А как вообще вы с ним познакомились?
- Он позвал меня.
- Каким образом? – изумился я.
- Через заклинание.
- Какое заклинание?
- Обращение к сильфидам.
- О, он звал сильфиду – и вы пришли.

- Вот именно, он был весьма любезен и понравился мне, и я явила ему себя.
- Как же вы это сделали?
- Я накинула покров на его земное зрение, и он смог увидеть меня.
- И что, теперь он всегда может вас видеть?
- Нет, но он знает, что я рядом.
- И он иногда вас всё же видит?
- Да, очень часто.
- А когда он вас увидел в первый раз?
- Он был очарован, называл меня ласковыми, красивыми именами и многое обещал.
- Обещал сделать душой – это в тот первый раз?
- Да.
- И вы тогда захотели обладать душой?
- О, да!
- Но зачем?
- Многие из нас хотят быть людьми. Люди нам нравятся, то есть большинству из нас.
- А почему вы любите людей?
- Такова наша природа.
- Но ведь не все из вас таковы?
- Бывают злобные духи воздуха.
- А что вы будете делать, когда у вас будет душа?
- Я обзаведусь собственным телом и буду жить на земле.
- И покинете своего друга, которому сейчас служите?
- Нет, нет! Чтобы быть с ним вместе, я и хочу иметь тело.
- Тогда, выходит, он вернётся на землю вместе с вами?
- Он так говорит.

Эти слова снова повергли меня в изумление. Я ещё больше заинтересовался этим волшебником. У него смелое воображение!

Может ли дух воздуха развиться в человеческую душу? – спросил я себя. Человек этот занимался самообманом? Или, того хуже, обманывал свою прекрасную помощницу?

На этот раз я что-то совсем замешкался со своими мыслями, и когда наконец снова хотел обратиться к удивительной собеседнице с вопросом, оказалось, что она давно меня покинула. Я хотел последовать за нею, но не мог отыскать её. И если бы она скоро вернулась, то вполне могла воспользоваться другой дорогой, и я бы её не увидел. Хотя я смотрел во всех направлениях, она так и осталась для меня невидимой.

Теперь Вы, разумеется, спросите, на каком, собственно, языке я разговаривал с этой воздушной служанкой французского волшебника? Мне казалось, что я говорю на своём языке, и она, по-видимому, отвечала мне на нём же. Как это возможно? Не могу сказать, если только мы не пользовались утончённым языком самой силы мысли.

Вы, наверное, замечали, что при встрече с человеком, языка которого вы не понимаете, происходит обмен мыслями посредством взглядов, мимики и жестов? Теперь представьте эту свою способность усиленной в сотни раз. Так разве не смог бы я вести беседу с сильфидой, задавая ей самые простые вопросы и получая такие же незамысловатые ответы? Я не говорю, чтоб оно было именно так, но думаю, что такое могло бы быть. Во всяком случае, выглядело всё так, будто я говорил, а она отвечала мне на моём же языке.

Какие удивительные, невероятные вещи происходят и случаются здесь! Я почти боюсь вернуться назад в *ваш* мир, где мне снова пришлось бы долго скучать. В самом деле, разве мог бы я променять эту свободу и яркую жизнь на затяжную пору сонливости, на бутылку с соской, на изучение таблицы умножения и зубрёжку форм греческих и латинских глаголов?! Думаю, придётся – но хотя бы ещё не сейчас! Доброй Вам ночи!

ЗАДАЧА ИЗ НЕБЕСНОЙ МАТЕМАТИКИ

По той живости, с которой Вы иногда чувствуете моё присутствие, Вы можете судить об интенсивности той жизни, которой я живу. Нет, я не похож на бледное привидение, от которого несёт могильной сыростью. Я совершенно реален и так же цел и невредим – по крайней мере, мне так кажется – как во время моей земной жизни, когда меня облекала более или менее нездоровая плоть и кровь.

Это очень хорошо, что Вы не имели «сообщений с тем миром». Было бы очень несообразно, если бы Вы боялись меня. Но другие могли бы испугаться, если бы они чувствовали моё присутствие так, как чувствуете его Вы.

Однажды я постучался в двери комнаты моего земного друга со слабой надеждой, что он встретит меня приветливо. Он выскочил из постели, потом снова вскочил в неё и с явной тревогой натянул себе на голову простыни. Он в самом деле испугался при мысли, что-то могу быть я! Не желая быть причиной разрыва сердца или такого потрясения для волос моего друга, чтобы они – как поётся в старой песне – «поседали в одну ночь», я тихонько удалился. Наверно, он убедил себя на другой день, что за панелями появились мыши.

Но так как Вы знаете меня лучше, мне доставляет истинное удовольствие приходить к Вам, чтобы потолковать по душам. «Старый друг лучше новых двух», и общество духов совсем не удовлетворило бы меня, если бы все, кого я раньше знал и любил, повернулись ко мне спиной.

В последнее время я поставил перед собой вопрос: к чему я должен стремиться здесь, и чего я желаю? Год назад я бы ответил: «силы», но теперь мой ответ иной, а отвечаю себе: «знания», ибо знание есть предтеча силы. Если я приобрету достаточное количество знания, у меня будет и довольно силы.

И к Вам я прихожу только для того, чтобы дать Вам и другим те крупинки знания, которые иными путями были бы недоступны для вас. Самая ценная крупинка, какую я только могу дать вам, состоит в следующем: упражнением воли человек может сохранить своё объективное сознание и после смерти. Многие, перешедшие сюда, погружаются в своего рода субъективное блаженство, которое делает их безразличными к тому, что происходит на земле и на небесах. Я сам мог бы достигнуть этого, если бы захотел, и притом довольно легко.

Кажется, я уже говорил Вам раньше, что разница между человеком на земле и здесь – та, что на земле он одинаково владеет и субъективным, и объективным сознанием, но функционирует преимущественно последнее, тогда как здесь преобладает тенденция к субъективному сознанию, хотя оба сознания сохраняются и после перехода сюда.

Почти в любой момент, сосредоточившись и заглянув внутрь себя, и Вы могли бы впасть в состояние субъективного блаженства, сходное с тем, которым наслаждаются души, переступившие за черты так называемой смерти. И в самом деле, только путём такого подсознательного опыта удаётся человеку познать то, что он знает в невидимом мире. Когда бури и страсти телесной жизни приведены к молчанию, человек может заглянуть в свою собственную внутреннюю жизнь, а эта внутренняя жизнь и есть жизнь четырёхмерного плана.

Не обвиняйте меня в противоречии и неясности. Я ведь сказал, что объективное сознание так же доступно для нас, как и субъективное, в нас преобладает только склонность к последнему.

Вы, может быть, помните ту влюблённую пару, о которой я писал Вам несколько недель назад? Он перешёл сюда раньше и ждал её и помог ей перейти через ту призрачную страну, которая расстилается между двумя состояниями нашего существования.

Я увидел их ещё раз, но они не выразили никакого интереса к моему появлению. Наоборот, я думаю, что они были даже недовольны, что я пробудил их из того состояния субъективного блаженства, в которое они погрузились с тех пор, как им удалось, наконец, соединиться.

Пока он поджидал её все эти годы, он держал себя пробуждённым силою ожидания; пока ей приходилось оставаться без него на земле, она всё время думала о нём, и таким образом полярность поддерживалась.

Теперь они имеют друг друга; они остаются в том «домике», который он построил для неё из тонкой субстанции здешнего тонкого мира; они видят лица друг друга, всё равно – смотрят ли они внутрь себя или наружу; они удовлетворены; им нечего более достигать – так они говорят друг другу – и поэтому они погружаются снова в состояние субъективного блаженства.

На это состояние блаженства, на это его, так сказать, пережывание, они имеют право. Никто не может отнять его у них. Они заслужили его своей деятельностью, оно – их, по закону ритмической справедливости. Они будут им наслаждаться в течение долгого времени. Они, думаю мне, будут снова и снова проходить через прежние переживания, которые они испытывали совместно и порознь. А затем придёт день, когда один из них почувствует пресыщение от всей этой сладости; мускулы его или её души потребуют напряжения, от недостатка упражнения захотят вытянуться. У него или у неё появится астральный духовный зовок и – под действием закона реакции – он или она перешагнут через грань этого мира.

Куда же уйдут он или она, спрашиваете вы? Конечно, на Землю.

Представим себе её или его, пробудившимся из этого субъективного состояния блаженства, которое им представляется как *достижение*, и вообразим себе, что он или она удалились на короткую прогулку в благословенном и целительном одиночестве. И тогда, с чем-то вроде лёгкого чувства, какое у людей бывает в глазах и в сердце ранним утром, он или она притянется к двум влюблённым на Земле. Внезапно голос плоти, непреодолимый призыв горячей крови и деятельности, возведённый в высочайшую степень, захватят наполовину пробуждённую душу и тогда – она снова перейдёт в мир материального творчества. Она погрузится в плоть земли и скроется в ней. Она будет ждать нового рождения. Она проявится с большей силою, благодаря предшествующему отдыху. Вначале я говорил «он» или «она». Можно быть почти уверенным, что мужчина пробудится первым в силу своей положительной полярности.

Только помните, что, рисуя воображаемую картину моих влюблённых, я вовсе не имею в виду общего способа, которым бы все души возвращались на Землю. Я только догадываюсь, как эта пара возвратится на Землю (ибо она, вероятно, последует за ним немедленно после того, как, проснувшись, найдёт себя в одиночестве).

Причина же, почему мне кажется, что они вернутся именно таким образом, та, что они слишком много предавались субъективному блаженству.

Когда это случится? Этого я не могу сказать. Может быть, в будущем году, может быть, через сотни лет. Не зная размера соединяющих их сил, я не могу определить, какое количество субъективного блаженства они могут вынести без стремительной реакции.

Я уверен, что Вы думаете – мог ли бы я сам когда-нибудь погрузиться в такое состояние блаженства, о каком сейчас шла речь? Может быть. Возможно, что оно захватило бы и меня – но ненадолго и ещё не теперь. Во всяком случае, у меня нет здесь возлюбленной, которая могла бы наслаждаться подобным блаженством со мной.

Письмо XXXII

ПЕРЕМЕНА ФОКУСА ВНИМАНИЯ

За последние дни я посетил под руководством Учителя много местностей на земле. Я был в тех странах и городах, где в течение прежних жизней жил и работал среди людей. Одно из преимуществ путешествий по чужим странам состоит в том, что они помогают человеку вспоминать свои прежние существования. Есть несомненная магия в жилых местах.

Я побывал в Египте, Индии, Персии, Испании, Италии, я посетил Германию, Швейцарию, Австрию, Грецию, Турцию и много других стран. И Дарданеллы не были закрыты для меня, как они закрыты для Вас по причине войны. Каждое положение имеет свои преимущества; и моё также имеет их; закон выравнивания и возмещения действует везде.

Оказывается, что в некоторых из своих жизней я был большим путешественником.

Может быть, Вам непонятно, каким образом я могу так легко переходить из этого мира в ваш мир и видеть в обоих. Но Вы должны помнить, что мой мир и ваш занимают приблизительно одно и то же пространство, что поверхность Земли совпадает с нижним, наиболее плотным «слоем» нашего мира. И, как я уже упоминал раньше, есть и такие места, доступные только для нас, которые находятся высоко над земной поверхностью. «Небесные обитатели» более, чем символы.

Стоит мне лишь изменить фокус внимания, и я могу очутиться в любое время в вашем мире. Что я невидим для физических глаз, это не доказательство, что меня нет там. Без этой перемены центра внимания, – а это достигается актом воли по определённом методу, который нужно знать, – я мог бы занимать одно и то же пространство с кем-нибудь из обитателей вашего мира и даже не знать об этом. Заметьте это хорошенько; но это – лишь одна сторона того, что я хочу сказать; другая сторона состоит в том, что и Вы можете в любое время – насколько это касается пространства – очутиться в непосредственной близости с интересными вещами нашего мира и не подозревать о том.

Но если Вы сосредоточитесь на нашем мире, Вы будете более или менее сознавать его. Так же и я, зная, как нужно сосредоточиться на вашем мире, немедленно могу переноситься сознанием сюда и могу наслаждаться видами различных городов и меняющимися картинами различных стран.

В самом начале моего пребывания здесь я очень плохо видел землю, теперь я вижу её гораздо лучше.

Нет, я не собираюсь передавать Вам формулу для передачи другим, которая бы сделала их и Вас способными по произволу менять фокус внимания, чтобы входить в сношение с этим миром; не собираюсь потому, что такое знание на вашей ступени развития сделало бы более зла, чем добра. Я только утверждаю факт и предоставляю применять его тому, у кого окажется для этого достаточно любознательности и кто владеет необходимыми для того способностями.

Моя цель, заставившая меня писать эти письма, убедить колеблющихся в том, что душа продолжает жить и сознавать и после той телесной перемены, которую вы называете смертью. Многие думают, что они верят, но не всегда эта вера оказывается настоящей. Если бы мне удалось дать почувствовать своё присутствие – как живой сущности – в этих письмах, это укрепило бы сознание бессмертия у тех, которые прочтут их.

Наш век продолжает быть материалистическим. Большинство не чувствует никакого реального интереса к жизни по ту сторону могилы. Но все люди рано или поздно перейдут сюда, и, может быть, некоторые из них найдут перемену менее трудной и менее страшной благодаря тому, что я передал им. Разве это не стоит тех усилий, которые делаем мы – Вы и я?

Каждый человек, приближающийся к великой перемене, который захочет серьёзно и внимательно вчитаться в эти письма и усвоить их содержание и который не забудет его при переходе сюда – будет ограждён от всякого страха.

Но вернёмся к моим странствиям. Я был в Константинополе и стоял в той самой комнате, где однажды перенёс замечательное переживание сотни лет назад. Я видел те же стены, я трогал их, я читал эфирную летопись всего, происшедшего внутри этих стен и мою собственную историю в связи с ними.

Я ходил по розовым садам Персии, я вдыхал аромат цветов, потомков тех самых роз, благоухание которых приводило меня в экстаз, когда я проходил по тем же самым садам в ином теле, совершенно несходном с моей последней формой. Это благоухание заставило меня вспомнить.

И в Греции я жил, но только в её древние дни. Что это была за раса! Я думаю, что тайной её могущества была сосредоточенность. Весь эфир вокруг полуострова наполнен отражениями её подвигов, её смелой мысли и отважных действий. Старинная эфирная летопись – такой яркости, что она просвечивает сквозь позднейшие начертания, ибо то, что носит название «астральной хроники» находится всюду слоями, один над другим. Можно прочитывать любой слой, или по естественному сродству с ним, или актом сознательно направленной воли. И это нисколько не удивительнее того, что происходит в Британском Музее, когда любой из вас ходит среди миллионов томов, выбирая из них тот, который ему нужен. Самые изумительные вещи оказываются всегда очень простыми, если только владеть ключом к их тайне. Нужно признать, что много вздора было написано относительно вибраций, и тем не менее истина скрывается именно здесь. Нет дыма без огня. *

* Очень точная характеристика теософических сочинений по данному предмету. (Й.Р.)

В Индии я видел йогов во время медитации. Знаете ли Вы, почему их особый способ дыхания влечёт за собой психические результаты? Нет, Вы не можете знать. Слушайте же. Вследствие задержки дыхания образуется – не знаю, могу ли я назвать это ядом? – но это нечто, что я назову ядом, действуя на психическую природу человека, изменяет её вибрации. Вот и всё. Сколько книг было написано про йогу, но кто упомянул об этом? Обыкновенные здоровые лёгкие при обыкновенном дыхании отделяются от этого яда процессами, хорошо известными физиологам; но для человека, всё ещё живущего в физических условиях, для того, чтобы приспособить себя к психическому миру, необходимо изменение вибрации. И это изменение вибрации может быть достигнуто лёгким увеличением вышеупомянутого яда. Опасен ли он? Да, он очень опасен; и только для тех немногих, которые знают, как обращаться с ним, он не опаснее любого лекарства из вашей фармакопеи.

В другой раз я Вам скажу и о других тайнах, которые я открыл, когда передвигался из этого мира в ваш земной мир и обратно.

Письмо XXXIII

МОИ РЕШЕНИЯ

Я стоял ночью на крыше восточного дворца и смотрел на звёзды. Тот, кто в состоянии смотреть в невидимый мир, изменив свой фокус внимания, легко поймёт, как я, пользуясь противоположным процессом, могу видеть в мире плотной материи. Да, это – то же самое, только обращённое в другую сторону.

Я стоял на крыше восточного дворца и смотрел на звёзды. Вблизи не было ни одного смертного. Глядя на заснувший город, я видел облако душ, стороживших его, видел посланников из другого мира, появлявшихся и снова удаляющихся. Раз два бледное испуганное лицо появлялось в этом облаке духов, и тогда я знал, что там внизу кто-то умер.

Но я так нагляделся на духов с тех пор, как перешёл сюда, что меня гораздо больше интересовало смотреть на звёзды. Я всегда любил их, люблю и теперь. Со временем я надеюсь больше узнать о них. Пока же я не кончу этих писем, я не удалюсь из соседства Земли. С такого расстояния, как Юпитер, я, может быть, совсем не буду в состоянии писать. Это, верно, что здесь можно переноситься почти с быстротой мысли; но что-то говорит мне, что лучше на время отложить мои более далёкие странствования. Возможно, что мне не захочется возвращаться назад, раз я попаду туда.

А для меня эта переписка с Землёй имеет большое значение. Во время моей предсмертной болезни я часто думал о том, нельзя ли будет по временам возвращаться на землю, но я не воображал ничего подобного. Я не мог себе представить, чтобы кто-нибудь, достаточно уравновешенный и достойный доверия, оказался настолько смел, чтобы помочь мне в таком опыте.

Мне было понятно, что нельзя сообщаться посредством руки человека с неподготовленным умом, если предварительно не загипнотизировать его. Нельзя также писать с помощью руки человека обыкновенного развития, так как подобный человек не может оставаться достаточно пассивным.

Говорить о том, что я видел в вашем мире с тех пор, как перешёл сюда, не имеет особого значения; и я заговорил об этом, только чтобы Вы знали, что это возможно. Совершенно так же, как ясновидящие видят наш мир с его новыми явлениями, так же и я смотрю назад, на вашу ступень существования. Интересно жить в обоих мирах, входить и выходить из них по своему желанию. Но когда я вхожу в ваш мир, я никогда не вмешиваюсь в его дела. Вы этого не знаете, но тут такая строгая пограничная таможня между вашим миром и нашим, что путешественники не могут переносить с собой ничего – даже предрассудка.

Если бы Вы перешли сюда с решением видеть только определённые вещи, Вы не могли бы верно оценивать виденное. Многие после смерти перешли сюда с таким внутренним настроением и благодаря этому научились очень немногому. Только странник с раскрытой душой может делать открытия.

Я принёс сюда немного решений, но они были твёрдо приняты:

1. Сохранить своё тождество.
2. Удерживать воспоминание о моей земной жизни и принести с собой память об этой жизни, когда я вернусь в земной мир.
3. Увидеть Великих Учителей.
4. Восстановить память о моих прежних существованиях.
5. Заложить необходимые основы для полного значения земной жизни, когда я возвращусь в следующий раз.

Это звучит очень просто, не правда ли? И мне уже многое удалось сделать в этом направлении; но, если бы во мне не были ясно запечатлены эти намерения, я достиг бы очень немногого.

Единственная грустная сторона смерти в том, что заурядный человек так мало научается от неё.

Только уверенность в том, что цепь земных жизней почти беспредельна, даёт утешение; я знаю, что можно не спешить, что все звенья в цепи жизней – как бы они ни были малы – располагаются на своих неизбежных местах, и что цепь эта являет собой круговое движение – символ вечности.

И мне часто кажется, что большинство человеческих душ расточают свои жизни по сю сторону так же бесплодно, как оне это делают по ту сторону. Но это только кажется, благодаря неполноте моего знания.

Рассматриваемые с высоты звёзды, куда я всё же надеюсь подняться со временем, все эти плоские пространства в общем рисунке жизни сгладятся на расстоянии, и вся картина может принять перспективу такой красоты, о какой я и не мечтал, когда сам был лишь крошечным пятнышком на этой картине.

Письмо XXXIV

ПЕРЕХОД ЛАЙОНЕЛА

Я потерял моего маленького Лайонела. Он пошёл – не хотелось бы сказать – *по дороге всякой плоти*, потому что вернее сказать – *по дороге всех духов*, которые рано или поздно совершают свой возвратный путь на землю.

Я узнал от Учителя, что тяга к земле моего мальчика будет скоро удовлетворена, что он будет направлен в семью, где его исключительные творческие способности найдут благоприятную почву. Я узнал, что нужная связь взаимной любви была уже завязана между Лайонелом и его будущей матерью, а его будущий отец, инженер, даст ему с раннего детства ту помощь, которая поможет развить заложенные в нём способности до полного расцвета. Мне было разрешено сообщить об этом Лайонелу, и я стал искать его.

Я застал его в нашем любимом убежище, в хижине на берегу ручья, у подножия лесистого холма, о котором я упоминал в одном из своих писем. Он был очень задумчив.

Я подождал, пока мальчик не раскрыл глаза и не взглянул на меня. Когда я сообщил ему о скорой перемене, ожидающей его, он пришёл в такой восторг, который очень ясно напомнил мне, что я всё ещё человек. Мне вдруг стало грустно и обидно, что мой мальчик, которого я так полюбил, хочет уйти от меня по доброй воле. Но так как воля действительно свободна, я не стал делать никаких усилий, чтобы удержать его. Хотя по форме всё ещё юный – он не успел вырасти в этом мире с тех пор, как появился сюда ребёнком – в мыслях своих он был не менее зрелый, чем я.

– Подумайте только, – радостно заговорил Лайонел, – когда Вы вернётесь, я буду старше Вас! И как хорошо, что мой будущий отец может научить меня. Но когда я вырасту, я сам открою много вещей, которые для него неизвестны. Вы помните ту машинку, которую я устроил в мире первообразов? Когда я вернусь на Землю, я осуществлю её. Вы ведь помните, как она двигалась с помощью электричества из моих пальцев?

– А если кто-нибудь другой изобретёт её раньше тебя? – спросил я. – Не хочешь ли, я наложу зарок вокруг твоего образца, чтобы никто не мог трогать его?

– А Вы можете сделать это?

– Думаю, что могу.

– В таком случае, отправимся сейчас же туда и сделаем это немедленно! Я ведь очень скоро могу покинуть этот мир!

Мне показалась очень забавной эта поспешность Лайонела. Мы направились в «мир первообразов», и я провёл запретный круг вокруг его машины – зарок, который, надеюсь будет охранять её, пока Лайонел не предъявит на неё свои права.

Что такое вдохновение? Что есть гений и его изобретения? Люди на Земле мало понимают значение этих слов. Возможно, что знаменитая поэма была пропета нашим любимым поэтом до его рождения. Возможно, что великое изобретение пребывало в мире первообразов, защищённое запретным кругом, пока его творец вырастал на Земле до возмужалого возраста, до возможности предъявить право на своё собственное духовное творчество. Возможно, что, когда двое изобретают одно и то же одновременно, один из них присвоил себе идею другого, которую этот другой оставил за собой, возвращаясь в земной мир. А может быть и так, что оба заимствовали в невидимом мире создание третьего человека, всё ещё ожидающего рождения на Земле.

Когда я в следующий раз увидел Учителя, я спросил его, может ли душа Лайонела возвращаться в наш мир до своего рождения на Земле.

– Если бы это была, душа Адепта, это было бы возможно, – последовал ответ, – но для души, даже высоко развитой, это невозможно, пока она не достигнет ступени Адепта.

– Но ведь живущие на Земле люди переходят же сюда во сне?

– Да, но когда душа спускается в материю, готовясь к новому рождению, она вступает в то, что вы называете потенциальностью, и все её силы нужны для великого усилия, чтобы сформировать новое тело и приспособить его.

После рождения, когда глаза уже раскрылись, и лёгкие расширились для принятия воздуха, задача становится уже легче, и тогда возможно, что не вполне израсходованная энергия сможет перекинуть мост через отделяющую оба мира пропасть. Но, – продолжал он, – те, которые готовятся стать матерями, нередко смутно чувствуют, какой душе они дадут приют. Если они даже не сознают всего значения того чуда, которое совершается через них, у них бывают странные сны и видения, которые можно назвать прозрением в прошлые воплощения не рождённого ребёнка. Они видят неведомые страны, в которых зарождающееся в них существо жило в прошлом; они испытывают желания, в которых сами не могут отдать себе отчёта – отражение желания, которое не более, как скрытое влечение не рождённого; они испытывают непонятные страхи, которые не более, как отголоски его прежних страхов и недугов. Мать, которая питает действительно великую душу, может в течение этого периода созидания сама вырасти духовно в такой мере, которая намного превышает её собственные нормальные возможности. Тогда как мать не рождённого преступника испытывает нередко такие странные извращения, которые совсем не соответствуют обыкновенному настроению её души. Если бы женщины были достаточно сознательны и осведомлены, они могли бы по своим ощущениям и мыслям судить о том, какого рода души готовятся стать их детьми; зная это, они могли бы подготовить себя для соответствующего руководства своих детей. Требуется больше знаний, как тут, так и везде.

Таким образом, и по случаю перехода Лайонела, я научился кое-чему, как ежедневно учусь, благодаря моему новому опыту.

Письмо XXXV

ПРЕКРАСНОЕ СУЩЕСТВО

Да, я видел ангелов, если под ангелами подразумевать духовные существа, которые никогда не жили, как люди на земле.

В смысле жизненности, яркости жизнеощущения ангел стоит в таком же отношении к человеку, в каком человек стоит к скале. Если мы когда-либо испытывали это состояние небесной радости, мы совершенно потеряли его, благодаря давнему слиянию с Материей. Можем ли мы когда-либо вернуть его? Возможно. Наша судьба в наших собственных руках.

Рассказать Вам о том, кого я называю Прекрасным Существом? Если у него есть имя на небесах, я этого имени не слышал. Можно ли назвать Прекрасное Существо женщиной или можно его назвать мужчиной? Иногда оно кажется одним, а иногда другим. Здесь скрыта тайна, в которую я не могу проникнуть.

Однажды вечером я отдыхал на лучах месяца; это означает, что поэт, скрытый в каждом человеке, пробудился во мне. Мне казалось, что я лежу на лунных лучах, и моё сердце наполнилось экстазом. На мгновение я вырвался из когтей времени и жил в той небесной тиши, которая не что иное, как величайшая активность восторга, доведённого до предельной высоты. Вероятно, я переживал предчувствие того парадоксального состояния, которое мудрецы Востока называют Нирваной.

Я живо сознавал и лунный луч, и себя, вся же остальная вселенная казалась находящейся внутри меня. Никогда в жизни не был я так близок к осуществлению верховного сознания «Я есмь».

Прошлое и будущее казались одинаково пребывающими в настоящем. Если бы какой-ни будь голос шепнул, что это было вчера, я согласился бы с ним; если бы другой голос утверждал, что это было миллион лет назад, я бы согласился и с ним. Но было ли это вчера или миллион лет тому назад, это было совершенно безразлично. Возможно, что Прекрасное Существо является только тем, для которых миг и вечность – одно. Оно явилось ко мне, и я услышал голос, сказавший: «Брат, это я».

В моём сознании не было вопроса: кто говорит со мной? Голос, сказавший: «это я», мог принадлежать только такой индивидуальности, которая сама почти столь же обширна, как Вселенная, которая погружалась в океан Все бытия, но знает также и малое в силу того, что *всё* заключила в себе.

Передо мной стояло Прекрасное Существо, светящееся в своём собственном сиянии. Если бы оно было менее привлекательно, я бы был поражён изумлением, но самое совершенство его формы и осанки распространяло атмосферу тишины. Я не дивился потому, что самое состояние моего сознания было чудом. Я был поднят так высоко над моим обычным состоянием, что у меня не было мерки, которою я мог бы измерить переживание тех мгновений.

Представьте себе юность, ставшую бессмертной, текущее, сделавшееся вечным. Представьте себе цветущую свежесть детского лица и глаза бездонной мудрости. Вообразите, блеск тысячи жизней, сосредоточенный в этих глазах, и улыбку на устах любви столь чистой, что она не просит ответной любви от тех, кого дарит своей улыбкой.

Но земной язык не может описать неземное, и не может земной разум схватить размеры тех радостей, которые Прекрасное Существо раскрыло передо мной в тот верховный миг моей жизни. Ибо самые границы существования раздвинулись для меня, и значение души раскрылось в новых неизведанных глубинах. Те, к которым является Прекрасное Существо, никогда уже не могут быть прежними. Они могут забывать по временам, могут даже в деловой суете потерять великую магию виденного Явления; но каждый раз, когда воспоминание о нём пронесётся в их душе, душа будет неизменно вознесена на крыльях раз пережитого восторга.

Это может случиться и с человеком, который живёт на земле; это может случиться и с тем, который носится в межзвёздных пространствах; но переживание должно быть для всех одно и то же, раз оно появилось, ибо только тому, кто находится в состоянии, сродном с Прекрасным Существом, может оно раскрыть себя. Никому другому.

ПЕСНЬ ПРЕКРАСНОГО СУЩЕСТВА

«Когда вы, люди, слышите проносящийся шелест, слушайте внимательно, ибо возможно, что-то долетающая до вас весть.

Когда вы чувствуете в сердце своём таинственное и прекрасное горение, возможно, что оно посылается вам из неведомого чудесного очага.

Когда неведомая радость переполняет ваше существо, и ваша душа выступает из берегов и тянется... к какой-то желанной тайне; знайте, что сама тайна протягивает к вам свои тёплые и любящие, хотя и невидимые объятия!

Мы, пребывающие в невидимом, видимы друг для друга.

Здесь сияют нежные цвета и очаровательные формы, и взоры упиваются невиданной на земле красотой.

О, вы не знаете всей радости простой жизни – быть и петь в вашей душе непрестанно, как птица поёт своей подруге!

Ибо каждый раз, когда поёт ваша душа, это – песнь, несущаяся к вашей подруге.

Не думаете ли вы, что лишь весна может потрясать и заставлять прислушиваться к шелесту крыльев?

Нет, весенняя пора сердца длится вечно, и осень может не наступать никогда.

Слушайте! Когда жаворонок поёт, он поёт для вас, когда поют водяные струи, и оне поют для вас.

А когда радуется ваше сердце, всегда есть другое сердце, которое где-то отвечает на вашу радость; и душа внимающих небес радуется извечной Радости.

Я радуюсь, когда я здесь, и радуюсь, когда я там. Всюду красота, где бываю я.

Можете ли вы, дети Земли, отгадать, почему?

Выходите поиграть со мной на покрытых цветами полях пространства. Я буду поджидать вас у перекрёстка, где встречаются четыре ветра.

Вы не собьётесь с пути, если последуете за лучом, мерцающим в глубине садов надежды.

Есть музыка в громовом шуме Земли, когда она проносится в пространстве.

Есть музыка и в тонах, неведомых для тяжёлого слуха Земли, и в гармонии, аккорды которых – те души, что настроены на один и тот же лад.

Слушайте... Слышите вы их?

О, уши созданы для того, чтобы слышать, и глаза созданы для того, чтобы видеть, сердце же для того – чтобы любить!

Часы идут, не оставляя следов, и годы подобны сильфам, танцующим в эфире, столетия же выступают торжественно тихо. Но мы улыбаемся, ибо радость пребывает и в торжественном ходе столетий.

Радость, радость всюду. Она и для вас, и для меня; для вас столько же, сколько для меня.

Хотите застать меня там, где встречаются четыре ветра?»

Письмо XXXVI

НИЗШАЯ СФЕРА

В одном из моих посещений к Вам я начал рассказ о том, что можно было назвать адом; но я был отозван, и письмо моё осталось неоконченным. Этот раз я хочу продолжить начатое.

Прежде всего, нужно знать, что существует много видов ада, и они, по большей части, дело наших собственных рук. Это – одна из тех банальностей, которые основаны на фактах.

Однажды, руководимый желанием найти тот особый вид ада, к которому должен быть притянут пьяница, я разыскал ту часть астральной сферы, охватывающей Землю, которая соответствует одной из стран, где особенно процветает пьянство. Освобождающиеся от тела души остаются обыкновенно поблизости от тех мест, где они жили, если не имеется какой-нибудь важной причины для их удаления оттуда.

Я не встретил никакого затруднения и скоро нашёл ад, переполненный пьяницами. Как Вы думаете, что они делали? Раскаивались в своей слабости? Нисколько. Они толпились вокруг тех мест, где испарения алкоголя и ещё более тяжёлые испарения от тех, которые злоупотребляют алкоголем, делают атмосферу такой тошнотворной. Неудивительно, что люди с чувствительной организацией так не любят соседства кабаков.

Вы бы отвернулись с отвращением, если бы я рассказал то, что видел там. Одного или двух примеров достаточно.

Я начал с того, что привёл себя в нейтральное состояние, так что мог видеть одновременно в обоих мирах.

Молодой человек с беспокойным взглядом и страдальческим лицом вошёл в один из тех «винных дворцов», в которых густая позолота и блестящая полировка поддельного красного дерева внушают несчастному путнику, что он наслаждается роскошью «царства от мира сего». Одежда молодого человека была изношена, а башмаки его видали много видов. Лицо было давно небрито.

Он наклонился к стойке, жадно опоражнивая стакан с какой-то душу разрушающей смесью. А рядом с ним, ростом выше его и перегнувшись к нему так, что отталкивающее, распухшее, страшное лицо было прижато к его лицу, как бы для того, чтобы вдыхать его проспиртованное дыхание, – выглядывало одно из самых ужасающих астральных существ, какое мне доводилось видеть в этом мире. Руки этого *существа* – я употребляю это слово, чтобы выразить его (существа) жизненность – сжимали тело молодого человека, одна длинная и голая рука обхватила его плечи, другая – обвилась вокруг бёдер. Оно буквально высасывало пропитанные вином жизненные силы своей жертвы, поглощая их, вбирая в себя, чтобы удовлетворить через неё ту страсть, которую смерть смогла только удесятерить.

Было ли это существо из области ада? – спросите вы. Да, ибо я мог видеть его внутреннее состояние и убедиться в его страданиях. Навеки (слово «навек» может быть употреблено для того, что кажется бесконечным), навеки было оно обречено жаждать и жаждать, и никогда не находить удовлетворения.

В нём осталась только та доля сознания, делавшая его когда-то человеком, та слабая искра, которая время от времени давала ему мимолётное прозрение в чудовищный ужас его собственного положения. Это не было желанием спастись, но самое сознание невозможности избавления только усиливало его мучения. И страх виднелся в его глазах, страх перед будущим, в которое он не мог заглянуть, но которое – он чувствовал это – влекло его к ещё большему мучению; перед будущим, когда астральные частицы его теперешней оболочки не будут более в состоянии удерживаться вместе за отсутствием объединяющей души, когда они начнут тянуть и раздирать то, что осталось от его астральных нервов, – в ужасе и мучении разрывать и разбивать ту форму, которая была так близка к своему концу.

Ибо только душа сохраняется, то же, что покидается душой, должно погибнуть и распасться на составные части.

А молодой человек, прислонившийся к стойке этого позолоченного алкогольного дворца, почувствовал невыразимый ужас и пытался покинуть это место; но руки того существа, которое было теперь его господином, охватывали его всё теснее и теснее,

отвратительная, покрытая испарениями щека прижималась всё теснее к его щеке, желание вампира вызывало ответное желание в его жертве, и молодой человек потребовал другой стакан.

Воистину земля и ад соприкасаются друг с другом, и не существует проведённой между ними границы.

Я видел ад похоти и ад ненависти; ад лживости, где каждый предмет, который обитатель ада старается схватить, превращается в нечто иное, противоположное желанному предмету, где происходило вечное издевательство над правдой и где не было ничего реального, где всё становилось – изменчивое и неверное как сама ложь – своей собственной антитезой.

Я видел обезумевшие лица тех, которые не вполне отдались лжи, какие страшные усилия они делали, чтобы схватить реальность, которая немедленно таяла в их руках. Ибо привычка ко лживости, перенесённая в этот мир изменчивых форм, окружает неправдивую личность вечно меняющимися образами, которые не перестают дразнить и ускользать от неё.

Захочет ли такой человек увидеть лица любимых друзей? Его желание исполняется, но как только появляются желанные лица, они немедленно превращаются в оскаленных фурий. Захочет ли он восстановить в памяти плоды своего честолюбия? Они проносятся перед ним только для того, чтобы превратиться в позор, преобразуя гордость в бессильный стыд. Захочет ли он пожать руку друга? Рука протягивается к нему, но в ней захвачен нож, который вонзается во внутренности лжеца, не разрушая его, и всё те же бесплодные попытки возобновляются снова и снова, пока мучительное сознание не истощится вконец.

Остерегайтесь предсмертных раскаяний. Ибо за ними последует жатва тяжёлых воспоминаний. Гораздо лучше переходить в вечность с кармической тяжестью, которую мужественно несёшь на спине, чем проскользнуть в задние двери ада с чувством трусливой неуверенности.

Еси вы согрешили, примите этот факт безбоязненно и решите не повторять греха; тот же, кто останавливается на своих грехах в последний час свой, будет переживать их снова и снова после того, как перейдёт через порог смерти.

Каждое действие сопровождается своим неизбежным противодействием; за каждой причиной следует её последствие, которое ничто, исключая могучей динамики самой Воли, не может изменить, а когда Воля изменяет последствия предшествующей причины, это бывает всегда благодаря возникновению противодействующей, более могучей причины, чем первая, – причины столь сильной, что та, другая, неудержимо уносится вместе с ней, подобно тому, как сильный поток уносит слабую струйку воды из открытой трубы, включая и причину и её последствие, в энергичном стремлении своих вод.

Если вы признаёте факт своего греха, делайте добрые дела, более могущественные, чем ваши грехи, и вы соберёте награду за них.

Письмо XXXVII

ПУСТАЯ ФАРФОРОВАЯ ЧАШКА

Стоит ли удивляться, что детям, как бы на самом деле стары и опытны ни были их души, при каждом следующем воплощении приходится заново узнавать об относительной ценности тех или иных вещей в соответствии с нелепыми стандартами материального мира; ибо при взгляде на эти вещи *отсюда*, ценность их совершенно теряется.

То, что на земле душа владеет, скажем, домами и землями и пользуется уважением среди людей, не придаёт ей никакой значимости и веса с нашей здешней точки зрения. Здесь её бывшие земные богатства ей совершенно бесполезны. В посмертной жизни душа строит свой собственный дом, и строительные материалы ей для этого доступны точно так же, как для вас доступен воздух, которым вы дышите. Если я стану жить в доме, построенном кем-то другим, то, значит, не смогу уже испытать удовольствия от того, что возвёл себе дом по своему вкусу.

В здешнем мире нет ценностей, которые можно было бы украсть, поэтому никому не приходится бояться ночных грабителей. Даже от докучных посетителей можно укрыться просто в глубине самого себя, тем более что и всякий зануда здесь оказывается слишком замкнут в самом себе и ему недосуг докучать кому-то ещё. На земле вы цените титулы и звания, которые унаследовали или которых добились – здесь имя человека не имеет большого значения даже для него самого, ведь ни один небесный ангел не играет роль лакея, который на подносе подал бы вашу визитную карточку своему Хозяину и Господину.

Как-то раз я встретил некую даму, прибывшую сюда совсем недавно. Она ещё не успела избавиться от своих властных и повелительных замашек по отношению не только к людям, но даже и к ангелам. В то утро на мне была моя прекрасная римская тога, так как я снова погрузился в былую свою жизнь; и эта дама, приняв меня то ли за Цезаря, то ли какого-то другого античного аристократа, попросила меня проводить её в то «место, где собираются благородные дамы».

Я вынужден был признаться, что о таком месте мне ничего не ведомо, но поскольку у неё был такой одинокий и расстроенный вид, я предложил ей побыть немного в моём обществе и задать мне какие-то вопросы, если то ей будет угодно.

– Уже несколько месяцев как я здесь, – отрекомендовался я. – Так что за это время успел многое узнать.

Нетрудно было заметить, что моя реплика вызвала у неё недоумение. Она взглянула на мой классический наряд, и я прочитал её мысль о несоответствии между ним и моим утверждением, будто я пробыл здесь только несколько месяцев.

– Может быть, вы артист? – предположила она.

– Мы здесь все артисты, – отвечал я.

Это, по видимости, повергло её в ещё большее недоумение, и она сказала, что ничего не понимает. Бедная леди! Мне было её жалко, и я постарался как можно лучше объяснить ей законы и условия мира, в котором мы теперь с ней живём.

– Прежде всего, вам следует знать, – сказал я, – что это страна осуществлённых грёз и идеалов. Так что человек, которому, например, когда-то хотелось быть королём, вполне может играть здесь эту роль, коль ему того хочется, и никто не станет над ним смеяться, ибо у каждой души, у каждого человека есть какая-то своя заветная мечта, которую он здесь и осуществляет к своему полному удовольствию. Мы, сударыня, снова обрели здесь ту терпимость и учтивость, что так характерны для детей, ведь дети никогда не смеются над чужими играми.

– Не хотите ли вы сказать, что рай всего только сцена для любительских спектаклей? – с негодованием спросила она.

– Никоим образом, – отвечал я, – но вы ведь и не в раю. – Её испуганный взгляд заставил меня тут же добавить: – Но и не в аду. Какой была ваша религия на земле?

– Ну, я исповедовала обычную религию, принятую в моей стране и соответствующую моему положению; но я никогда о ней много не думала.

– Может быть, мысль о чистилище вам немного знакома?

– Я не папистка, – с раздражением отвечала она.
– Тем не менее, папист в вашем положении подумал бы, что он находится в чистилище.
– Я, без всякого сомнения, не могу сказать, что счастлива, – согласилась она, – потому что всё здесь очень странное.

– У вас здесь нет друзей? – спросил я.

– У меня всегда было много знакомых, – отвечала она, – но я никогда не стремилась близко сходить с людьми. Я имела обыкновение держаться определённых рамок – того требовало политическое положение моего мужа.

– Может быть, есть здесь кто-то, с кем вам было в то или иное время особенно хорошо, кто-нибудь, чью печаль вы разделили, чьей бедности вы оказали помощь?

– Я патронировала благотворительную деятельность.

– Боюсь, такого рода помощь слишком безлична, чтобы о ней могли вспомнить здесь. У вас нет детей?

– Нет.

– Ни братьев, ни сестёр, перешедших сюда?

– Я рассорилась со своим единственным братом, так как вышла замуж без его согласия.

– Но, уверен, у вас должна быть мать, с нетерпением ожидающая вашего прихода сюда?

– Нет.

Это меня ещё больше удивило, потому что мне говорили, что духи всех матерей, которые ещё не вернулись назад на землю, получают особого рода толчок, как бы внутреннюю дрожь, когда ребёнок, которому они дали рождение в материальном мире, в скором времени должен вновь родиться в духовном мире – в этом последняя и самая сладкая награда материнству.

– Тогда она, видимо, снова воплощена на земле!

– Вы что, верите этим языческим сказкам? – спросила дама с чувством глубокого превосходства. – Я думаю, что только эксцентричные люди вроде теософов верят в перевоплощение.

– Я всегда был эксцентричным, – поддакнул я. – Но вам, сударыня, без сомнения, известно, что три четверти обитателей земного шара так или иначе знакомы с этой теорией.

Мы продолжали нашу беседу какое-то время ещё, и мне всем сердцем хотелось помочь этой несчастной одинокой женщине, которую здесь никто не знал и не ждал. Я перебирал в уме образ того или иного здешнего ангела-опекуна, чтобы понять, кто из них всего более подошёл бы ей на роль утешителя. Самые душевные из них обычно опекали ту или иную несчастную женщину, попавшую сюда. Все они были *здесь, там и где угодно*, но как правило с теми душами, которые в них всего более нуждались. Моя новая знакомая, как мне казалось, неотложно нуждалась в помощи одного из них. Будь Лайонел ещё здесь, он мог бы какое-то время её подбодрить.

Мне стало даже почти жаль, что я не свёл знакомства ни с одной из тех дам, что и в здешнем мире занимаются вязаньем и болтовнёй, как они вяжут и сплетничают в вашем. Не удивляйтесь. Вы никогда не думали, что привычку целой жизни нельзя так сразу и вдруг отложить в сторону? Как на земле некоторые женщины любят заниматься вязкой и прочими рукоделиями, так и здесь они занимаются тем же. В этом мире вязать ничуть не более затруднительно, чем мечтать в вашем.

Поймите же, что мир, в котором я сейчас живу, ничуть не более свят, чем тот, в котором живёте вы, ничуть не менее представляет собой загадку для своих обитателей, как и ваш для вас. Для души по-настоящему серьёзной жизнь в любом мире священна, и в этом отличие такой души от души заурядно-мирской, но и те, и другие встречаются как на земле, так и здесь.

Впрочем, вернёмся к одинокой женщине. Я всё ещё думал, как мне поступить с ней, когда, взглянув вверх, увидел приближающегося Учителя. С ним была другая женщина, похожая на мою собеседницу, как одна пустая фарфоровая чашка похожа на другую. После чего мы с ним удалились, оставив обеих в обществе друг дружки.

– «А я и не знал», – говорю я Учителю, – что вы заботитесь не только о душах, достигших значительной степени развития.

Он улыбнулся:

– Я просто избавил тебя от затруднения, в которое ты попал, а не пытался помочь этим двум несчастным женщинам.

После этого он стал говорить со мной об относительной и двойственной природе вещей.

– В принципе, – сказал он, – одна душа ничуть не меньше другой заслуживает помощи. Но если взглянуть на дело глубже, то, может, это и не так. Не подумай, будто я безразличен к страданиям слабых из-за того, что уделяю своё время и внимание сильным. Как и все ангелы-попечители, я иду туда, где я всего более нужен. Только сильные могут понять то, чему я должен учить. Слабые души находятся на попечении Мессий и их последователей. И тем не менее между нами и Мессиями братство и взаимопонимание. Каждый работает на своей ниве. Мессии помогают многим, мы помогаем единицам. Любовь, которой они пользуются, превосходит любовь, которая выпадает на долю нам; но ни мы, ни они не утруждаемся ради этой награды. Просто каждый следует закону своего естества.

И он продолжил:

– Учитель, дабы его любили все люди, должен быть известен им всем; мы же открываем себя только немногим избранным. Ты спросишь, почему мы не следуем путём Мессий? Потому что равновесие должно быть соблюдено. На каждого великого труженика, доступного взору людей, должен приходиться другой, взору их не доступный. Какого рода учителя, быть может, спросишь ты, обладают большей ценностью? Вопрос неверно поставлен. Север и юг взаимозависимы, и во всяком магните присутствуют два полюса.

Письмо XXXVIII

ТАМ, ГДЕ НЕТ ВРЕМЕНИ

Я думаю, Вам теперь понятно из всего, что я передал, что не все души, переходящие воздушную границу, находятся или на небесах, или в аду. Немногие достигают до крайних пределов, большинство проводит здесь предназначенный им период так же, как оне проводили предназначенный им земной период, не понимая ни возможностей, ни истинного значения своего положения.

Мудрость – дерево, растущее очень медленно; кольца, отлагающиеся вокруг ствола, изображают собой земные жизни, а борозды между ними – периоды между двумя жизнями. Кто горюет о том, что жёлудь медленно превращается в дуб? Точно также неразумно думать, что то, что я стремился передать Вам – истина о великом досуге души – должна быть непременно грустная. Если бы человек должен был превратиться в Архангела в течение немногих лет, он страдал бы ужасно от мучительного напряжения роста.

Закон неумолим, но он в то же время и благ.

Тем не менее, многие души находятся на небесах, и небо не одно – их много, и я видел некоторые из них. Но не подумайте, что многие переходят с места на место, из одного состояния в другое, как это делаю я. Всё, что я Вам описываю, явления не исключительные; но чтобы один и тот же человек мог видеть и описывать столько различных вещей – это явление исключительное. Этим я обязан, главным образом, своему Учителю. Без его указаний я не мог бы приобрести столь богатого опыта. Да, существует много небес. На днях я испытал стремление к красоте, которая овладевала мною иногда и на земле. Одно из самых странных явлений этого воздушного мира – могучее притяжение по влечению – я подразумеваю притяжение событий. Стоит лишь пожелать достаточно сильно чего-нибудь, и вы уже на пути к этому нечто. Здешние тела, лёгкие, как пух, передвигаются очень быстро, когда их приводит в движение свободная воля.

Я почувствовал стремление к красоте, что однозначнее с небом. Переменил ли я сам своё место, или небо пришло ко мне – этого я не могу сказать, пространство так мало значит здесь. Каждая долина, существующая вне, становится немедленно долиной внутри. Мы желаем такого-то места, и мы немедленно там. Почему это так, я ещё не могу объяснить Вам, к тому же мне хочется говорить о небе, которое я только что видел: оно так прекрасно, что его очарование всё ещё носится надо мной.

Я увидел двойные ряды тёмных деревьев, вроде кипарисов, и в конце этой длинной аллеи я заметил нежный рассеянный свет. Где-то я читал, что небо освещается тысячью солнц, но это небо было совсем иное; освещавший его свет был нежнее, чем лунное сияние, хотя яснее его. Очень возможно, что солнечный свет сиял бы так же нежно, если бы на него смотреть через несколько покровов из алебаstra. Но этот свет, казалось, не исходил ниоткуда. Он просто был. Когда я подвигался, я увидел две фигуры, идущие рука об руку. Выражение такого счастья было на лицах этих существ, какого никогда не увидишь на земле. Только дух, не сознающий времени, может глядеть так.

Мне казалось, что это мужчина и женщина, хотя они были так непохожи на то, что вы называете мужчиной и женщиной. Они не смотрели друг на друга, продвигаясь вперёд. Лёгкое прикосновение руки делало их в такой степени едиными, что они, по-видимому, не нуждались в зрительном прикосновении – оно не могло бы прибавить ничего к их удовлетворению. Подобно тому свету, который не исходил ниоткуда, они просто были.

Несколько дальше я увидел группу светло одетых детей, танцующих среди цветов. Держась за руки и составив круг, они танцевали, а одежда их, похожая на лепестки цветов, развевалась ритмично взад и вперёд, в такт их танцующим членам. Великая радость наполнила моё сердце. Они также не сознавали времени и могли бы танцевать здесь целую вечность, так думалось мне. Но была ли их радость минутная или вечная – это не имело значения ни для меня, ни для них. Подобно свету и подобно тем двум любящим, эти дети были, и этого достаточно.

Миновав аллею из кипарисов, я остановился у широкой долины, окружённой целым лесом цветущих деревьев. Запах весны стоял в воздухе, и в нём раздавалось пение птиц. Посреди долины высокий фонтан, бросавший во все стороны водяные струи, играл ими в воздухе, откуда оне падали прозрачным кружевом вниз. Атмосфера невыразимого очарования была разлита над всем. От времени до времени, по этой благоухающей долине проходили прекрасные существа, большинство которых, думается мне, принадлежало когда-то к человечеству. Они передвигались по двое или группами, улыбаясь друг другу.

Вы часто употребляете на земле слово «мир»; но в сравнении с миром этого места – величайший мир на земле показался бы суетой. Я понял, что нахожусь в одном из самых прекрасных небес, но что я в нём – один; только что мысль эта об одиночестве пронеслась в моём сердце, как я увидел перед собой Прекрасное Существо, о котором писал в последнем письме. Оно улыбалось и говорило мне:

– Тот, кто с грустью сознаёт своё одиночество, не может остаться на небе. Вот я и явилась, чтобы удержать тебя здесь.

– Это и есть то небо, где ты все года живёшь? – спросил я.

– О, я живу везде и нигде. Я один из добровольных странников, находящих очарование родного очага во всех небесных и земных местах.

– Значит, ты иногда посещаешь Землю? – спросил я.

– Да, даже до самых отдалённых пределов ада, но я никогда не остаюсь там долго. Я хочу знать всё, что есть и оставаться несвязанным.

– Любишь ли ты Землю? – спросил я.

– Земля – одно из полей моих игр. Иногда я пою детям Земли, а когда я пою поэтам – они верят, что их муза с ними. Вот песня, которую я спел одной душе, пребывающей среди людей:

«Сестра моя, я часто с тобой, когда ты не знаешь о том.

Для меня душа поэта – светлый источник, в глубинах которого я могу видеть своё собственное отражение.

Я живу в чарах света и красок, которые вы, смертные поэты, тщетно стремитесь выразить в магических словах.

Я и в закате солнца, я и в звезде, я следила, как старился месяц и как ты делался юным.

В детстве ты искал меня в быстро бегущем облаке; в зрелости ты воображал, что уловил меня в блеске очей возлюбленной; но я никогда не даюсь, я всегда ускользаю от людей.

Я маню и улетаю, и от прикосновения моих ног не склоняются головки расцветших цветов.

Ты можешь найти меня и можешь снова потерять, ибо смертный не может удержать меня.

Я ближе всех к тем, которые ищут красоты в мыслях или в форме; я улетаю от тех, которые хотят задержать меня.

Ты можешь каждый день подниматься в царство, где пребываю я.

Иногда ты встретишь меня, иногда нет; ибо моя воля, что воля ветра, я не поддаюсь ни на какие приманки.

Но когда я маню, души прилетают ко мне со всех четырёх концов неба.

Я нужна для тебя, и ты имеешь значение для меня; я люблю видеть твою душу в часы её грёз и восторгов.

Твоя душа прилетает также; ибо ты один из тех, кого я призывала чарами моей магии.

Когда кто-нибудь из принадлежащих мне грезит о рае, свет становится ярче для меня, которая видит свет во всём.

О, не забывай очарования минуты, не забывай обольщения сердца!

Ибо сердце мудрее, чем все магии Земли, и сокровища мгновения богаче и удивительнее, чем накопленные богатства веков.

Мгновение реально, тогда как века лишь обман, лишь воспоминание и тень.

Верь, что каждое мгновение есть всё, и мгновение более, чем время.

Время несёт на себе песочные часы, и шаги его медленны; его волосы убелились инеем годов, и скипетр его притупился от неустанного движения; но ему ни разу не удалось поймать мгновения в его быстром полёте. Оно состарилось, закидывая себя на быстрокрылый миг.

Ах, эта магия жизни и бесконечного сочетания живых вещей!

Я была молода, когда возникло солнце, и я буду молода, когда месяц падёт, умирая, в объятия своей дочери земли.

Разве ты не хочешь быть юным вместе со мной? Прах есть ничто: душа есть всё.

Подобно серебряному серпу месяца на водной поверхности озера – таков миг пробуждающейся любви;

Подобно увядшему цветку на лоне утомлённого мира – таково мгновение умирающей любви.

Но есть любовь и Любовь, и любовь света к своему сиянию, есть любовь души к душе.

Нет смерти там, где внутренний свет светит, озаряя внутренние поля – потустороннее – недостижимое достижение.

Ты знаешь, где найти меня».

Вы хотите знать, на каком языке я говорю с обитателями Неба? Мне кажется, что я говорю на своём собственном языке, и они отвечают мне на нём же. Но, может быть, мне это только кажется, а на самом деле мы пользуемся пластическим языком самой мысли.

Разве вам не случалось при встрече с человеком, языка которого вы не знаете, чувствовать совершающийся обмен мыслями между ним и вами? Выражение глаз, игра лица, неуловимый жест и – внутренний обмен совершился. Попробуйте усилить это взаимопонимание в тысячу раз, и, может быть, получится то, что мне кажется беседой, сходное с земным обменом слов.

Письмо XXXIX

ДОКТРИНА НЕБЫТИЯ

Много раз в течение месяцев, которые я провёл здесь, я видел мужчин и женщин, лежавших в бессознательном состоянии куда более глубоком, чем самый непробудный сон; на лицах их не было никакого выражения и даже каких-либо признаков жизни. Сначала, пока я не понял природу их сна, я пытался в порядке опыта разбудить того или другого из них, и мне это несколько не удавалось. В некоторых случаях, вызвавших мой особый интерес, я даже возвращался к ним день за днём, но заставлял их всё в той же летаргии.

– Почему, – спрашивал я себя, – человек погружён в такой глубокий сон, что ни сказанное слово, ни прикосновение не могут его разбудить?

Как-то раз, когда со мной был Учитель, мы проходили мимо одного такого человека, лишённого сознания, которого я и прежде видел, и безуспешно пытался разбудить.

– Кто эти люди, спящие таким непробудным сном? – спросил я Учителя, и он ответил:

– Это те, кто при жизни на земле отрицали бессмертие души после кончины тела.

– Какой ужас! – воскликнул я. – И они никогда не проснутся?

– Да, могут пройти десятки лет и даже века, пока неумолимый закон ритма не выведет их из этого сна прямо в следующее воплощение. Ибо закон возрождения совпадает с законом ритма.

– И невозможно было бы разбудить одного из них, вот этого человека, к примеру?

– Ты ведь уже пытался, не так ли? – спрашивает Учитель, проницательно глядя мне в глаза.

– Да, – признался я.

– И у тебя ничего не вышло?

– Именно так.

Мы посмотрели друг на друга, и затем я сказал:

– Возможно вам, с вашей силой и знанием, удалось бы то, что было невозможно мне?

Он ничего не ответил. Его молчание лишь подстегнуло мой интерес, и я с нетерпением сказал:

– Вы не попробуете? Не разбудите этого человека?

– Ты не знаешь, о чём просишь, – ответил он мне.

– Но скажите мне, – не унимался я, – вы бы могли разбудить его?

– Возможно. Но для того, чтобы нейтрализовать действие закона, который погрузил его в сон, закона заклатья, которое он наложил на свою душу, когда, оставляя жизнь, возжелал бессознательности и уничтожения, – чтобы нейтрализовать этот закон, я должен привести в действие закон ещё более сильный.

– И что это будет? – спросил я.

– Воля, – ответил он, – сила и могущество воли.

– И вы бы смогли?

– Я снова говорю: ты не ведаешь, о чём просишь.

– И всё-таки объясните мне, пожалуйста, – настаивал я. – Потому что всё это представляется мне самым удивительным из всего, что я видел.

Учитель строго посмотрел на меня и сказал:

– Что хорошего сделал этот человек в своём прошлом, чтобы мне сейчас вставать между ним и законом причин и следствий, который он сам же и привёл в действие?

– Мне ничего неизвестно о его прошлом, – отвечал я.

– Тогда, может быть, – говорит Учитель, – ты скажешь мне, какова причина этой твоей просьбы?

– Какая у меня причина? – растерялся я.

– Да. Тебе жалко человека, который пребывает в столь жалком и плачевном состоянии, или, с твоей стороны, это не более, чем научное любопытство?

Я бы с удовольствием сказал, что это жалость к бедственному положению этого человека, но непозволительно скрывать правду или свои побуждения, говоря с Учителем такого ранга, поэтому я вынужден был признать, что это всего лишь научное любопытство.

– В таком случае, – отвечал он, – нет ничего дурного, если я использую его для демонстрации силы тренированной воли.

– Но это не причинит ему вреда, ведь так?

– Напротив. Хотя он может испытать сильное потрясение, но пережитое настолько впечатлит его ум, что никогда больше, в том числе и в последующих жизнях на земле, он и сам не станет верить, и других не станет учить, будто со смертью всё кончается. Если бы речь шла только о нём, то он не стоит того, чтобы я тратил на него такое количество энергии, а без этого его не пробудить от сна, которым он спит, этого заклатья, которое он наложил на себя в прошлом. Так что если я и разбужу его, то сделаю это только ради тебя, «дабы ты уверовал толком».

Как бы я хотел суметь описать сцену, которая произошла вслед за этим на моих глазах, дабы сделать её доступной и зрению вашего воображения. Итак, у ног наших лежит безжизненное тело человека, лицо его лишено всякого выражения, а над ним возвышается величественная фигура Учителя, с прекрасным лицом, одухотворённым силою, и глазами, в которых светится могучая мысль.

– Тебе виден бледный свет, окружающий эту безжизненную на вид фигуру? – спрашивает меня Учитель.

– Да, но свет и в самом деле очень бледен.

– «И всё же», – говорит Учитель, – этот свет не так бледен, как понятия этой слабой души о вечной истине. Там, где ты видишь лишь бледный свет вокруг лежащей формы, я вижу в этом свете множество картин из прошлой жизни этой души. Я вижу, что он не только отрицал бессмертие духовного сознания, но что он учил этой своей науке о небытии и других людей, делая их такими же жалкими и слепыми, как он сам. Поистине, он не заслуживает того, чтобы я разбудил его!

– Но ведь вы это сделаете?

– Да, сделаю.

Я сожалею, что мне не дозволено передать вам, какими словами и жестами, после могучего усилия, Учителю удалось вызвать этого человека из навязанного им самому себе уничтожения и небытия. Я осознал, как никогда прежде, не только личную силу, которой располагал Учитель, но и непреодолимую мощь тренированной и направленной воли.

Мне подумалось, что эта сцена описана в «Новом Завете», когда Христос говорит умершему человеку, лежащему в могиле: «Лазарь, выходи!»

– Душа человеческая бессмертна! – провозгласил Учитель, глядя огненным взором в моргающие глаза разбуженного и силой своей воли, не позволяя им вновь закрыться.

– Душа человеческая бессмертна! – повторил он, и затем тоном приказа рёк: – Встань!

Человек сделал усилие и встал на ноги. Хотя тело его и было легко, как пёрышко – таковы все наши тела здесь, – я мог тем не менее заметить, что собственных сил ему никак не хватает для поддержания даже столь невесомой субстанции.

– Ты *жив*! Ты живёшь! – заявил ему Учитель. – Ты умер, прошёл через смерть, но ты жив. Не смей отрицать, что ты живёшь. Душа бессмертна!

– Но я не могу в это поверить! – начал было говорить разбуженный, ибо его упрямый материализм по-прежнему продолжал отрицать факт его нынешней жизни и существования, а память сохранять пытку, через которую он прошёл. Такая настойчивость показалась мне всего более удивительной. Но я быстро понял, что Учитель своей силой вызвал умственную картину астральных записей, роившихся вокруг этой души, которые и пробудили у разбуженного все его воспоминания.

– Сядь между нами, – сказал Учитель вновь воскрешённому человеку. – Давай вместе с тобой поразмыслим. Ведь ты считал себя большим мыслителем, не так ли, когда жил на земле как *Имярек*?

– Считал.

– Как можешь видеть, мысли твои были ошибочны, – продолжал Учитель, – потому что, пройдя через смерть, ты всё ещё жив.

– Да, но где я? – недоумённо огляделся тот по сторонам. – Где я, и кто вы?

– Ты в вечности, – отвечал Учитель, – в которой всегда был и в которой всегда будешь.

– А вы?

– Я тот, кто знает действие Закона.

– Какого закона?

– Закона ритма, который ввергает душу в грубую материю и извлекает её оттуда; ритма, который движет водой в океане с её приливами и отливами, и сознанием человеческим, то погружающимся в сон, то пробуждающимся от него.

– И это вы меня разбудили? Вы, стало быть, и есть закон ритма?

Учитель улыбнулся:

– Я не закон, но я связан с ним так же, как и ты, исключение лишь в том, что я в состоянии на мгновение выйти за его пределы силой воли, как, впрочем, в конце концов – и *ты*.

Я перестал дышать, поражённый глубиной этого простого ответа, но человек, похоже, толком ничего не понял. «Так же, как и *он*!» А ведь этот человек, ложным направлением своей мысли, оказался в состоянии временно выйти за пределы закона бессмертия точно так же, как Учитель сумел верным направлением мысли воскресить его из воображаемого небытия. Всё в душе моей пело от осознания того, что человеческий ум обладает столь божественными способностями!

– Как долго я спал? – спрашивает человек.

– В каком году ты умер? – поинтересовался Учитель.

– Это был 1817 год.

– А нынешний год по христианскому календарю является, как известно, 1912. Твой сон, похожий на смерть, продлился 95 земных лет.

– И что, именно вы разбудили меня?

– Да.

– Зачем вы это сделали?

– Потому что мне так захотелось, – довольно сурово отвечал Учитель. – А вовсе не потому, что ты чем-то заслуживал такой чести.

– И сколько бы ещё я проспал, не подними вы меня?

– Не могу сказать. Возможно, до тех пор, пока те, кто начал свой жизненный путь вместе с тобой, не ушли бы далеко вперёд по пути постижения жизненной мудрости. Очень может быть, что прошли бы ещё столетия, а то и эпохи.

– Вы взяли на себя большую ответственность, – заметил воскресший.

– Тебе не следует напоминать мне об этом, – отвечал Учитель. – Я взвесил в своём уме полноту ответственности и решил взять её на себя в своих собственных целях. Ибо воля свободна.

– Но вы перебороли мою волю!

– В самом деле, но своей более сильной волей, и более сильной потому, что разумно направленной, и потому обладающей большей силой.

– И что вы собираетесь со мною делать?

– Я намерен взять на себя ответственность за твою подготовку.

– Мою подготовку?

– Да.

– И это облегчит мне жизнь?

– Напротив, это её тебе предельно утяжелит. Но у тебя нет выбора и нет возможности избежать моего учения.

– Вы будете лично руководить моим обучением?

– *Лично* лишь в том смысле, что помещу тебя под присмотр и опеку одного из моих продвинутых учеников.

– Кого это? Вот этого человека? – он указал на меня.

– Нет, у него есть куда лучшие занятия. Я заберу тебя к твоему учителю прямо сейчас.

– И что он мне покажет?

– Панораму бессмертия. И когда ты выучишь урок настолько хорошо, что никогда не сможешь уже его забыть и его избежать, ты вернёшься назад, на землю, и станешь учить тому же других. Ты обратишь столько же людей к истине бессмертия, сколько в прошлом завёл в трясину и дебри лживых учений материализма и смерти.

– А что, если я откажусь? Вы сами сказали, что воля ведь свободна.
– Так ты отказываешься?
– Нет, я просто хочу знать, что было бы, если б я отказался?
– Тогда, вместо того, чтобы расти и развиваться в силу закона действия и противодействия, который на Востоке называют кармой, ты бы попросту стал его жертвой.
– Я вас не понимаю.
– Мудр, – отвечал Учитель, – на самом деле тот, кто понимает закон кармы, который есть так же закон причины и следствия. Однако пошли. Я отведу тебя к твоему новому наставнику.
Так, оставив меня одного, Учитель и его подопечный растаяли в воздухе.
Оставшись один, я долго ещё размышлял в сердце своём обо всём виденном и слышанном.

Письмо XL

НЕБЕСНАЯ ИЕРАРХИЯ

Я собираюсь сказать нечто, что может поразить многих, но людям, слишком дорожающим собственными идеями и неохотно позволяющим другим иметь также свои идеи, я советовал бы совсем не раскрывать тщательно охраняемых дверей, которые отделяют страну так называемых живых от так называемых мёртвых.

То, что я утверждаю, можно выразить в следующих словах: существует много богов, и все они вместе составляют единого Бога. Все боги существуют в Боге. Делайте, что хотите со мной, но такова истина, а истина жизненнее всех грёз, даже ваших или моих.

Видел ли я Бога? Я видел того, Кого называют Сыном Божиим, а Вы должны помнить его слова, что кто видел Сына, тот видел и Отца.

Но Вы спросите меня обо всех богах? Ибо в мировом пантеоне их много. Да, они существуют и здесь как реальности.

Как, спросите Вы снова, разве возможно создавать воображением богов и затем давать им жизнь в невидимом мире? Нет. Они существовали здесь изначально, и человек получил о них представление уже очень давно, с помощью своего психического и духовного восприятия. Человек не выдумал их, и материалисты, утверждающие это, знают очень мало о законах бытия. Первобытному человеку было легче познать их путём своего духовного родства и большей близости к ним.

Когда Вы читали народные сказания об этих богах, очень вероятно, что Вы относились покровительственно к наивным создателям мифов и благодарили свою счастливую звезду за то, что Вам пришлось жить в более просвещённом веке. Но эти-то древние сказители сказок и были на самом деле «просвещёнными», ибо они видели в других мирах и повествовали о том, что видели.

Многие из любимых богов нашего мира жили – по преданиям – на земле как люди. И это верно. Эта мысль очень поражает Вас?

Каким образом может человек стать богом и как может бог стать человеком? Думали ли Вы когда-нибудь об этом? Человек становится богом, развивая богосознание, что означает совсем другое, чем развитие своих собственных мыслей о Боге. В течение последних лет Вы, наверно, слышали или читали о так называемых Учителях – о людях со сверхчеловеческими свойствами – которые отказались от малых радостей и мирских достижений для того, чтобы совершить нечто более великое.

Человеческие идеи о богах меняются так же, как меняются сами боги, ибо всё на свете находится в процессе «становления», как сказал Гераклит двадцать четыре века тому назад. Не воображаете ли Вы, что боги стоят неподвижно и что вы одни двигаетесь вперёд? В таком случае, вы можете в один прекрасный день опередить ваших богов и начать поклоняться себе, не имея перед собой никого более высокого.

С помощью Учителя я имел возможность лицезреть некоторых из наиболее древних богов. Если бы я перешёл сюда с высокомерным презрением ко всем богам, кроме моего собственного, мне едва ли было бы дано такое преимущество; ибо боги точно так же исключают из себя, как они включают в себя, и раскрывают они себя только тем, которые способны видеть их такими, каковы они в действительности. Вы, может быть, скажете, что это открывает двери политеизму, пантеизму и другим наводящим страх «из мам»? Но ведь это только слова! А я говорю о фактах. И, слава Богу, времена прошли, когда людей сжигали на кострах за то, что перед ними проносилось видение непризнанного бога.

Возьмите, например, бога, которого римляне называли Нептуном. Вы думаете, что это лишь поэтическое создание старинных составителей мифов? Если да, то Вы заблуждаетесь. Предание говорит, что он управлял океаном. И что может быть более правильным и естественным, как не то, что наблюдение за наводнениями и причинами было предоставлено тем, кто способен руководить этим делом? Мы очень много слышим о законах природы. Но кто заставляет их действовать? Выражение «естественный закон» у всех на языке, но закон имеет исполнителей, как на небесах, так и на земле.

Я узнал здесь, что существуют планетарные Сущности, боги планет, хотя я и не удостоился чести сознательного общения с одним из них. Если же планетная божественная Сущность стоит так высоко, что она вне возможности моего познания, как мог бы я осмелиться думать о приближении к Богу богов?

Какими парадоксами наполнен ум человека, который стоит в страхе и трепете перед слугой, а к господину подходит без всякого страха!

Я узнал здесь, что Дух, охраняющий нашу планету, развился в бога могучей силы и ответственности в истекших циклах существования. Того, кто имеет постоянное дело с микроскопом, эта идея не должна смущать. Бесконечно малое и бесконечно великое образуют собою хвост и голову «Змея Вечности».

Кто, по-Вашему, будут богами в будущих циклах существования? Не будут ли это те, которые в настоящем цикле планетной жизни поднялись высоко над остальными смертными?

Не будут ли они самыми сильными и самыми божественными среди человеческих духов настоящего времени? Даже и боги подчиняются законам ритма, и они должны иметь свой период отдыха, и те, которые отправляют обязанности в настоящем цикле, наверно, пожелают иметь себе заместителей.

Для человека, жаждущего двигаться вперёд, двери, ведущие к высочайшим возможностям, открыты всегда.

Письмо ХLI

ПУТЕШЕСТВИЯ С АНГЕЛОМ

Я уже говорил Вам о том, кого я называл Прекрасным Существом; его местожительство – вся Вселенная, его избранные товарищи – всё человечество и все чины ангелов, игры его – годы и столетия.

Не знаю, по какой причине, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мне и к моим усилиям приобрести знание и показало мне многое, чего я бы иначе не увидел.

Когда руководителем путешествий по планете является ангел, путник оказывается в особенно благоприятных условиях. Рекомендательные письма к великим мира сего – ничто по сравнению с такой рекомендацией, ибо с его помощью я смотрю в души всех существ, а мои посещения человеческих домов не ограничиваются гостиней. Прекрасное Существо имеет доступ всюду.

Приходило ли Вам когда-нибудь в голову, проснувшись после прекрасного сновидения, что ангел, может быть, поцеловал Вас во время сна? Я видел такие вещи.

О, не бойтесь давать свободу своему воображению! Самые необыкновенные вещи в то же время и самые истинные; банальные вещи почти все лживы. Когда большая мысль поднимает вас на своих крыльях, не старайтесь удерживаться на твёрдой земле. Отпускайте себя. Кто отдаётся высокому вдохновению и имеет смелость верить в своё видение, тот сам может увидеть Прекрасное Существо лицом к лицу, как видел его я. Когда несёшься в пространстве, зрение становится острым. И если сумеешь подняться достаточно быстро, можно увидеть непостижимое.

Недавно я размышлял над семенем цветка, ибо нет ничего столь малого, что бы не вмещало в себя целый мир. Я погрузился в думы над семечком и забавлялся тем, что следил за его историей, поколение за поколением, до самого источника, на заре времён. Забавное выражение «на заре времён», ибо время имело столько рассветов и столько закатов, не проявляя никакого признака утомления.

Я проследил генеалогию семечка до того времени, когда пещерный человек забывал о своих вечных поединках, чтобы насладиться ароматом пра-прапрародителя цветка; в то время мне послышался тихий музыкальный смех с левой стороны, и нечто лёгкое и воздушное, как крыло бабочки, коснулось моей левой щеки.

Я обернулся, чтобы посмотреть, но в это время – быстро, как порхание ветерка, – раздался тот же музыкальный смех с другой стороны, и другое нежное крыло коснулось моей правой щеки. А затем что-то вроде покровы спустилось на мои глаза, и светлый голос пропел:

– Отгадай, кто!

Я весь трепетал от восторга, участвуя в этой божественной игре, и ответил:

– Может быть, та фея, которая заставляет слепых детей Земли грезить о цветах невидимого пространства?

– Как ты узнал меня? – смеялось Прекрасное Существо, снимая покров с моих глаз. – Я и есть та фея. Ты, наверно, подсматривал, когда я дотрагивалась до глаз слепых младенцев. Хочешь пойти со мной и посмотреть, как я это делаю?

И мы понеслись на самый необычайный вечерний обход, какой только можно себе представить.

Мы начали с дома одного из моих друзей; вся семья собралась в столовой за ужином. Никто не видел нас, кроме кошки, которая начала громко мурлыкать и выгибаться. Весьма вероятно, что будь я один, она бы испугалась меня; но кто – даже кошка – может бояться Прекрасного Существа?

Внезапно один из детей поднял голову и спросил:

– Отчего нынче молоко такое вкусное?

Другой, маленький, опустил головку на стол и закрыл глаза. Мать хотела растолкать его, но Прекрасное Существо набросила покров на её глаза, и она не тронулась с места.

Я мог видеть, как перед внутренними глазами заснувшего ребёнка Прекрасное Существо развернуло волшебную сказку.

Но вскоре ребёнок вздрогнул и широко раскрыл глаза.

– «Я видел ***», – сказал он, назвав моё имя. – Он стоял вон там и улыбался, а с ним был ангел.

– Уйдём, – шепнуло Прекрасное Существо, – от спящих детей ничто не может быть скрыто.

Мы понеслись по берегу реки, которая разделяет большой город на две части. Из открытого окна одного из домов, у самой реки, слышались звуки гитары и нежный женский голос пел:

Когда другие уста и другие сердца
Поведают тебе свою повесть любви...
Тогда ты вспомнишь меня -
Ты вспомнишь меня.

Прекрасное Существо дотронулось до меня и шепнуло:

– Когда жизнь бывает так нежна для этих смертных, она становится волшебной книгой для меня.

– И всё же Ты сама никогда не испытала человеческой жизни?

– Наоборот, я испытываю её ежедневно; но я только прикасаюсь к ней и спешу дальше. Если бы я приобщилась к ней, может быть, я не смогла бы оторваться и нестись дальше.

Слушая эти слова, я невольно воскликнул:

– Боюсь, что Ты из всего делаешь божественную игру!

– Тише! – засмеялось Прекрасное Существо, – тот, кто боится, чего бы то ни было, потеряет меня в тумане своих страхов.

Оно было при этом так непреодолимо прекрасно, что я воскликнул:

– Но кто же Ты? Что Ты такое?

– Не сказал ли ты сам, что я – та фея, которая заставляет слепых детей Земли грезить о покрытых цветами пространствах?

– Я люблю Тебя непонятной любовью, – ответил я.

– Каждая любовь непонятна. Но давай поднимемся на вершину виденья. Когда ты очень устанешь, схватись за мой развевающийся покров, я подожду тебя, пока ты отдохнёшь.

Странные вещи видели мы в ту ночь. Мы стояли над кратером действующего вулкана и смотрели, как танцуют духи огня. Вы думаете, что саламандры видимы только для невоздержанных поэтов? Оне так же реальны для себя самих и для тех, которые их видят, как... как кучера на омнибусах лондонских улиц.

Реальное и Нереальное! Прекрасное Существо изменило все мои идеи относительно всей Вселенной. Желал бы я знать, буду ли я, вернувшись на Землю, помнить все виденные мною чудеса? Возможно, что, если я буду вспоминать яснее, но не вполне, я буду поэтом в моей следующей жизни.

Какое это чудное приключение – выбрасывание своей ладьи на вздымающееся море возрождения!

Но Вы можете подумать, если моё настроение отражается в Вас, что я впал во второе детство? Так оно и есть – моё второе детство в так называемой *невидимой* области.

Когда во время моего странствования с Прекрасным Существом мои глаза утомились от всей красоты, которую я видел, я был приведён моим очаровательным товарищем к таким сценам земли, которые – будь я в одиночестве – вызвали бы во мне большую грусть. Но нельзя быть грустным, когда вблизи от вас Прекрасное Существо. В этом его очарование; быть в его присутствии – значит вкушать радость бессмертной жизни.

Мы смотрели вместе на ночной разгул в том месте, которое вы на земле называете вертепом порока. Был ли я возмущён? Нисколько. Я наблюдал за потехами этих крошечных человеческих существ, как учёный наблюдает за движением бактерий в капле воды. Мне казалось, что я смотрю на всё это с точки зрения звёзд. Я не решился сказать: с точки зрения Бога, для которого большое и малое – одно и то же; сравнение со звёздами вернее, ибо, как можем мы судить о том, как видит Бог, – если только мы не подразумеваем под этим Бога внутри нас самих?

Вы, читающие эти строки, когда вы перейдёте сюда, вы будете многому удивляться. Малые вещи покажутся для вас большими, а большие – малыми, и всё разместится на своём месте в картине бесконечного плана, в котором и ваши затруднения, и все ваши мучения окажутся подробностями, неизбежными и прекрасными. Эта мысль возникла во мне, когда я странствовал от неба к земле, от красоты к безобразию, с моим лучезарным товарищем.

Если бы я только мог найти слова, чтобы передать Вам влияние Прекрасного Существа! Оно не похоже ни на что остальное во всей Вселенной. Оно обманчиво, как лунный свет, и более нежно, чем нежность матери. Оно прекраснее самого прекрасного цветка, и в то же время может смотреть с улыбкой на безобразие. Оно чище, чем дыхание Океана, и в то же время не испытывает никакого ужаса перед нечистотой. Оно безыскусственно, как малое дитя, и в то же время мудрее древних богов; настоящее чудо противоречий, причудливый странник небес, любимец невидимых миров.

ЖЕРТВА СОБСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Недавно я встретил одну знакомую – женщину, которую знал на протяжении ряда лет, и которая оставила землю почти в то же время, что и я.

Старые друзья, когда они здесь встречаются, приветствуют друг друга так же, как делали это на земле. Хотя, как правило, мы придаём меньше значения условностям, чем вы, пусть бы мы даже более или менее держались своих прежних привычек.

Я спросил миссис ***, как ей здесь нравится, и она ответила, что не особенно приятно проводить время. По её мнению, у всех здесь какие-то свои увлечения и у них нет желания разговаривать с нею.

Я впервые услышал такого рода жалобу, и она показалась мне на удивление странной. Я спросил у своей знакомой, какова, по её мнению, причина подобной необщительности, и она ответила, что причина ей неизвестна и что всё это ей весьма неприятно.

– О чём же вы с ними разговаривали? – спрашиваю я.

– Ну, я говорила им о своих заботах и неприятностях, как принято между друзьями; но им это было явно неинтересно. Поразительно, до чего эгоистичны люди!

Бедняжка! Она и здесь, как на земле, не смогла понять, что наши заботы никому не интересны, кроме нас самих, да и нам, собственно, тоже.

– «Давайте сделаем так», – сказал я, – вы расскажете мне о своих заботах, а я обещаю вам, что никуда не убегу.

– Ну, я даже не знаю, с чего начать! – отвечает она. – Я столкнулась здесь со множеством неприятностей.

– И с какими же, например?

– Ну, с ужасными людьми. Помню, когда жила на земле, я порой говорила себе, что на «том свете» мне хотя бы не будут докучать все эти хозяйки пансионатов с их небрежной прислужкой. Так что же? Оне, оказывается, здесь такие же, и даже ещё хуже прежнего!

– Вы хотите сказать, что живёте здесь в пансионе?

– А где же мне жить? Вы же знаете, что я отнюдь не богачка.

Из всех удивительных вещей, какие я слышал в этой стране перемен, это была самая удивительная. Пансионат в «загробном» мире! Определённо, сказал я себе, мои познания о здешней жизни всё ещё весьма ограничены. А вот и ещё одно открытие:

– В вашем пансионе хорошо кормят?

– Нет, хуже, чем в предыдущем, где я была раньше.

– Что, невкусно готовят?

– Да, невкусно и скверно. Особенно кофе.

– И что, – спросил я со всё возрастающим удивлением, – вы здесь три раза в день садитесь за стол, как делали это на земле?

– Какие, однако странные ведёте вы речи! – возмутилась она в конце концов. – Я не вижу большой разницы между этим миром и «землёй», как вы выражаетесь, за единственным исключением, что здесь гораздо неудобнее, чем там, поскольку всё здесь изменчиво и неопределённо.

– Да, продолжайте, пожалуйста!

– Только представьте себе: утром, за столом, я никогда не знаю, кто будет сидеть рядом со мною вечером! Они просто приходят и уходят!

– А что вы едите?

– Да всё то же самое: каши и картошку, пироги и пудинги.

– Вы до сих пор едите эти вещи?

– Ну да, а что же ещё есть? А вы их не едите? – язвительно спросила она.

Я не знал, что и сказать. Ведь сообщи я ей, в чём на самом деле заключается здесь моя жизнь, она бы этого не поняла, так же как не понимала того два года назад, когда мы жили с ней в одном и том же городе на земле, в чём состоит моя настоящая духовная жизнь. Поэтому мне оставалось только сказать:

– Вы знаете, у меня плохой аппетит.
Она почему-то бросила на меня недоверчивый взгляд.
– Вы всё ещё интересуетесь философией? – вкрадчиво спросила она.
– Да. И, может быть, в этом причина тому, что я не особенно голоден.
– Вы всегда была странным человеком!
– Думаю, да. Скажите, миссис ***, у вас никогда не появляется желания наконец покончить со всем этим?

– Покончить со всем чем?
– Ну, все эти пансионаты, неприятные люди, невкусная еда и вообще все прочие *тени* материальных вещей из прошлой жизни.
– Что вы подразумеваете под «тенью материальных вещей»?
– Я имею в виду все эти яства и пирожные, которые вы едите и которые не доставляют вам никакого удовольствия. Их ведь на самом деле нет!

– Как?! – воскликнула она. – Вы тоже стали адептом «Христианской Науки»?
Тут уж я не выдержал и от души засмеялся. Тот, кто отрицал реальность астральной еды в астральном мире, становится, оказывается, адептом «Христианской Науки», коль скоро её земные адепты отрицали реальность материальной еды в мире материальном! Такая аналогия показалась мне невероятно забавной.

– Позвольте же мне и вас обратить в адепта Христианской Науки! – воскликнул я.
– Нет, сэр! – взвизгнула она. – Вы никогда не могли убедить меня, что есть какая-то доля истины во всех этих ваших причудах и философствованиях. И вот теперь вы мне заявляете, что еды, которую я ем, на самом-то деле не существует!

На какое-то время я замолчал, пытаясь найти путь, каким бы я мог довести до ума этой бедной женщины реальные факты её нынешнего положения. В конце концов я, кажется, нашёл способ.

– Попробуйте представить себе, что вы видите сон...
– Что?! – окрысилась она.
– Да, вы видите сон. Вам снятся все эти пансионаты и всё остальное тоже.
– Коли оно так, может быть, вы будете так любезны, чтобы меня разбудить?
– Именно этим я и хочу заняться. Но вы, я думаю, и сами проснётесь. Скажите, как вы себе представляли будущую жизнь, пока ещё не попали сюда?

– Что вы подразумеваете под «попали сюда»?
– Ну, перед тем, как вы умерли?
– Послушайте, вы! Я не умирала, я живу и продолжаю жить!
– Конечно, вы живёте. И все остальные тоже продолжают жить. Но вы, определённо, понимаете, что условия вашего существования кардинально изменились.

– Да, я заметила перемену, и это перемена к худшему.
– Вы припоминаете свою последнюю болезнь?
– Да.
– И что вы ушли из своего тела и попали сюда?
– Да, если вы это так называете.
– Вы знаете, что вы оставили своё тело *там*, на земле?

Она взглянула на себя – выглядела она обычным своим образом, вплоть до заношенного чёрного платья, давно вышедшего из моды.

– Ну как же, вот ведь оно, моё тело!
– Вы думаете, что не оставляли своего тела?
– Конечно же, нет.
– И вы не знаете, где оно?

Моё изумление всё росло и росло. Я был перед лицом феномена, с каким прежде мне сталкиваться не доводилось.

– Полагаю, – отвечала она, – они похоронили моё тело, если, как вы говорите, я его *оставила*. Но это моё тело точно такое же.

– Оно всегда казалось вам тем же самым? – спросил я, вспомнив собственные ощущения, когда сам оказался в новом теле; все эти мои затруднения в том, чтобы соразмерять свои силы, управляя новым, гораздо более лёгким телом.

– Сейчас, когда вы об этом заговорили, – отвечала она, – я припоминаю некоторые затруднения, что были у меня год или два назад. Я долго не могла понять, в чём тут дело. Я думала, что у меня бред.

– Да, несомненно, так всё и было, – отвечал я. – Но скажите, миссис ***, нет ли у вас желания посетить небо?

– Отчего же, я всегда полагала, что посещу небо, когда умру, но, как видите, я пока ещё не умерла.

– Всё же, – говорю я ей, – я могу взять вас на небо прямо сейчас, если только вы будете согласны последовать за мной.

– Вы шутите?

– Нисколько. Так вы идёте?

– Вы считаете, что я могу попасть туда, даже не умерев?

– Уверяю вас, что умереть невозможно, и *никто не умирает*.

Мы шли себе понемногу вперёд, поскольку я считал, что не стоит торопить её в переходе от одного уровня к другому. Я нарисовал ей словесную картину того места, которое мы скоро должны были посетить – небо православных христиан. Я описал счастливых и любящих людей, стоящих в присутствии их Спасителя в мягкой лучезарности из центрального Света.

– Возможно, – сказал я, – некоторые обитатели этой страны зрят лик Самого Бога, как они того и ожидали, когда были на земле. Что касается меня, то я вижу только Свет и в конце концов – фигуру Христа.

– «Мне часто хотелось увидеть Христа», – сказала моя спутница с благоговением в голосе. – Как вы думаете, я правда могу Его увидеть?

– Думаю, да, если вы сильно верите, что вам того хочется.

– А что они делали на небе, когда вы были там? – спрашивает она.

– Они молились Богу и были счастливы...

– «Я тоже хочу быть счастлива», – говорит она, – я никогда не знала счастья по-настоящему.

– Величайшее дело на небесах, – отвечал я, – любить всех остальных. Это и делает их счастливыми. Если бы они любили только лик Божий, это не было бы настоящим небом. Ибо радость Бога – это радость союза.

Так, шаг за шагом, я вёл её ум в сторону от астральных пансионатов к понятиям православного духовного мира, который скорее всего был единственным духовным миром, который она была бы в состоянии понять.

Я говорил о музыке – да, о церковной музыке, если вы хотите так её называть. Я создавал в её неустойчивом хаотичном уме упорное желание воскресных радостей и воскресного мира и единения друзей на небе. Только при такой постепенной подготовке она смогла бы привыкнуть к условиям этого нового для неё мира.

Когда мы стояли среди тех, кто молились Богу песнями, гимнами, волна всеобщего ликования, казалось, захватила её, и она наконец почувствовала, что пришла домой.

Я хотел попрощаться с ней таким образом, чтобы она не стала меня искать. Я по старинке поднял руку, прощаясь, и пообещал навестить её, посоветовав ей оставаться здесь. Думаю, она так и сделает. Небо крепко удерживает тех, кто воспринял его красоты.

Письмо XLIII

ОБЛАКО СВИДЕТЕЛЕЙ

Будете ли Вы удивлены, когда узнаете, что разница между существами этого мира даже более той, какая существует между обитателями Земли? Но это неизбежно, ибо здешний мир более свободный, чем ваш мир.

Я не исполнил бы своего долга, если бы не сообщил Вам о здешних дурных существах; никто другой не скажет Вам о них, а знание — это необходимо для самозащиты.

Прежде всего, должен сказать Вам, что существует большая симпатия между духами этого мира и духами вашего мира. Да и те, и другие — духи, и разница только в том, что одни облечены в плоть, а другие в более тонкое, хотя и не менее реальное тело.

Знайте, что добрые духи, может быть, «духи справедливых людей, ставших совершенными», или же тех, которые стремятся к совершенству, привлекаются могучей силой к тем сотоварищам-духам на земле, идеалы которых в гармонии с их собственными идеалами. Магнетическое притяжение, существующее между людьми, можно назвать слабым по сравнению с тем, которое возможно между воплощёнными и развоплощёнными существами. И даже самое различие в материи является особой притягательной силой. Женщина не более привлекательна для мужчины, чем существо во плоти привлекательно для пребывающего в астральном мире. Хотя и тот, и другой понимают один другого не более, чем мужчина и женщина понимают друг друга. Но влияние чувствуется, и существа здешнего мира знают его источник лучше, чем вы, ибо они, по большей части, сохраняют воспоминания о вашем мире, тогда как вы забыли их мир.

Никогда симпатическая связь между людьми и духами не бывает так сильна, как когда люди действуют под влиянием чрезвычайного волнения, будь то ненависть, или любовь, или гнев, или иное сильное возбуждение. Ибо тогда огненный элемент в человеке выражен наиболее активно, а духов привлекает огонь. *

* На этом месте писание неожиданно остановилось, влияние прекратилось и снова появилось только через несколько минут. (Э.Б.)

Вы удивляетесь, почему я ушёл? Для того, чтобы провести широкий охраняющий круг, который защитил бы Вас и меня, ибо некоторые духи совсем не желали бы выдавать то, что я собираюсь передать Вам.

Продолжаю. Когда человек взволнован, когда он в восторге, и вообще, когда тем или иным путём усилена его эмоциональная жизнь, духи привлекаются к нему. В этом — тайна вдохновения, этим же объясняется, почему гнев растёт, питаюсь собой.

Последнее обстоятельство я и хочу ввести в круг Вашего сознания. Когда вы выходите из себя — вы теряете очень много, между прочим, и контроль над собой — и тогда вполне возможно, что другая сущность мгновенно присвоит себе контроль над вами.

Этот субъективный мир, как я его назвал, полон духами-ненавистниками. Они любят возбуждать ссоры как здесь, так и на земле. Они забавляются злобным возбуждением в других. Они приходят в радостное содрожание, соприкасаясь с ядом ненависти; как некоторые люди упиваются морфием, так же они упиваются всякой негармонической страстью.

Понимаете, в чём опасность? Малейший зародыш гнева в Вашем сердце может питаться и воспламеняться огнём их ненависти. К Вам лично у них может быть полное безразличие, но, чтобы удовлетворить свою злую страсть, они могут привязаться к Вам временно.

Человек, привыкший сердиться или искать отрицательное в других, бывает, наверное, окружён дурными духами. Мне пришлось видеть толпу таких духов вокруг рассердившегося человека, и как они вводили в него свой собственный злой магнетизм, возбуждая его снова, когда он — по естественной реакции — начинал успокаиваться.

Но иногда безличный интерес к ссорам становится личным; злобный дух этого мира, убедившись, что в соединении с тем или другим человеком он может постоянно испытывать злобное возбуждение, – может привязаться к своей жертве; благодаря такой связи, жертва его будет постоянно предаваться злобным порывам. Это одно из самых ужасных несчастий, которое может выпасть на долю человека. Доведённое до конца, оно может превратиться в одержимость и кончиться сумасшествием.

Тот же закон относится и к другим дурным страстям, каковы похоть или скупость. Остерегайтесь чувственных вожделений, берегитесь полового влечения, в которое не входит элемент сердца или духовной симпатии. В этой области бывают столь ужасные явления, что мне не хотелось бы говорить о них через Вас.

Возьмём лучше случай, касающийся жадности. Я видел скрягу, считающего своё золото, и видел страшные глаза духов, наслаждавшихся его страстью. Золото имеет особое свойство, помимо своего покупного значения и всех ассоциаций, соединённых с ним. Некоторые духи любят золото, как его любит скряга, и с той же стяжательной, иссушающей страстью.

Я не хочу этим сказать, чтобы Вы остерегались золота. Приобретайте его, потому что оно полезно; но никогда не относитесь к нему с жадностью. Жадные духи не привлекаются только потому, что человек владеет символами богатства – домами и землями, промыслами и капиталами, или даже небольшим запасом золотых монет; не следует только собирать монеты для удовлетворения скаредных страстей.

Существуют некоторые драгоценные камни, которые привлекают к себе различных духов. Но Вы выбирайте носимые Вами драгоценности, вероятнее всего по чувству сродства с ними, и это вполне правильно. А теперь, когда я предупредил Вас относительно страстей и исполненных страстью духов, которых Вы должны остерегаться, я перейду к иным чувствам и другим духовным соучастникам человеческой жизни.

Вы, вероятно, встречали людей, из которых излучается как бы солнечный свет, одно присутствие которых в комнате делало Вас счастливой. Спрашивали ли Вы себя, почему это так бывает? Истинный ответ заключается в том, что их светлое настроение привлекает к ним «облако свидетелей», представителей радости и красоты жизни.

Я сам нередко грелся в тёплых лучах одного любящего сердца, которое я знал на земле. Я слышал, как духи, толпившиеся вокруг того человека, выражали: «Хорошо быть здесь». Из этого Вы можете заключить, как трудно злу коснуться его. Толпа любящих и сочувствующих духов постаралась бы дать ему предупреждение, если бы какое-нибудь зло угрожало ему.

Точно так же можно сказать, что радостное сердце привлекают радостные события; а также и простота, и кроткое смирение очень привлекательны для кротких развоплощённых душ: «Если не будете, как малые дети, не вступите в Царство Небесное».

Не приходилось ли Вам видеть ребёнка, играющего с невидимыми товарищами? Вы назовёте их воображаемыми. Может быть, они таковы, но может быть, и нет. Воображать, значит творить, или же привлекать к себе уже сотворённые вещи.

Я видел даже такое явление, как Прекрасное Существо, парящее в восхищении над обитателями Земли, которые испытывали истинное счастье.

Радостная песня, которая вырывается из переполненного сердца, может привлечь сонм невидимых свидетелей, которые будут разделять радость поющего, ибо, как я Вам уже говорил, звук переносится из вашего мира в наш.

Никогда не плачьте – если это только не нужно для восстановления потерянного равновесия. Хотя плачущие духи скорее безвредны, потому что они слабы. Случается, что внезапный поток слёз очищает атмосферу души; но, если слёзы бывают длительны, окружающее пространство заполняется плачущими духами. Можно было бы почти услышать звук роняемых ими через покров эфира слов, если бы земные рыдания не производили столько шума.

«Смейтесь, и мир будет смеяться с вами», – это изречение достаточно верно; но верно также и то, что вы плачете не одни.

Письмо XLIV

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ

Есть одна неясная сторона, которую мне хотелось бы уяснить, даже рискуя навлечь на себя обвинение в «мистицизме» со стороны тех, для кого мистицизм означает темноту.

Я сказал, что земная человеческая жизнь одновременно и субъективна, и объективна, но что объективная сторона преобладает; и что жизнь «духов», пребывающих в более тонкой среде, также – и субъективна, и объективна, но что в ней преобладает субъективное.

И в то же время я говорил о посещении неба, как места пребывания. Это требует пояснения. Вы помните изречение: «Царство Небесное внутри вас», и также – «Где двое или трое соберутся во имя Моё – там и Я буду среди них».

Те места в невидимых мирах, которые я назвал христианскими небесами, и представляют собой обители, где двое или трое, или две или три тысячи – смотря по обстоятельствам – собираются во Имя Его, чтобы наслаждаться Царством Небесным внутри себя.

Собрание душ – объективно; это значит, что души существуют во времени и в пространстве; и небеса, которыми они наслаждаются – объективны, хотя все собравшиеся души могут видеть одновременно одно и то же, например, видение Того, Кого они обожают как Спасителя.

Я не могу выразить этого яснее.

ИГРА В «ВЕРИШЬ – НЕ ВЕРИШЬ»

Однажды я встретил человека в театральном костюме, который объявил мне, что он Шекспир. Теперь я уже привык к таким заявлениям, и они не удивляют меня, как удивляли семь-восемь месяцев назад (да, я всё ещё держу счёт вашим месяцам, имея для того особую цель). Я спросил этого человека, какого рода доказательства может он привести для подтверждения своей претензии? На это он мне ответил, что претензия его не требует никакого доказательства.

– «Этот номер со мной не пройдёт», – сказал я, – ведь я старый законовед! На это он засмеялся и спросил:

– Но почему бы и вам не присоединиться к игре?

Я рассказываю Вам эту довольно бессмысленную историю потому, что она иллюстрирует интересную сторону здешней жизни.

Несколько раньше, одна вновь перешедшая сюда леди, увидев меня одетым в римскую тогу, подумала, что я Цезарь; я сказал ей тогда, что все мы здесь актёры. Я подразумевал, что мы, подобно детям, «переодеваемся», когда хотим подействовать на своё собственное воображение или хотим оживить какую-нибудь сцену из прошлого. Это разыгрывание роли бывает обыкновенно вполне невинно, хотя иногда самая лёгкость, с которой это делается, приносит с собой соблазн к обману, в особенности, когда дело касается земных людей. Вы догадаетесь, о чём я хочу сказать. Лгущие духи, на которых так часто жалуются посетители спиритических сеансов, принадлежат зачастую к этим астральным актёрам, которые нередко гордятся тонкостью своей игры.

А потому не будьте слишком уверены, что дух, выдающий себя за вашего покойного дедушку, есть и в самом деле эта уважаемая особа. Он может оказаться просто актёром, играющим свою роль для своего и вашего развлечения.

Как же различить такую игру? – спросите вы. – На это трудно ответить. Я бы сказал, что самое верное доказательство – в собственном глубоком и *неэмоциональном* убеждении, что перед вами находится подлинный дух. Есть какой-то инстинкт в человеческом сердце, который никогда не обманет нас, если мы без страха и без предубеждения будем поддаваться его решению. Как часто в мирских делах мы действовали вопреки этому внутреннему указателю и оказывались на неверной дороге!

Если у Вас будет инстинктивное чувство, что этот невидимый и даже видимый дух не то, за что он себя выдаёт, лучше прекратить всякое общение с ним. Если он подлинный и имеет сказать Вам нечто существенное, он неизбежно снова придёт к Вам; ибо так называемые мёртвые чувствуют нередко потребность войти в общение с живыми.

Но, как общее правило, разыгрывание роли в здешнем мире носит невинный характер и не имеет в виду обмана. Это – потребность большинства людей быть по временам не тем, что они есть. Бедный человек, который, одевшись в своё лучшее платье, проматывает в один вечер своё недельное жалование, разыгрывая богача, действует по тому же импульсу, который заставлял человека моей истории верить, что он Шекспир. И женщина, одевающаяся выше своих средств, разыгрывает ту же самую игру с собой и со своим обществом.

Всем детям хорошо знакома эта игра. Они скажут вам самым убеждённым тоном, что они Наполеон Бонапарт или Джордж Вашингтон и очень обидятся, если вы поднимете их на смех. Очень возможно, что мой приятель с шекспировским стремлением был любительским актёром на земле. Если бы он был профессиональным актёром, он, наверное, назвал бы своё имя, более или менее известное, поясняя при этом, что он был всем известной знаменитостью такой-то.

Здесь очень часто гордятся своими земными талантами, особенно те, которые недавно перешли сюда. Со временем это проходит и интересы людей становятся более общими.

Люди не перестают быть людьми только потому, что они перешли границу видимого для вас мира.

В действительности, их характерные черты становятся ещё более преувеличенными, потому что здесь гораздо меньше запретов. Здесь не налагается никаких наказаний за принятие на себя чужого имени. Такие вещи не принимаются здесь всерьёз, ибо для более острого зрения этого мира надетые личины слишком прозрачны.

Письмо XLVI

НАСЛЕДНИКИ ГЕРМЕСА

Много верного, но точно так же много и вздора говорится об Адептах и Учителях, которые живут и работают на невидимых планах. В настоящее время и я живу на так называемом *плане*, и то, что я скажу Вам о нём, есть результат опыта, а не теории.

Я встречал здесь Адептов – да, и Учителей. Один из них научил меня многому и руководил моими первыми шагами в этом мире.

Не бойтесь верить в Учителей. Учителя, это – люди, поднявшиеся до величайшей ступени могущества; и они всегда – всё равно, воплощены они или развоплощены – работают на этом плане жизни. Учитель может вступать на него и снова удаляться по желанию.

Нет, я не собираюсь объяснять, как это делается. Слишком быстрые люди, не достигшие степени Учителя, могли бы попробовать и – не вернуться назад. Знание есть сила; но есть такая сила, которая может быть опасна, если она применяется без достаточного запаса мудрости.

Все человеческие существа носят в себе зародыши Учительства. Это может послужить ободрением для людей, которые стремятся к более интенсивной жизни, чем обыкновенное существование. Но достижение ступени Учителя есть постепенный обыкновенно очень медленный рост.

Мой здешний руководитель принадлежит к ступени Учителя.

Здесь есть руководители, которые не достигли этой ступени, точно так же, как есть преподаватели на земле, которые не достигли знания профессора; но тот, кто имеет желание учить тому, что знает сам, находится на верной дороге.

Я не стану скрывать, что мой Учитель одобряет моё стремление познать мир со здешней жизнью, которая непосредственно следует за тем, что вы называете смертью. Если бы он не одобрил, я преклонился бы перед его высшей мудростью.

Нет, дело не в его имени. Я буду продолжать называть его моим Учителем, когда буду от времени до времени приходить к Вам. Через некоторое время я, вероятно, совсем перестану приходить. Не потому, что я перестану интересоваться Вами, но потому, что я должен буду удалиться далеко от Вашего мира, чтобы узнать вещи, понимание которых требует ослабления земных связей. Позднее я, может быть, снова вернусь; но я не даю обещания. Я приду, если смогу, если это окажется мудрым и, если Вы будете в настроении принять меня.

Не думаю, чтобы я мог сообщаться через кого-нибудь другого и писать письма, подобные этим. Мне пришлось бы провести другую личность через тот же процесс, через который прошли Вы, и я знаю, что немногие, даже из тех, которые были моими друзьями, способны довериться мне в такой же степени, как Вы. И потому, после моего удаления, не закрывайте дверей слишком плотно на случай, если бы я захотел снова прийти, ибо возможно, что я сообщу Вам нечто чрезвычайно важное. Но, с другой стороны, сами Вы, пожалуйста, не зовите меня: таким зовом Вы можете отвлечь меня от важной задачи. Я не могу сказать, наверное, что Вы в силах это сделать, но это возможно, и это было бы нежелательно для меня.

Остающийся на Земле может призывать с такой сосредоточенной силой друга, перешедшего далеко за земную атмосферу, что этой душе придётся вернуться слишком рано в ответ на горячий призыв.

Не забывайте мёртвых, пока они не приобретут достаточно силы, чтобы быть счастливыми без вашей памяти о них; но не наседайте слишком сильно на них.

Учителя, о которых я только что говорил, могут оставаться и близко, и далеко, как им захочется; и они могут отвечать и не отвечать, но обыкновенная душа очень чувствительна к призыву тех, которых она любила на земле.

Мне пришлось видеть мать, усиленно отвечающую на слёзы и мольбы своего ребёнка, но ей не удалось дать ему почувствовать своё присутствие. Такие неудачи бывают причиной большой грусти для некоторых матерей.

Однажды мне удалось видеть моего Учителя, как он помогал одной матери войти в сношение с осиротелой дочерью, бывшей в большом горе.

Сердце моего Учителя отзывается с необыкновенной нежностью на страдания мира; и в то же время он объясняет с необыкновенной силой величайшие проблемы мысли. Он являет собой олицетворение трижды великого Гермеса Трисмегиста – великого телом, великого умом, великого сердцем.

Он очень любит детей, и однажды, когда я был невидимо в доме одного из моих земных друзей, и его маленький сын, упав, расшибся и начал громко плакать, мой великий Учитель, которого я видел буквально повелевающим «легионом ангелов», наклонился в своей астральной форме над ребёнком и начал утешать и ласкать его.

Меня это очень поразило, и я сказал ему о своём удивлении; он ответил на это, что помнит своё собственное детство в различных странах и что в памяти его сохранилось до сих пор ощущение от физической боли и потрясение от физического падения.

Он прибавил, что дети страдают гораздо более, чем старшие думают, и что смятение, которое вызывается приспособлением к новому, нежному и растущему телу, вызывает часто сильное страдание.

Так, постоянный крик некоторых младенцев вызывается их бессилием перед Геркулесовой задачей сформировать то тело, через которое будет проявляться их дух.

Он рассказал мне историю одного из своих прежних воплощений, когда он ещё не был Учителем, и какого тяжёлого труда ему стоило построить для себя тело. Он мог припомнить малейшие подробности той далёкой-далёкой жизни. Однажды мать наказала его за что-то, чего он не сделал, и когда он стал отрицать свою вину, она бранила его за ложь, не понимая, – несмотря на всю свою доброту – что правда была в самой основе той души, которой она дала внешнюю форму. Он прибавил, что именно после этого детского страдания столетия назад началась его сознательная борьба против несправедливости, которая сделала из него друга и наставника человечества.

Он придаёт большое значение восстановлению памяти прошлого, потому что эти воспоминания раскрывают перед нами все пути, по которым шло развитие нашей души.

Как общее правило, Учителя не говорят о своём прошлом и ссылаются на него только тогда, когда их личный опыт помогает понять тот или другой закон, который они хотят разъяснить. Идущего ощупью чрезвычайно ободряет мысль о том, что достигнувший больших высот должен был проходить через те же испытания, которые в настоящее время так мучат его.

Письмо XLVII

ТОЛЬКО ПЕСНЬ

Хотите ли услышать другую песнь или гимн – называйте как угодно – того удивительного ангела, которого мы зовём «Прекрасным Существом»?

«Почему ты боишься спрашивать меня? Я – великий разрешитель вопросов.

Хотя мои ответы лишь символы, но ведь и сами слова только символы.

Я давно не навещал тебя, ибо когда я с тобой, ты не можешь думать о другом, а тебе нужно думать о тех, которые прошли тот самый путь, по которому идёшь и ты.

Ты можешь снять образец своих путей с других, но ты не можешь снять его с моих путей.

Я вношу свет в темноту, моего имени тебе ни к чему знать.

Имя есть ограничение, а я не хочу быть ограниченным.

В давно прошедшие времена Ангелов я отказался войти в образы моего собственного творчества, я соглашался лишь играть с ними.

Вот намёк для тебя, если ты хочешь намёков.

Тот, который удерживается своими собственными созданиями, становится рабом. Это одно из различий между мной и человеком.

Какой земной отец захочет отделаться от своих детей? Какая земная мать пожелает этого?

А я? Я могу заставить расцвести розу и – затем оставить её, чтобы могли радоваться ею другие.

Моя радость была в творчестве. Мне было бы скучно дожидаться, пока опадут все лепестки с моей розы.

Художник, способный забыть свои прежние создания, в состоянии творить всё более и более великие вещи.

Радость – в совершении, а не в удержании того, что уже сделано.

Сделать и выпустить из рук – да, это магия богов.

Существуют человеческие расы, которым я открыл себя, оне обоготворяют меня.

Но тебе не нужно обоготворять меня, ибо я не требую обоготворения.

Не значило бы это ограничивать себя собственными созданиями, если бы я ожидал чего-ни будь от душ, к которым прикоснулась моя красота?

Если бы ты знал магию этой свободы! Свободы творить и оставлять сотворённое!

Ты думаешь о магии удержания?

Да, есть магия и в удержании, пока удерживаемая вещь не доведена до совершенства.

Но когда она закончена, будет ли это поэма, или любовь, или дитя, оставь её.

И тогда ты будешь снова свободен и можешь начать новое творчество. В этом тайна вечной юности.

Никогда не гляди назад с сожалением; оглядывайся только для того, чтобы узнать, что позади тебя.

Гляди всегда вперёд; лишь когда человек перестаёт смотреть вперёд, становится он старым. Он водворяется на одном месте.

Я живу в каждом данном миге; это и значит жить в вечности.

Настоящее и будущее – товарищи моих игр: мы не можем играть, когда углубляемся в прошлое.

Я же могу быть великим товарищем лишь в поисках радости красоты».

Письмо XLVIII

НЕВИДИМЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДАРЫ

Ещё не поздно пожелать Вам весёлых рождественских праздников.

Как я узнал, что у вас Рождество? Я заглянул в знакомые мне дома и увидел там деревья, украшенные блестящими украшениями и дарами. Вас удивляет, что я мог видеть их? Но Вы забываете, что мы освещаем своё место, а когда мы знаем, как нужно смотреть, мы начинаем видеть позади покрывала.

Я не могу прислать Вам материальный дар, который Вы могли бы повесить на своё рождественское деревце; но я могу послать Вам доброе пожелание к празднику.

Матери, покинувшие маленьких детей на земле, хорошо знают, когда на земле приближается Рождество. Иногда они приносят невидимые дары, сделанные силою воображения и любви из тонкой субстанции этого мира. Я видел одну бабушку, которая в течение всего сочельника разбрасывала цветы вокруг любимых внучат. Благоухание этих цветов должно было проникнуть и в атмосферу земли.

Не приходилось ли Вам когда-нибудь почувствовать внезапно нежный аромат, который исходил непонятно откуда? Если да, то возможно, что кто-нибудь, любя, осыпал Вас невидимыми цветами. Любовь сильнее смерти.

Обычай праздновать Рождество очень хорош, если вы не забываете истинного значения этого праздника. Для одних он означает рождение духа Смирения и Любви; и, хотя любовь и смирение были в мире и прежде появления Иисуса из Назарета, но никогда, ни раньше, ни позднее, не приходили они с такой могучей силой. Были ли Вифлеемские ясли физической реальностью или символом, это не делает никакой разницы.

Странник такой, как я, желающий перенестись на определённое небо, должен прежде всего почувствовать то же, что чувствуют души, наслаждающиеся этим небом, и тогда только может он вступить в общение с ними. Он никогда не может оставаться только простым зрителем. Вот почему я лично избегаю того, что называют адом; но небеса я посещаю часто. Посещал я и христианские небеса и знаю их красоту. «В доме Отца Моего обителей много». Это верно.

Был я также и в чистилище римских католиков. Не относитесь высокомерно к тем, кто заказывает мессы для успокоения души усопшего. Бывает, что его душа сознаёт такую заботу о нём. Она может даже слышать музыку и пение, а иногда до неё может достигать и фимиам; но главное – души умерших чувствуют силу мысли, направленную к ним. Чистилище реально в смысле реального переживания. Если вы хотите называть его сном, называйте, но сновидения бывают иногда страшно реальны.

Даже и те из перешедших сюда, которые не верят в чистилище, испытывают временно большую грусть, пока не приспособятся к новым условиям здешней жизни. Но если бы кто-нибудь сказал им, что они были в чистилище, они бы отнеслись к этому заявлению отрицательно, и тем не менее признались бы, что состояние их было мучительно. Самый верный путь для того, чтобы избежать этот переходный период, – переступить в иной мир с полной верой в бессмертие, с полной верой в силу души творить условия своего существования.

Недавно моё сердце переполнялось любовью ко всем людям, и душа моя была полна идеей Христа.

Вероятно, благодаря этому, я легко поднялся в самые высокие из христианских небес; и я увидел Того, Кого называют Спасителем, во всей Его красоте. Он тоже спускается по временам в ваш мир.

Не знаю, смогу ли я вам объяснить это? Любовь Христа всегда присутствует в мире, ибо всегда существуют сердца, которые поддерживают её свет. Если бы мысль о Христе-Искупителе поблекла в земном мире, Он, по всей вероятности, возвратился бы на Землю, чтобы снова зажечь пламя в человеческих сердцах; и что бы ни думали позитивно настроенные умы, эта идея никогда не была более реальна, чем теперь.

Мир совсем не в таком плохом состоянии, как некоторые думают.

Не удивляйтесь, если скоро настанет настоящее возрождение духовности. Всё на свете подвержено закону ритма.

Ангелы Христианских небес знают, когда празднуется Рождество на земле. Иисус Назаретский есть реальность. Как духовное тело, Он существует во времени и пространстве; как Христос, как прообраз духовного человека, Он существует в сердцах всех людей, в которых пробуждена эта идея. Он – то же, что Свет, отражённый во множестве водяных капель. Он образец величайшего Учителя. Он усвоил Закон и провёл его через свою жизнь. И когда он сказал: «Отец и Я – Мы одно», Он этим указал всем людям, как осуществить в себе высокую ступень Учителя. И если кто-либо спросит, какова цель земной жизни, скажите им, что цель эта – эволюция Учителя из человека. Вечность долга. Цель светит для каждого, у кого есть сила, а кто не в силах вести, тот может служить.

Я не решаюсь сказать, что каждый из нас достаточно силён, чтобы достигнуть учительства; но никто из нас не может быть настолько слабым, чтобы не иметь хотя бы небольшой части в великой задаче развития Учителя из человечества. Великое счастье – служить, и те, которые служат, получают свою награду.

Большая ошибка, которую делают все, оспаривающие проблему эволюции, состоит в непонимании факта вечности, как вечности, в непонимании, что быть бессмертным, значит не иметь ни начала, ни конца. Времени достаточно для развития не в одном цикле жизни, так в другом, который последует за ним; ибо ритм не прекращается.

Пока я был на Земле, я не владел идеей бессмертия; и только здесь, когда я начал собирать нити моего собственного прошлого, я понял. Более всего помогло мне в этом то явление, которое я знаю, как Прекрасное Существо; оно научило меня упиваться торжеством бессмертия, оно, которое играет с бесконечностью, как дитя играет с шариками.

Когда Прекрасное Существо говорит: «Я есмь», вы чувствуете также, что и вы есть. Когда Прекрасное Существо говорит: «Я срываю столетия, как дитя обрывает лепестки маргаритки и отбрасываю плодоносную сердцевину, чтобы вырастали цветы, приносящие новые столетия», вы испытываете, что нет таких слов, которые могли бы выразить восторг бессмертия, который чувствуешь под влиянием радости Прекрасного Существа.

Вы совсем забываете, что считали себя существом из плоти, когда этот светлый гений сознательного бессмертия ликует в упоении своим собственным бытием. Когда Прекрасное Существо берёт вас с собой на прогулку по «небесным лугам», вы чувствуете себя как один из сонаследников вселенских владений.

Прекрасное Существо было со мной в тот раз, когда я достиг высочайших христианских небес. Если бы я мог выразить то, что я там испытал, возможно, что Вы начали бы спешить сюда, а Вы должны оставаться на земле ещё долгое время, Вы должны познать реальность бессмертия, оставаясь во плоти, и должны передать другим это знание.

Я говорил Вам о тех небесах, в которых пребывают обыкновенные добрые люди; но те, которые любят Бога с глубокой страстью, те достигают таких высот созерцания и экстаза, каких человеческая речь не в состоянии описать. Рядом с Прекрасным Существом я испытывал эти экстазы прошлую ночь, когда Вы были погружены в сон.

Где я буду в следующий Рождественский сочельник? Где-нибудь во Вселенной; ибо мы не можем покинуть её, если бы даже захотели. Вселенная не может обойтись без нас, она была бы неполна. Возьмите эту мысль с собой в наступающий Новый Год.

Письмо XLIX

ВЫСШИЙ МИР ГРЁЗ

Я давно не был у Вас потому, что ставил опыт и был сильно занят.

С тех пор, как я перешёл сюда, я так часто видел мужчин и женщин, находящихся в состоянии субъективной радости блаженных сновидений, если можно употребить это слово, – что я решил, в свою очередь, провести несколько дней, погрузившись в свой внутренний мир, чтобы испытать то же самое, что испытывают они. Я долго колебался, потому что не хотел засыпать на долгий срок и терять время, ценное для меня и для Вас.

Но когда я однажды выразил перед Учителем моё желание посетить высшую страну грёз, заключённую в моём собственном сознании, я высказал опасение, что могу надолго заснуть, – и он обещал найти меня и пробудить ровно через семь дней по земному исчислению, если я сам не проснусь ранее этого срока. «Ибо, – сказал он, – вы можете установить в своём сознании будильник, на который можно положиться вполне».

Этот факт был мне известен по прежним опытам, но я боялся, что психический сон глубже обыкновенного сна и что мой будильник не начнёт действовать в назначенное время.

Во время земной жизни я часто слышал рассуждения о том, что духи, вступающие в общение со своими друзьями, почти ничего не говорят о потусторонней жизни. Очень возможно, что причиной служит неуверенность в том, что их поймут, если бы они вздумали описать своё новое существование, до того оно разнится от жизни на земле.

Кроме того, большинство пребывающих здесь душ впадает в состояние грёз, или сновидений, которые и я решил испытать на себе. Некоторые души время от времени просыпаются, и тогда они могут проявить интерес к явлениям и людям на земле; но, если сон очень глубок, и душа желает покинуть всё земное, тогда это подсознательное состояние может длиться непрерывно в течение многих лет и даже столетий. Но душа, которая в состоянии спать в течение столетий, принадлежит, вероятно, к тем душам, жизненный ритм которых очень медленен.

Итак, перед тем как погрузиться в глубокий сон, я наложил на себя зарок оставаться в этом состоянии недолго.

Да, эта страна грёз внутри меня самого была поистине полна чудес! На языке теософов это, наверное, и означает их отдых в блаженстве Девачана. Но как бы ни называть это переживание, оно стоит того, чтобы быть незабвенным.

Я закрыл глаза и погрузился глубже, чем мысль, туда, где беспокойные волны жизни затихают и душа становится лицом к лицу с собой и со всеми чудесами прошлого. В этом состоянии всё очаровательно. И если при этом душа способна запомнить свои сновидения, как это было со мной, в таком случае состояние грезящего несравнимо ни с чем.

Погружаясь, я решил наслаждаться, и я действительно наслаждался. Я нашёл там призраки всех, когда любил в земной жизни. Они улыбались мне, и я понял тайну каждого из них и что именно притягивало нас друг к другу. Я нашёл там и все мои старые честолюбивые мечты, и я наслаждался плодами всех моих трудов на земле. Прекрасный мир, розовый, как весенняя заря, этот внутренний мир души, и каждое желание сердца пребывает в нём. Не удивительно, что напряжённая земная жизнь бывает так часто тяжёлой и утомительной: эта жизнь грёз, следующая за ней, так прекрасна, что равновесие должно быть соблюдено.

Отдых! Покой. На земле вы не знаете значения этого слова. Я отдыхал только семь дней; но до такой степени восстановились мои силы, так освежились оне, что не будь у меня иных намерений, я мог бы, кажется, снова вернуться на землю.

Не пренебрегайте отдыхом, вы, которые продолжаете вести трудовую жизнь под лучами земного солнца. Ибо каждый лишний час полного покоя увеличивает вашу трудоспособность. Не бойтесь, вы не расточаете времени, когда тихо лежите и мечтаете. Как я уже говорил, вечность долга. Существует достаточно придорожных убежищ для отдыха, на пути следования циклов времени.

Если вам хочется долгого-долгого небесного отдыха – что же, пользуйтесь им. Наслаждайтесь им даже на земле, если это привлекает вас.

Не будьте всегда в напряжении, даже и в вашем литературном труде. Идите на простор и затейте игру с белками, или растянитесь у горящего камина и мечтайте вместе с вашей домашней кошкой. Кошка наслаждается дремотой у тлеющего очага точно так же, как ловлей мышей, смотря по настроению. Она не может вечно охотиться, так же и вы.

Попробуйте когда-нибудь погрузиться в Девачан, и вы увидите, до какой степени это освежит вас. Может быть, я неверно употребляю слово «дэвачан», вы знаете, что я никогда не был силён в теософических учениях. Так, я слышал, что нирвана определяется как состояние в высшей степени напряжённого движения, до того быстрого, что оно кажется неподвижным, подобно пущенному волчку или крыльям летящего колибри. Но нирвана пригодна не для всех людей, по крайней мере, не для всех современных людей.

Я упомянул о чудесах моего блаженного семидневного отдыха, но я не могу описать их. Как бы было возможно сделать это? Один великий поэт однажды сказал, что нет мысли и нет чувства, которое не могло бы быть выражено словами. Может быть, он потерял свою уверенность теперь, когда провёл около 60-ти земных лет в этой стране чудес.

Когда я решил насладиться отдыхом, я приказал своей душе сохранить все мои сновидения. Конечно, я не могу сказать, не ускользнуло ли которое-нибудь из них, как и Вы, просыпаясь, не можете сказать, все ли ночные переживания сохранились в Вашей памяти. Но когда я вернулся в нормальную жизнь этого мира, которую вы называете астральной, я чувствовал себя как путешественник, возвратившийся из дальнего странствия с запасом чудесных приключений, которые ему не терпится рассказать. Но только я не рассказывал их никому. И кто бы стал слушать эти грёзы и видения? Я не хочу надоедать никому, даже и моим «развощённым» сожителям. Будь тут Лайонел, я позабавил бы его моими рассказами, но он потерял для меня на время.

Кстати, в его случае почти совсем не было деваканического отдыха. Оттого ли, что, перейдя сюда так рано, он не успел исчерпать нормальный ритм? Возможно. Если бы он остался здесь до полного возраста, он бы так же устремился к более глубокому внутреннему миру. Но я не хочу рассуждать; это летопись переживаний; рассуждения я предоставляю Вам.

Я нашёл в моём мире грёз прекрасное, невыразимо прекрасное лицо. Я не скажу Вам чьё, пусть это останется моей тайной. Несомненно, я видел много лиц, но одно было всех прекрасней, и это не было лицо Прекрасного Существа. Прекрасное Существо я вижу только тогда, когда обладаю вполне ясным сознанием, когда я бодрствую. Я никогда не видел его во сне, лишь его призрак проносился передо мной в сновидениях. В стране грёз, о которой идёт речь, мы видим лишь то, что существует в нашем собственном сознании. Там нет вещей, только воспоминания о вещах, только изображения их.

Воображение творит в этом мире, как оно творит в вашем; оно настоящим образом формирует из тончайшей субстанции; но в этой области, которую я назвал «высшей областью грёз», я не думаю, чтобы мы формировали из субстанции. Это мир световых и тёмных картин, слишком тонких, слишком неуловимых, чтобы можно было описать эту волшебную игру света и тени. Словами этого не передашь.

Разве вы можете описать аромат цветов? Разве вы расскажете, как ощущается поцелуй? И даже, если бы вы вздумали рассказать любую испытанную эмоцию, например, страх – разве человек никогда не испытывавший страха, мог бы понять вас? Также и я не могу описать, как можно грезить в этом духовном мире грёз. Одно скажу: как бы вы ни наслаждались, какими бы восторгами ни упивалось ваше сердце, пока вы всё ещё в теле, – вы будете иметь лишь тень от тени того, что я испытал за эти семь дней, отражение отражения той реальной мечты, которую я пережил в этой волшебной стране грёз. Отражение отражения! Мне нравится это выражение. Оно даёт верную картину, хотя и не передаёт непосредственного впечатления. Попробуйте же грезить, и хотя Вы ещё на земле, возможно, что Вы уловите отражение от отражения невыразимых словами радостей духовного мира грёз.

Письмо L

ПРОПОВЕДЬ И ОБЕЩАНИЕ

За то, что я столько раз приходил к Вам и рассказывал истории для Вашего развлечения, могу я на этот раз произнести проповедь? Обещаю, что она не будет длинна.

Вы живёте в стране, где острия церковных колоколен пронизывают голубой воздух, и, если смотреть на них с той стороны облачного покрова, острия эти похожи на поднятые пики нападающей армии – чем они, в действительности, и являются, когда одолевают вас неистощимыми проповедями. Заурядная проповедь состоит почти всегда из советов, и моя проповедь не будет в этом отношении оригинальнее других. Я хочу дать Вам совет, Вам и всем тем, кто благодаря Вам выслушает мою проповедь.

Вы должны признать, что у меня были исключительные возможности для подавания советов. По-настоящему, мне следовало бы указать Вам, с точки зрения серьёзного и глубокомысленного – хотя и несовершенного – наблюдателя, потусторонние последствия тех причин, которые приводятся в действие обитателями Земли. Сказано, что причины и последствия – равносильны и противоположны. Очень хорошо. Теперь я хочу обратить Ваше внимание на несколько иллюстраций этой аксиомы, которые мне приходили на мысль в последнее время. Если мне придётся повторить одну или две вещи, которые я уже высказывал, это не важно. Вы могли забыть их, могли не применить их к делу приготовления своей души к будущей жизни по сю сторону «пучины смерти». Я употребляю это обросшее мхом выражение потому, что пишу проповедь, а не поэму, с церковной же кафедры почти всегда изливается достаточно избитая риторика.

Проповедники напоминают вам почти каждое воскресенье, что вы должны рано или поздно умереть. Но как вы понимаете это? Проникается ли ваше сознание тем фактом, что в любую минуту, завтра или через пятьдесят лет, вы можете внезапно очутиться вне этого тела, к связующей силе которого вы так привыкли; что вы окажетесь – в одиночестве или в сообществе – в чрезвычайно тонком и лёгком теле, вначале трудно управляемом, без определённых средств общения с теми друзьями и родными, которые находятся в той же самой комнате, вместе с вами?

Можете вы себе представить такое состояние? Если нет, то проведите эту идею через сознание, охватите её обоими полушариями вашего мозга, пригвоздите её всей остротой вашего ума. Вы непременно умрёте.

Ради Бога, не пугайтесь! Я не имею в виду Вас или какую-нибудь определённую личность, которая должна умереть завтра или в будущем году; но умереть *когда-нибудь* Вы должны; и если Вы будете напоминать себе об этом почаще, Вы облегчите то потрясение, которое неизбежно, когда событие это совершится.

Не носитесь с мыслью о смерти. Боже вас сохрани придавать такое злое значение моим простым словам! Но будьте готовы. Вы застраховываете вашу жизнь за столько-то, чтобы обеспечить свою семью, но вы ничего не делаете, чтобы застраховать ваш будущий покой.

Вспоминайте всегда следующее: как бы точны ни были ваши распоряжения относительно ваших земных дел, несомненно, что кто-нибудь переделает ваше желание по-своему. Нужно заранее знать это и сказать себе: «Не всё ли равно?» Научитесь чувствовать, что прошлое есть прошлое, что только будущее полно возможностей для вас, и чем скорее вы предоставите другим заняться вашими раз и навсегда сброшенными земными делами, тем лучше для вас. Научитесь выпускать из рук. Это первое, на что мне хотелось обратить ваше внимание.

Не вступайте в новую жизнь, устремив один глаз на небеса, другой, повернув к земле. Вы не уйдёте таким образом далеко вперёд. Бросьте. Старайтесь немедленно отвернуться от этого мира.

Это может звучать для иных людей как бессердечный совет, ибо несомненно, что мудрый дух, взирающий на Землю из высших областей, может путём тонкого телепатического внушения оказывать благое влияние на земную жизнь людей.

Но желающих оказывать такое влияние бесчисленное множество. Небеса над вашими головами буквально кишат душами, которые жаждут приложить руку к земным делам. Души, которые не в состоянии «бросить», для которых принимать участие в чужих делах такая же непреодолимая привычка, как... ну, как курение табака или опиума. И опять-таки не считайте меня бессердечным. Я говорю напрямик, но я люблю вас, обитателей Земли. Если я и задеваю вас, то для вашего же добра.

А теперь я подхожу к другому очень важному совету. Забудьте, если можете, все грехи, которые вы совершили во плоти. Вы не можете избежать их последствий, но вы можете уклониться от укрепления вашей связи с грехом, вы можете уклониться от своего возвращения на землю загипнотизированными мыслью о своей греховности.

Не носитесь с грехами. Это верно, что вы можете исчерпать влечение к греху, разбираясь в нём до тех пор, пока ваша душа не почувствует отвращения; но это слишком медленный и неприятный процесс. Отрезать забвением гораздо лучше.

А теперь я хочу высказать мысль очень трудную для выражения по той причине, что она совершенно новая для большинства из вас. Мысль эта следующая: сила творческого воображения сильнее в людях, облечённых в земные тела, чем в людях-духах, сбросивших эти тела. Это не значит, что большинство умеет применять эту силу, нет, большинство не умеет; но мне хочется указать вам на то, что они могут пускать её в дело. Плотное тело есть как бы сопротивляющаяся основа, могучий рычаг, благодаря которому воля может проектировать всё то, что замышляется воображением. Мне думается, что в этом – настоящая причина, почему Учителя сохраняют свои физические тела. Дисциплинированный ум, облечённый в такую материю нашего мира, сильнее, чем недисциплинированный ум, облечённый в физическую материю; но Учитель, остающийся во плоти, может буквально повелевать легионами ангелов.

Это – в виде предисловия к той истине, что какую вы на земле рисуете вашу будущую жизнь в потустороннем мире, такова она и будет; препятствием является лишь недостаток силы воли; если этой силы достаточно, всё созданное воображением осуществляется легко, так как тонкая материя этого плана обладает свойством принимать любую форму, которую вы захотите дать ей.

Захотите двигаться вперёд после смерти, и вы будете двигаться; захотите научиться – и вы научитесь; захотите вернуться на Землю, чтобы выполнить определённую задачу – и вы вернётесь и выполните её.

Карма – железный закон, это верно; но ведь вы – творцы своей кармы.

Но больше всего, не ожидайте – потому что ожидание та же просьба – бессознательности и уничтожения. Вы не можете уничтожить ту единицу силы, которую вы представляете из себя, но вы можете самовнушением усыпить её на долгое время. Уходите из жизни с твёрдой решимостью удержать своё сознание, и вы удержите его.

Когда придёт время для вас вступить в ту область отдохновения, которую Древняя Мудрость называет Девачаном, вы несомненно вступите в неё; но это будет позднее; не непосредственно после вашего ухода.

Когда вы достигнете этого состояния, вы переживёте во сне всю прежнюю земную жизнь вашу и претворите все её переживания, весь опыт её, но к этому времени вы уже вполне отделаетесь от желания принимать участие в жизни земных ваших друзей.

Пока вы ещё на земле, никогда не вызывайте духов умерших людей. Они могут быть заняты в другом месте, а вы можете быть достаточно сильны, чтобы отвлечь их от своего дела и привлечь – против их воли – к вашему делу.

Не могу не поблагодарить Вас, пишущую для меня, за то, что Вы никогда не зовёте меня, принимаете меня, когда мне удобно, и даёте мне высказаться, не разбивая моих мыслей вопросами и комментариями.

Вы должны помнить, что, когда я впервые пришёл к Вам, Вы даже не знали, что я уже покинул землю. Я нашёл Вас в пассивном настроении и написал через Вас письмо, подписанное знаком, значение которого было неизвестно для Вас, но который – я знал это – будет немедленно узнан одним из ближайших друзей Ваших. Это было очень счастливым начинанием, ибо оно внушило Вам доверие к подлинности моих сообщений. Прибавлю одно только слово перед тем, как уйти от Вас.

Если бы Вы настойчиво призывали меня в течение этих дней моего отдыха, Вы могли бы насильственно прервать чрезвычайно ценный и интересный опыт.

И потому моё последнее заключительное слово, моё благословение после проповеди будет такое: не будьте эгоистически настойчивы, даже с так называемыми мёртвыми.

Если Ваша нужда велика, души, любящие вас, почувствуют это, и сами придут к Вам на помощь. Это часто подтверждается и на земле, среди тех друзей, психическое восприятие которых уже раскрыто.

Письмо LI

ВЕСЕННЯЯ ПОРА МИРА

Сказав Вам в последнее наше свидание, что Вы должны «умереть», как выражаются на земле, я сегодня чувствую потребность уверить Вас, что Вы никогда и ни в коем случае не можете умереть; что Вы будете так же бессмертны, как ангелы, так же бессмертны, как сам Бог.

Нет, это не есть противоречие.

Я и прежде говорил о бессмертии, это всегда было моей любимой темой; но с тех пор, как я узнал Прекрасное Существо, бессмертие сделалось для меня торжествующей уверенностью.

Прекрасное Существо живёт в вечности, подобно тому, как мы, по нашему представлению, живём во времени. Не хотите ли записать ещё одну песнь Прекрасного Существа?

«Когда вы видите меня в зелёных деревьях и на зелёных лужайках, знайте, что вы приблизились ко мне.

Когда вы слышите мой голос в безмолвии, знайте, что это я говорю с вами.

Бессмертные любят говорить друг с другом через смертных, и для них большая радость – будить ту радость, которая дремлет в душе сынов земли.

Когда пробуждается радость, пробуждается и душа.

Вы ищите Бога в том или другом человеке, и иногда вы находите Его в нём;

Но меня вы ищите в вашей собственной душе; и чем глубже искание, тем прекраснее видение.

Да, я – и в природе, я – и в вас самих, когда вы ищите меня там.

Ибо природа двойственна, и одну её половину вы носите в себе.

Все вещи и едины, и двойственны – даже я, и вот почему вы можете найти меня.

Можете ли вы понять очарование свободы, возможность по воле своей проноситься вокруг неба и земли и через души людей!

Я – легче пушинки одуванчика и долговременнее величайшей звезды.

Вечное – неосвязаемо, и только неосязаемое – непреходяще.

Дорога, ведущая к волшебному замку мечты, не длинна; наиболее отдалённая – и та ближе, чем для вас соседняя дверь, но один лишь мечтатель находит её.

Когда работа легка – плата обеспечена; когда дни полны тяжёлых напряжений, награда откладывается вдаль.

Будьте радостны, и я награжу вас.

Я бы начертал своё имя на лепестках вашего сердца, но только одни ангелы могут прочитать такие письма.

Кто носит моё неведомое имя на лепестках своего сердца, тот принимается среди ангелов, как радующий их цветок, его благоухание достигает небес.

Знай, дитя земли, у сердца есть пыльца, и она оплодотворяет все цветы веры твоей.

Есть вера в душе, дитя земли, и она несёт в себе семена всех вещей.

Времена года приходят и времена года уходят, но весеннее время пребывает всегда.

Я же могу находить в вас лишь то, что было потеряно в «Весеннюю Порую» ...

Письмо ЛП

СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

Прошлой ночью мне встретила очаровательная женщина, совершенно не похожая на всех тех, с кем мне доводилось встретиться до сих пор. И то, что она весила всего миллиграмм вместо ста тридцати фунтов, нисколько не мешало ей быть очаровательной женщиной.

Я шёл по довольно спокойной дороге, когда увидел её, стоящей у фонтана. Кто создал этот фонтан? Ничего не могу сказать. В здешнем мире существуют скульпторы, которые создают фонтаны из любви к искусству, и фонтаны их куда прекраснее тех, что у вас скульпторы делают ради денег. Радость работника в самой работе! Ведь в конце-то концов мы здесь на небе, ведь верно?

Итак, я увидел очень красивую женщину, которая стояла возле фонтана, и поскольку я ценю и люблю красоту не только в фонтанах, но и в женщинах, я, естественно, остановился, чтобы полюбоваться ими обоими.

Она взглянула на меня и засмеялась.

– «Мне хотелось бы с кем-нибудь поговорить», – сказала она. – Какое чудо этот мир!

– Мне очень приятно, что вы так считаете, – отвечал я. – Я, например, совершенно не согласен с одной старушкой, которая заявила мне, что небо весьма заурядное место.

– А вы меня не помните, ведь так?

– Нет, а мы разве встречались?

– Встречались. И, конечно, вы бы меня вспомнили, если б попробовали.

И тогда я действительно вспомнил, кто она. Мы встретились несколько лет назад во время моей поездки в Нью-Йорк, и я разговаривал с ней тогда о тайнах жизни и смерти, о свободе воли и судьбе.

– Я проверила многое из того, что вы тогда сказали мне, – продолжала она, – и пришла к выводу, что всё это правда.

– И что же это, например?

– Первое и самое важное то, что человек в состоянии создать вокруг себя свою собственную обстановку.

– Да, вы легко можете убедиться здесь в этом, – отвечал я. – Но как долго вы уже в этом мире?

– Всего несколько месяцев.

– А как вы вышли из *того* мира?

– Я умерла от избытка радости.

– Наверное, это была приятная смерть и весьма необычная, – с изумлением сказал я. – Как же это случилось?

– Доктор сказал, что я умерла от сердечной недостаточности. Дело в том, что на протяжении многих лет я всё стремилась к одной вещи, и когда неожиданно её добились, то я просто не выдержала этого факта.

– А потом?

– Ну, я сразу поняла, что вышла из тела, благодаря которому я только и могла бы наслаждаться тем, что вдруг получила.

– А дальше?

– Я припоминаю, что я больше не была своим телом, что я была своим сознанием и что пока его ничто не затрагивало, я также могла оставаться спокойной. После чего я смело вступила в эту новую жизнь, радуясь предоставляемым ею возможностям.

– Без всякого сожаления?

– Да!

– «Вы и в самом деле философ», – сказал я. – И, хотя я никоим образом не смел бы настаивать, но скажу честно, что очень бы хотел узнать вашу историю.

– Многие сочли бы её довольно глупой, – отвечала она. – Да и мне самой она порой кажется весьма странной. Но я всегда хотела денег, *больших* денег.

И вот однажды умирает некто, оставляя мне своё состояние. Это и есть та радость, которая оказалась для меня слишком сильной.

– И как же вы пользуетесь этим состоянием, будучи здесь?

– О, разными способами. Мы с мужем планировали обзавестись красивым домом, если у нас когда-нибудь будут деньги. Мы собирались также много путешествовать и посмотреть достопримечательности, какие на свете есть. У нас также было двое или трое друзей, которые любили творить красоту в искусстве и которым помехой в работе было всегдашнее отсутствие средств. И теперь мой муж, будучи моим единственным наследником, стал обладателем всего достояния сразу же после с моей смерти. Таким образом, я наслаждаюсь всем вместе с ним и через него точно так же, как если бы была во плоти.

– А он знает о вашем присутствии?

– О, да! Мы обещали себе не оставлять другу друга ни в жизни, ни в смерти. Я сдержала своё слово, и он знает, что я сдержала его.

– И где он теперь?

– Он путешествует.

– В одиночестве?

– С ним никого, кроме меня, нет.

– И где он сейчас?

– Сейчас, в Египте.

– А вы не могли бы мне его показать? – спросил я.

– Думаю, да. Пойдёмте!

Нет нужды говорить, что ей не пришлось повторять мне своё приглашение. Мы нашли его – красивого мужчину под тридцать – сидящим в роскошном номере отеля в Каире. Похоже, мне были уготованы в Каире небывалые впечатления! Молодой человек читал, когда мы появились в комнате, но сразу оторвался от книги, так как почувствовал её присутствие. Не думаю, чтобы он заметил меня.

– Дорогая! – сказал он вслух. – Я видел пирамиды!

Она положила руку ему на лоб, и он закрыл глаза, чтобы лучше её видеть.

Затем его рука потянулась к столу, он снова открыл глаза, взял бумагу и карандаш. И я увидел, что *она* водит его рукою, которая написала:

«Я пришла вместе с одним другом. Ты видишь его?»

– Нет.

Он говорил вслух, а она писала карандашом и сообщалась ему также через его *внутреннее* восприятие.

«Ну тогда не важно, – написала она. – Он не эгоист. Я только хотела тебя ему показать. Я рассказала ему, как я счастлива, и теперь он видит, почему».

– Это моё путешествие – чистейший восторг! – воскликнул он.

«Это потому, что я с тобой» – отвечала она.

– А ты была со мной сегодня, у пирамид?

«Да, хотя на солнечном свете мне было и не очень хорошо всё видно. Тем не менее, я была там с тобой, а ещё я видела их при лунном свете. А куда ты поедешь отсюда?»

– Куда бы ты хотела, чтоб я поехал?

«На Нил, к Ассуану».

– Значит, туда и поеду. Когда мне отправляться?

«Послезавтра. А теперь, до свиданья, любимый мой. Я вернусь и буду возвращаться всё снова и снова».

В тот же миг мы оказались снаружи – она и я – в нежном свете звёзд египетского вечера.

– Ну, что я вам говорила? – спросила она с улыбкой торжества.

– А у вас нет желания идти дальше в духовный мир? – поинтересовался я.

– А разве есть что-нибудь духовнее любви? – спросила она в ответ. – Разве любовь неосуществление Высшего Закона?

– Но, – отвечал я, – недавно я писал в письме, обращённом к мужчинам и женщинам земли, советуя тем, кто попал сюда, как можно быстрее удалиться от земли и её проблем.

– Те, кто любит, как я, не последуют вашему совету, – с улыбкой сказала она. – А теперь ответьте мне, не лучше ли для Генри пребывать долгими вечерами вместе со мною? Не лучше ли для него быть счастливым, чем горевать обо мне?

– Но поначалу? Разве не был он безутешен после вашего ухода оттуда?

– Да, пока я не пришла к нему. Однажды вечером он сидел в крайнем удручении, и я взяла его за руку и написала ему: «Я здесь. Говори со мной». – «Любовь моя!» – воскликнул он, и лицо его просияло: «Ты правда здесь?» – «Да, я здесь с тобой, и буду приходить к тебе каждый день, пока ты не придёшь ко мне», – ответила я с помощью карандаша. Он ведь и не знал, что был так называемым «пишущим медиумом». А стал он им, чтобы ощущать моё присутствие, что иначе было бы невозможно из-за различия наших материальных форм.

– И что же, друг мой, – добавила она, – неужели вы мне посоветуете больше не навещать Генри?

– Что ж, как сказано, есть исключения у любого правила, – отвечал я. – И вы мне сейчас представляетесь именно таким исключением.

– Так, может быть, вам сделать тогда приписку к письму, адресованному обитателям земного мира?

– Если можно, – сказал я, – я лучше расскажу вашу историю в отдельном письме. Мои читатели смогут сделать собственные выводы.

– Что ж, спасибо, – отвечала она.

– Но, – добавил я – когда Генри, в свою очередь, появится здесь, вам обоим следует удалиться от земного мира.

– А сами вы уже удалились?

– До некоторой степени. Я задержался здесь только до той поры, пока не закончу свою работу.

– И куда вы тогда направитесь?

– Посещу другие планеты.

– Мы с Генри поступим так же, когда он придёт сюда.

Итак, мой друг, я поведал вам эту историю, как она есть. Бывают случаи, когда связь с землёй побеждает всё – такова сила любви. Но если говорить об общем правиле, касающемся всех, то я всё-таки остаюсь при своём прошлом утверждении и могу дать только тот же самый совет.

Письмо LIII

АРХИВЫ ДУШИ

Я уже говорил о решении посетить другие планеты, когда я кончу писать эти письма через Вас; но я не хочу умолчать, что придаю этим путешествиям по Вселенной гораздо меньшую духовную ценность, нежели тем, другим странствиям, которые я делал и буду делать по неизведанным тайникам моего собственного «я».

Путешествовать во времени и пространстве имеет для человека большое значение: он узнаёт другие страны и другие народы, видит разницу между другими и собой и узнаёт причину этой разницы; и всё же спокойные размышления приводят ещё скорее к внутреннему росту. Если человеку с раскрывшейся духовностью можно выбирать, для него лучше уединиться в пустынное место и искать в своей собственной душе те тайны, которые хранятся в её глубине, чем путешествовать без такой проверки, хотя бы и до самых пределов Земли.

Познакомьтесь с вашей собственной душой. Узнайте, почему вы поступаете так или иначе, почему вы чувствуете вот это или вот то. Сядьте спокойно каждый раз, когда вы сомневаетесь, и пусть истина поднимается из ваших собственных глубин. Проверяйте всегда ваши мотивы. Не говорите «я должен бы сделать это дело по такой-то причине, по этой причине я и делаю». Такой аргумент есть самообман. Если вы делаете что-нибудь хорошее, спросите себя причину. Возможно, что вы найдёте даже в самом добром деле скрытый эгоистический мотив. Если вы найдёте такой мотив, не отрицайте его перед самим собой. Признайтесь в нём перед собой, хотя объявлять о нём на стенах вашего жилища нет никакой нужды. Такое сокровенное понимание увеличит вашу симпатию и ваше сочувствие при обсуждении мотивов других людей.

Стремитесь всегда к идеалу; но не считайте каждую эмоцию идеальной, если она в действительности не такова. Будьте всегда правдивы с собой. Пока у вас не будет смелости говорить себе одну правду, вы не сделаете успеха в исследовании своей собственной души.

В промежутках между земными жизнями есть время для размышления, но привычка к размышлению должна быть заложена, пока вы ещё во плоти. Привычки, приобретённые во плоти, продолжают существовать и после того, как мы освобождаемся от плоти. Вот почему так важно сохранять себя насколько возможно свободным от всяких физических привычек.

Я сам сделал изумительное открытие в архивах моей собственной души. Я нашёл там воспоминание о моём прошлом столько отдалённом, что трудно даже и представить себе. Вглядываясь, каким образом причины, приведённые в действие в одной жизни, вызвали свои последствия в другой, я приобрёл более ценные знания, чем все те, которые мне может дать моё предстоящее путешествие на другие планеты.

Всё без исключения существует в душе; всякое знание находится там. Овладейте этой идеей, если можете. Непогрешимая часть нас самих сокровенна, и от нас зависит вынести её на свет Божий. Вот почему я советую развоплощённым людям отвернуться от развлечений и от ярких миражей земной жизни. Лишь в тишине уединения может душа выдать тайны свои.

Но это не значит, что я равнодушен к земной любви; наоборот, я люблю глубже, чем когда-либо, тех, кого я любил на земле; но я понял, что, если я могу любить их мудрой любовью вместо немудрой – это будет лучше и для них, и для меня.

И всё же земной призыв бывает иногда очень силен, и моё сердце даёт ответ по эту сторону разделяющего нас покрова.

Письмо LIV

ФОРМУЛА ДЛЯ УЧИТЕЛЬСТВА

Мой друг, я собираюсь покинуть Вас на время, может быть даже надолго.

Мне кажется, что мои ближайшие задачи по отношению к Земле окончены. И мне хочется ещё более облегчить свой груз и подняться на волнах эфира высоко-высоко и забыть в восторге новых переживаний, что мне снова придётся когда-нибудь проделать тяжкий путь через узкие врата рождения.

Я собираюсь вместе с Прекрасным Существом в далёкий путь чудесных открытий. Мой светлый товарищ уже проделал это путешествие и может указать мне дорогу ко многим чудесам. Есть нечто грустное в этом прощании. Помните, как Вы в последний раз видели меня в моём старом теле? Никто из нас не думал в тот день, что мы встретимся снова в чужой стране и при условиях до того необычных, что одна половина людей будет сомневаться, можно ли вообще встретиться таким образом, а другая не будет верить, что мы встретились на самом деле.

Но Вы, разве Вы не чувствуете меня более реальным сейчас, в этот вечер, чем я когда-нибудь был для Вас? Когда мы были вместе в прошедшие дни, разве Вы больше знали о том, что я намереваюсь сказать в следующую минуту, чем Вы знаете теперь? Напрягайте сколько хотите Ваш мозг, Вы не скажете, о чём я собираюсь говорить с Вами. Для Вас, по крайней мере, это будет служить доказательством, что я также реален, как и тогда.

В настоящее время я уже сказал то главное, что мне хотелось передать людям вообще. И я желал бы, чтобы Вы обнародовали эти письма, выбросив только по возможности личные обращения.

Да, возможно, что мы долгое время не увидимся с Вами. Но не грустите. Когда я уйду, возможно, что придёт кто-нибудь другой.

Не запирайте слишком плотно Ваших дверей; но охраняйте их внимательно и не впускайте никого без надлежащего пароля. Вы не можете обмануться; я дал Вам достаточно указаний.

Сегодня мне трудно писать, ибо чувствую грусть, покидая Землю. И всё же я в упоении от предстоящего путешествия. Подумайте только! Я увижу наиболее удалённые планеты и встречу с обитателями далёких звёзд!

Говорят, что на Юпитере живут существа изумительные на вид, я увижу их. Окажутся ли они прекраснее, чем наше собственное Прекрасное Существо, которое любит маленькую Землю и старается оставаться вблизи её, потому что на ней так много борьбы?

О, эта радость борьбы! Это – основная нота бессмертия, основная нота могущества. Пусть это будет моей последней вестью, направленной к людям. Скажите им, чтобы они радовались всем видам борьбы, чтобы они восхищались бесконечными возможностями сочетаний и творчества, чтобы они жили в каждом данном миге, готовясь в то же время для далёкого будущего, и чтобы они не преувеличивали значения временных падений и разочарований.

Когда они перейдут в этот наш мир и увидят свои жизни в перспективе, они убедятся, что большинство их тревог было ничтожно и что все лучи света и все тени были необходимы для полноты картины.

И у меня были и свет, и тени, но я не жалею ни о чём. Учитесь радоваться затруднениям, как сильный пловец наслаждается сопротивлением воды.

Если бы я только мог показать вам, какая сила возникает, когда встречаешь борьбу не только мужественно, но и с радостью! Вы видели, как наслаждается здоровый мальчик борьбой. Его кровь обращается быстрее, его нервы напрягаются; но только тот, кто сохраняет самообладание, может оказаться впереди.

Жизнь есть сражение. Мы облакаемся в материю, чтобы победить её, – иначе она победит нас.

Нет ничего во Вселенной сильнее человеческой воли, если она направлена сосредоточенной силой. Каковы бы ни были ваши силы, напрягайте их как можно сильнее в жизненной борьбе.

И помните, что противники ваши – не другие люди, а условия. Если вы будете бороться с людьми, то и они, в свою очередь, будут бороться с вами; но, если вы будете бороться с обстоятельствами, они будут поддаваться вам, сопротивляясь ровно настолько, чтобы держать мускулы вашей души в здоровом напряжении.

И не забывайте закона ритма – он в основе всего на свете. Рассчитывайте на ритм. Он никогда не обманывал и никогда не обманет. Следите за вашим собственным высоким приливом и плывите с ним; когда же настанет неизбежный отлив, или отдыхайте, или размышляйте. Вы не можете избежать ритма. Вы превзойдёте его, лишь действуя в согласии с ним.

Вы можете также пойти вспять и обрести юность, ибо и время имеет свой прилив и отлив; и имеется много струй на высоко вздымающемся жизненном приливе.

Чувствую, что я многое не досказал. Но мы снова увидимся с Вами!

«***»

1914г.

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчицы (*Е. Писарева*)

Предисловие автора к изданию 1919 года

ПИСЬМА ЖИВОГО УМЕРШЕГО

ВВЕДЕНИЕ

Письмо I
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Письмо II
НЕ ГОВОРИТЕ НИКОМУ

Письмо III
БЕРЕГИТЕ ДВЕРЬ

Письмо IV
ОБЛАКО НА ЗЕРКАЛЕ

Письмо V
ОБЕЩАНИЕ НЕВЫСКАЗАННЫХ ВЕЩЕЙ

Письмо VI
МАГИЯ ВОЛИ

Письмо VII
СВЕТ ПОЗАДИ ПОКРЫВАЛА

Письмо VIII
ЖЕЛЕЗНЫЕ ТИСКИ МАТЕРИИ

Письмо IX
ГДЕ ДУШИ ВОСХОДЯТ И НИСХОДЯТ

Письмо X
СВИДАНИЕ В ЧЕТВЁРТОМ ИЗМЕРЕНИИ

Письмо XI
МАЛЬЧИК ЛАЙОНЕЛ

Письмо XII
МИР ПЕРВООБРАЗОВ

Письмо XIII
РЕАЛЬНЫЕ И НЕРЕАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Письмо XIV
ФОЛИАНТ ПАРАЦЕЛЬСА

Письмо XV	
РИМСКАЯ ТОГА	
Письмо XVI	
ТА ВЕЩЬ, КОТОРУЮ НУЖНО ЗАБЫТЬ	
Письмо XVII	
ВТОРАЯ ЖЕНА	
Письмо XVIII	
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ВИДЫ АДА	
Письмо XIX	
ПРИЮТ ЛЮБВИ В НЕБЕСАХ	
Письмо XX	
ЧЕЛОВЕК, НАШЕДШИЙ БОГА	
Письмо XXI	
ДОСУГИ ДУШИ	
Письмо XXII	
ЗМЕЙ ВЕЧНОСТИ	
Письмо XXIII	
ОБРАЩЕНИЕ К ЗАЩИТНИКУ	
Письмо XXIV	
ЗАПРЕТНОЕ ЗНАНИЕ	
Письмо XXV	
ЛИШЁННЫЙ ТЕНИ МИР	
Письмо XXVI	
КРУГИ НА ПЕСКЕ	
Письмо XXVII	
МАГИЧЕСКОЕ КОЛЬЦО	
Письмо XXVIII	
ЕСЛИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ КАК МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ	
Письмо XXIX	
НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ	
Письмо XXX	
СИЛЬФИДА И ВОЛШЕБНИК	
Письмо XXXI	
ЗАДАЧА ИЗ НЕБЕСНОЙ МАТЕМАТИКИ	
Письмо XXXII	
ПЕРЕМЕНА ФОКУСА ВНИМАНИЯ	
Письмо XXXIII	

МОИ РЕШЕНИЯ	
Письмо XXXIV	
ПЕРЕХОД ЛАЙОНЕЛА	
Письмо XXXV	
ПРЕКРАСНОЕ СУЩЕСТВО	
Письмо XXXVI	
НИЗШАЯ СФЕРА	
Письмо XXXVII	
ПУСТАЯ ФАРФОРОВАЯ ЧАШКА.....	
Письмо XXXVIII	
ТАМ, ГДЕ НЕТ ВРЕМЕНИ	
Письмо XXXIX	
ДОКТРИНА НЕБЫТИЯ	
Письмо XL	
НЕБЕСНАЯ ИЕРАРХИЯ	
Письмо XLI	
ПУТЕШЕСТВИЯ С АНГЕЛОМ.....	
Письмо XLII	
ЖЕРТВА СОБСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ	
Письмо XLIII	
ОБЛАКО СВИДЕТЕЛЕЙ	
Письмо XLIV	
ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ	
Письмо XLV	
ИГРА В «ВЕРИШЬ – НЕ ВЕРИШЬ»	
Письмо XLVI	
НАСЛЕДНИКИ ГЕРМЕСА	
Письмо XLVII	
ТОЛЬКО ПЕСНЬ	
Письмо XLVIII	
НЕВИДИМЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДАРЫ	
Письмо XLIX	
ВЫСШИЙ МИР ГРЁЗ	
Письмо L	
ПРОПОВЕДЬ И ОБЕЩАНИЕ	
Письмо LI	
ВЕСЕННЯЯ ПОРА МИРА	

Письмо LII
СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

Письмо LIII
АРХИВЫ ДУШИ

Письмо LIV
ФОРМУЛА ДЛЯ УЧИТЕЛЬСТВА